

СОКРОВИЩНИЦА
НАШОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДРИНУШКИН '96

СКОТТ Г. ДЖИР

ПЛЕННИКИ ГЕНЕЛЛАНА II

СКОТТ Г. ДЖИР

ПЛЕННИКИ ГЕНЕЛЛАНА II

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1996

ББК 84 (7 США)

Д 84

УДК 820 (73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского С. Н. Самуилова

Редактор Н. Г. Нестеровская

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента. Любые другие публикации настоящего произведения являются противоправными и преследуются по закону.

Права на издание приобретены через литературное агентство «Права и переводы», г. Москва

Джир Скотт Г.

Д 84 Пленники Генеллана: Роман в двух томах. Т. 2/Пер. с англ. С. Н. Самуилова. — Смоленск: Русич, 1996. — 400 с. — (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-488-X

ISBN 5-88590-490-1 (т. 2)

В глубины бескрайнего космоса забрасывает автор героев своего романа. Группа землян оказывается на прекрасной планете Генеллан, населенной удивительными крылатыми существами. Благополучию доверчивых местных жителей угрожает опасное соседство Северной Гегемонии, которой правит коварный император Джук Первый. Ради обладания секретом сверхсветовых перелетов он готов на все.

С 8400000000

ISBN 5-88590-488-X

ISBN 5-88590-490-1

© «Genellan: Planetfall» by Scott G. Gier, 1995

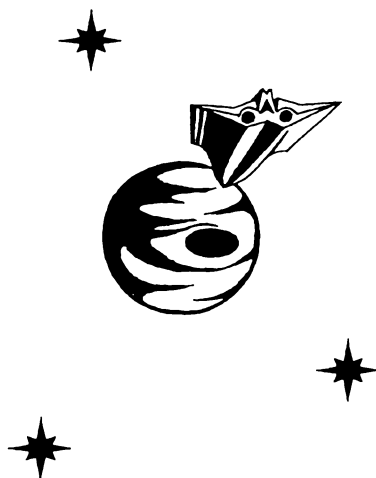
© Перевод. С. Н. Самуилов, 1995

© Разработка и оформление серии. «Русич», 1996

Часть III

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

ГЛАВА 25. ОБЩЕНИЕ

Ближе к вечеру ветер окреп и разогнал облака — метель прекратилась. Обитатели скал обложили мешки снегом, из него же выложили стены, оградив ими небольшое пространство. Сверху все покрыли звериными шкурами. Пожевав сушеного мяса, они сгрудились в своих убежищах, расстелив оставшиеся шкуры. Охотники улеглись, тесно прижавшись друг к другу, но четверо остались снаружи, окружив землян.

— Часовые, — определила Буккари, щурясь в тающем свете дня.

— Или стража, — уточнил Макартур. — Кому что больше нравится. Вопрос семантики. Буккари подняла голову.

— Семантики, да? Я и не знала, капрал, что вы философ, — удивилась она, обматывая шею заиндевшим шарфом.

— Философ? Нет. Хотя возможно, но только не сейчас, а когда будет потеплее, — ответил Макартур, вколачивая стойку в мерзлую землю. — А знаете, — простодушно продолжил он, — наши маленькие друзья не так уж глупы. Они спят вместе, так теплее. А тепло

важнее любой философии, — Буккари занимала отдельную палатку.

— Наверное, — ответила она, закрывая лицо шарфом.

Макартур резко выпрямился. Лейтенант повернулась и увидела, что к ним приближаются два крылатых существа. В памяти всплыли все те церемонии, которыми сопровождались предыдущие контакты, и она поклонилась. Макартур последовал ее примеру.

Браан поклонился в ответ, довольный проявлением уважения со стороны чужаков. Длинноногие в нерешительности переглянулись, и вождь взял инициативу на себя, просвистев несколько низких нот. Ему ответил тот, чье лицо густо поросло волосами, хотя главным у них, несомненно, был другой, пониже ростом. Именно он что-то сказал и откинул полог, прикрывавший вход в их временное жилище. Потом жестом пригласил охотников войти. Жест был крайне неприличный: длинноногий указал пальцем. Первым, однако, вошел длинноногий повыше, который предварительно отряхнул с себя снег. Тогда Браан таким же жестом показал второму чужаку на вход, тот кивнул и исчез вслед за первым.

Теперь наступила очередь обитателей скал. Подчиняясь Браану, в отверстие нырнул Краг, тоже, по примеру чужаков, отряхнувший снег со шкуры-накидки. Последним вошел сам вождь, задержавшись на мгновение, чтобы дотронуться до любопытного материала, из ко-

торого было изготовлено жилище. Он не стал прикрывать за собой вход, и последний отблеск дневного света скупно озарил обиталище длинноногих. Браана охватила паника. Сидеть рядом с потенциальным врагом было нарушением всех правил. Да что правил? Инстинкты восстали! Сырой и кисловатый запах длинноногих пропитывал весь интерьер, и вождь пожалел, что они вошли сюда.

— Явно те же ребята, что забрали Тонто, — определил Макартур. — Посмотри на шрамы на носу у главного.

— Командир! — обратилась Буккари, указывая на второго из гостей.

Тот резко подался от указующего пальца. Она посмотрела на свою руку и медленно опустила ее. Гость успокоился, расслабился.

— Командир явно не любит, когда на него указывают пальцем, — заметила Буккари.

— Вероятно, — согласился Макартур.

— Но он же сам указал на меня, когда мы были снаружи, — недоуменно сказала она.

— Да, но мне кажется, он всего лишь повторял наш жест, — ответил капрал.

Он поднял палец вверх. Оба гостя напряженно наблюдали за ним. Макартур стал медленно опускать руку в их направлении. Когда палец указал на главного, тот осторожно отвел руку человека в сторону. Макартур кивнул, и существа тоже закивали. Затем вождь наклонился, крепко сжал руки капрала и сложил его пальцы в молитвенное положение. После этого

он сам сделал то же и протянул руки сначала в направлении Макартура, потом Буккари. Вытянув длинный палец своей трехпалой кисти в сторону капрала, вождь покачал головой и убрал руку.

— Интересно, — сказала Буккари, складывая руки в манере гостя. — Должно быть, показывать пальцем неприлично.

— Прогресс, — заметил Макатур. — Первый шаг — обучение манерам.

Вход в палатку заслонила темная фигура.

— Мак, ты здесь? — громко спросил Честен.

При этих оглушительных звуках оба гостя отпрянули в глубь палатки.

Буккари тихо сказала:

— Честен, отойди от входа. У нас здесь два гостя, — огромная фигура бесшумно исчезла.

Лейтенант жестом указала на выход. Существа оживленно закивали и выбрались наружу. За ними последовали Буккари и Макатур. Гости еще раз поклонились и скрылись в белой мгле. Буккари посмотрела на Макатура, ее бедро все еще хранило тепло от прикосновения его колена. Она была взволнована: они сделали еще один шаг к установлению контакта со странными крылатыми существами, но, пожалуй, еще больше на нее подействовал другой контакт, физический, с себе подобным.

— Спокойной ночи, капрал, — сказала она, вглядываясь в его милое лицо и с трудом сохраняя серьезное выражение. Потом сложила руки в манере их новых знакомых и прижала к щеке. Затем выбросила вперед кулак с поднятым большим пальцем: — Чушь! Проваливай!

— Совершенно верно. Есть! — отозвался

Макартур и, повернувшись к ней спиной, шагнул прочь.

— О, Мак... капрал, — окликнула его Буккари.

— Да... лейтенант, — он быстро повернулся.

— Расскажите всем о том, что мы узнали. Ну, как нужно указывать. Не хотелось бы каких-то неприятностей.

Макартур выбросил вперед палец и нажал воображаемый курок.

— Бах! Получи!

Она засмеялась и, пригнувшись, вошла в палатку. Внутри было холодно, и Буккари решила не раздеваться. Она забралась в спальный мешок, застегнулась и закрыла глаза. Из другой палатки донесся сдавленный смех, но лейтенант уже провалилась в бездну — ей ничего не снилось.

Путешественники проснулись рано, еще только начало светать. Снегопад продолжался всю ночь, и теперь все выглядело иначе, чем накануне, — ровнее, спокойнее. В далеком синем небе — ни облачка, воздух прозрачен и свеж. Макартур внимательно осмотрелся: подъем, начинавшийся у самого берега, казался совершенно вертикальным — без малейшего намека на тропинку. С другой стороны долины, сразу за темным шрамом реки, пересекающим нетронутую белизну, лежал весь остальной мир — невинный, чистый, ожидающий первых золотых лучей солнца. Видимость была прекрасной, и восточный горизонт, действительно,

представлялся краем света. За пиками близнецов-вулканов, мрачно испускающих кольца сероватого дыма, расстилалась бесконечная равнина — мягкая и монотонная. И уж совсем далеко, за изгибом планеты, за северо-восточным горизонтом, подымались рваной линией еще одни горы, уже омытые светом нового дня.

Как завороченный, Макартур смотрел на все это великолепие, пораженный масштабами и глубиной представшего его глазам зрелища. Конечно, в космосе ему доводилось видеть полную бесконечность, но здесь картина была мощнее. Ее глубину и масштабы только подчеркивали и усиливали конкретные, определенные предметы, понятные и доступные человеческому сознанию, имеющие вес и размер, видимые с такой отчетливостью, которая казалась совершенно невозможной. Можно видеть звезду, но она остается недоступной и непонятной, по крайней мере, если не разуму, то душе.

Обострился и слух: Макартур различал чириканье и щебетание крылатых существ, сливающиеся в пронзительный, неумолчный хор. Они поднимались по тропинке, покинув свой ночной лагерь. Из-за палатки раздались громкие голоса его товарищей, звяканье посуды, шорохи. Он отчетливо слышал каждое слово, каждый звук, скрип снега под ногами. Все его чувства, усиленные и словно настроенные этим ясным морозным утром, давали ему ощущение физического совершенства, несвойственного простому смертному. Он чувствовал себя всемогущим. Живым.

— Мечтаем, капрал? Солнце еще не встало, — услышал он голос Буккари. Она брела

по снегу в нескольких шагах от обрыва. Макартур посмотрел ей в глаза. Как же она прекрасна! Сейчас на ней не было шарфа, щеки разругались, зеленые глаза сияли.

— Доброе утро, лейтенант, — он повернулся лицом на восток. — Прекрасно! — изо рта вырвались клубочки пара.

Восточный горизонт как будто разделял небо и землю четкой линией. Эту грань уже пронзали красновато-золотистые лучи. Они касались кожи лица трепетными теплыми пальцами, усиливая ощущение радости жизни.

— Чудесно! — ответила Буккари. Они повернулись друг к другу, испытывая одно и то же. Казалось, еще немного и... Макартур сдержался.

— Отстаем, да? — сказал он, кивая в сторону склона. — Наши друзья уже в пути.

— Да, — простонала Буккари, потягиваясь. — Пора в дорогу. Хотя... ведь если мы их потеряем, то ничего страшного.

Отряд обитателей скал тянулся по склону, оставляя за собой узкую дорожку, но два существа — вождь и его постоянный попутчик, названный Буккари С.П., то есть старший помощник, — держались в арьергарде колонны. Голова ее уже терялась за вершиной, а хвост тащился на середине подъема. Как ожерелье из серого жемчуга, подумал Макартур.

Панический свист прорезал воздух. Браан двинулся вперед мимо остановившейся колонны. Крааг не отставал от него. Подъем шел почти вертикально, охотники буквально лежа-

ли на гранитной стене, уперевшись ногами в снег. Три воина стояли на вершине, принимая драгоценные мешки с солью, транспортируемые сейчас поочередно, один за другим, вдоль живого конвейера. Браану и Краагу приходилось переступать через своих товарищей, так как тропинка была слишком узка.

— Догоним! — сказал Макартур, шедший впереди. — Передохните!

Буккари облокотилась на камень и ослабила лямки.

— Ну и крутизна, — выдохнула она. — Да и тропинка узковата.

— Вы отлично держитесь, лейтенант, — подбодрил ее шедший третьим Джонс. — Я за вами едва поспеваю.

— Спасибо, боцман. Нам ведь с вами не впервой! Разве на модуле было легче? Ничего, сейчас дозаправимся. Главное, чтобы зажигание включилось.

— Я с вами куда угодно, если вы за пилота, — сказал Джонс.

— Поддерживаю, — донесся сверху голос Макарура.

Буккари подняла голову и улыбнулась, но капрал уже повернулся спиной, готовясь возобновить движение. Она кивнула Джонсу, тот несколько нервно улыбнулся в ответ. Еще ниже стояли О'Тул и Честен, тихо переговариваясь и стараясь не смотреть вниз.

— Пошли, — скомандовал Макартур.

Буккари уперлась ногой в выступ, подтяну-

ла лямки рюкзака и уже собиралась сделать шаг, когда услышала пронзительный свист откуда-то сверху. На голову посыпался снег, и она невольно пригнулась.

— Быстрее! Быстрее! — закричал Макартур. — Надо уходить из-под этого снега!

Свист усилился. Послышались и другие звуки, напоминавшие панические, отчаянные крики. Вслед за Макартом Буккари выбралась на небольшую площадку, здесь тропа немного расширялась, перед тем как повернуть. Теперь она смогла, наконец, посмотреть вверх и понять, что случилось: кто-то из носильщиков выпустил из рук мешок. Пытаясь поймать его, другой сделал неверный шаг, и снег под ним пошел вниз. Существо лежало распротершись, с привязанным к спине собственным мешком, отчаянно цепляясь за снег когтями и пальцами. При этом он неумолимо сползал вниз вместе с участком снежного склона. Два существа, не обремененные мешками, поднялись в воздух.

— Джокко! — закричал сверху Макартур. — Отвяжись и тащи веревку туда, где снег падает на тропу. Один из этих ребят с мешком на спине, похоже, сейчас сорвется.

«Интересно, — подумала Буккари, — что сможет сделать Честен, оказавшись на пути возможной лавины».

— Вы все поднимайтесь к самому широкому месту и дайте мне другую веревку, — Макартур двинулся вперед, подтаскивая за собой всю группу. — Джокко! Если он будет падать, не пытайся поймать его, а то упадешь вместе с ним. Действуй только в том случае, если он

будет скользить. И будь осторожен, Джокко! Сними рюкзак.

Честен ухватился за конец веревки, снял рюкзак и двинулся к указанному месту, по колени утопая в снегу. С веревкой в руке он вышел на тропу и вскоре исчез за поворотом. Макартур тоже снял рюкзак, дожидаясь, пока освободится второй конец. Его товарищи спешно развязывали узлы на поясах. Носильщик за это время соскользнул еще на пару метров, скорость спуска заметно увеличилась.

Не успела Буккари сказать и слова, как Макартур ухватил свободный конец и на четвереньках пополз по склону. На полпути он остановился, обвязался веревкой, пропустив ее под мышками, и, упираясь башмаками в податливый снег, возобновил свой смертельный подъем.

Браан с трудом держался в воздухе под сползающим вниз охотником. Он уже просвистел ему сигнал, разрешавший бросить мешок, но отважный воин упрямо не желал этим воспользоваться, из последних сил удерживая свою ношу и призывая товарищей на помощь. Внимание вождя привлекло какое-то постороннее движение ниже по склону. Он присмотрелся и с изумлением узнал длинноногого. «Странно, — подумал Браан, — чужак карабкается отнюдь не в какое-то безопасное место, наоборот, отчаянно рискует». Смелый, решил вождь, или сумасшедший.

Длинноногий снял веревку с плеча, размах-

нулся и резким рассчитанным движением метнул ее к распростертому на снегу охотнику. Бросок оказался на удивление точным, веревка змеей скользнула к воину. Только теперь Браан понял, в чем состоит план чужака. А тот взял оставшееся кольцо и швырнул вверх. На этот раз сил ему не хватило, зато сам он еще дальше проехал вниз. Стоявшие на площадке длинноногие закричали.

Браан тоже закричал и стрелой бросился к свободному концу веревки. Упав в снег, он вцепился в нее когтями и снова взлетел, изо всех сил вытаскивая канат за собой.

Макартур почувствовал противную пустоту в желудке. Каждое его движение приводило к тому, что снег под ним сдвигался все ниже. Упираясь ногами было бессмысленно — двигалось все. Он взглянул на носильщика — тот схватил веревку и уже привязывал ее. К мешку!

— Нет! Обвяжись сам! — громко сказал Макартур, опасаясь, что крик вызовет обвал. Снег двигался, как ему казалось, даже от дыхания. — Черт, — прошептал Макартур, зарываясь лицом в мягкое пушистое покрывало. — Из-за чего я сюда полез? Из-за какого-то паршивого мешка неизвестно с чем.

Браан выпустил веревку — ее тут же подхватили руки охотников — и тяжело поднялся вверх. Решение принято.

— Отвяжи мешок. Дай веревку длинноногому, — приказал он.

— Вождь, — прощепетал охотник, выполняя приказ. — Мне не удалось...

Снежное поле снова пришло в движение. Воин все же успел швырнуть веревку чужаку, который крепко ухватился за нее.

— Я возьму мешок, воин. Улетай, ты еще сможешь показать себя в будущем и загладить промах, — просвистел Браан, набирая высоту.

Макартур крепко зажал веревку немеющими пальцами. Потом для надежности обернул ее несколько раз вокруг правой руки и протянул левую носильщику.

— Хватай! Держись за мою руку! — крикнул он, но существо опустилось ниже.

В воздухе послышался шум крыльев, и носильщик поднял голову. Сверху спускалось еще одно существо. Оно ухватило когтями мешок, прощепетало что-то и скрылось за гранитной стеной.

— Осторожно, Джокко! Сверху! — закричал Макартур.

Носильщик с оставшимся у него собственным мешком исчез из вида, сорвавшись вниз. Капрал закрыл глаза.

Крылатые существа над головой засвистели и захлопали крыльями, срываясь со скалы. К их крикам присоединились и те, что еще оставались на тропе. Неразбериха усилилась. Внезапно Макартур почувствовал, что движется вверх мощными рывками. Закинув голову,

он увидел, что его тянут Джонс и О'Тул. Боцман бесцеремонно сгреб его за воротник и вытащил на узкую тропу не шире трапа.

— Что с Честеном? — едва переводя дыхание, спросил он. — О'Тул, посмотри, как он там, — матрос осторожно двинулся по тропинке к площадке.

Вокруг него столпились любопытствующие и оживленно щебечущие обитатели скал. Среди них был и вождь. Встретив взгляд человека, он торжественно поклонился. Капрал, еще не поднявшись с колен, ухитрился ответить тем же. Чуть ниже стояла Буккари. Лицо ее посерело, в глазах блеснули слезы. Она смотрела на Макартура так, будто он вернулся из преисподней.

— Капрал, более дурацкого трюка я не видывала! — закричала Буккари. — Почему вы не перебрали нам веревку?

— Я думал, что получится быстрее, — начал он, чувствуя себя так, как не чувствовал много-много лет с тех пор, когда был еще ребенком. Он замолчал и опустил голову, пытаясь придумать более рациональное объяснение, но не смог. Лейтенант права. Он поступил опрометчиво. Макартур снова взглянул на нее, удивляясь силе ее эмоций. Она не просто отчитывала его, она перепугалась.

— Вы правы, лейтенант, — сказал он. — Наверное, у меня не было никакого плана, пока я не полез туда. А потом оказалось... — Буккари отвернулась, плечи ее вздрагивали.

— Извините, лейтенант, — отваялся Макартур. — Мне надо посмотреть на Честена. Наверное, я поставил его в неприятное по-

ложение, — он проскочил мимо нее к площадке и увидел обоих товарищей — Честен нес мешок, третья фигурка — едва заметное пятнышко — ползла следом.

При виде Честена Макартур ощутил, как сердце окатила теплая волна. Великан стал частью его существа, столь многое им пришлось перенести вместе. Он знал, что обязан Честену своей жизнью, но не мог выразить свою благодарность как следует, матрос все время только отшучивался, делая вид, что не понимает, о чем идет речь. Вот и сейчас он поднял голову, и лицо его расплылось в широкой добродушной улыбке. Макартур и сам улыбался, ощущая легкость во всем теле. В знак приветствия Честен поднял над головой серый мешок — трофей.

Только теперь капрал понял, что случилось. Его страх за судьбу друга и радость от того, что он жив и здоров, открыли ему глаза и на другое: с Буккари произошло то же самое! Это открытие согрело его, но и смутило. Он посмотрел вверх, на тропу — лейтенант стояла, сложив руки на груди. Макартур помахал рукой — она ответила.

Он вновь обернулся к Честену, тот бодро карабкался, придерживая сползающий с плеча мешок.

— Хо, Мак! — закричал матрос. — Ты знаешь, что здесь? Ни за что не догадаешься. Соль!

— Соль? — переспросил Макартур, хватая Честена за рукав и помогая ему подняться. — Так эти парни рискуют жизнью из-за соли? —

но уже говоря это, он понял, что ведь соль требуется и им самим. Да еще как!

— Я слышал, как ты орал, — с гордостью произнес Честен. — Только взглянул вверх, и тут этот мышонок скользит со скалы, вцепился когтями в мешок, крыльями машет — упрямый... ну прямо как ты, Мак. Но все же не удержал. Мешок так и свалился прямо мне в руки, а тут еще и этот герой летит, щебечет... Я чуть с тропы не свалился.

— Ты же подвиг совершил, Джокко, — Макартур легко толкнул его в грудь. Честена прямо распирало от гордости.

— Хотелось бы мне услышать его версию, — он кивнул в сторону существа. — Черт возьми, падал как последний сукин сын.

На площадку опустились вождь и его постоянный спутник. Совершенно не выказывая страха, приблизились к людям. Вождь свистнул, обращаясь к своим сородичам, затем повернулся к Честену и низко поклонился, остальные существа тоже подошли к матросу, низко кланяясь.

— Поклонись, Джокко, — прошептал Макартур. — Сегодня, дорогой мой, ты герой.

— Перестань, Мак, — улыбаясь, отмахнулся великан и неуклюже поклонился. Затем протянул мешок с солью. Вождь снова поклонился. Окончательно смутившись, Честен вернул поклон. Макартур зажал ладонью рот, чтобы не рассмеяться. Спутник вождя принял мешок. Церемония повторилась.

— О'кей, — Макартур захохотал. — И еще разок. Для истории, — Честен погрозил ему кулаком.

Черный бархат небес усыпали россыпи звезд первой величины. В последних отблесках заката еще виднелась цепочка носильщиков, почти неподвижная на фоне плато. Обитатели скал ушли далеко вперед от измученных землян. «Тоже спешат домой», — подумал Макартур. Их небольшой отряд все еще тащился вверх под пронизывающим ветром, поднявшимся к вечеру. Температура заметно понизилась, мороз кусал щеки, уши. На востоке уже поднялась луна — самое яркое из сияющих ночных украшений. Ее призрачный свет заливал заснеженный ландшафт, усиливая ощущение отчужденности и холода. Снег приглушил грохот водопада, но он все же доносился сюда неумолчным рокотом. Макартур опасался, что из-за снега они могут потерять тропу. Он по-прежнему шел впереди, задавая скорость всей группе.

— Твои планы, Мак? — проговорила Букари.

— Еще не определился, лейтенант, — выдохнул он, и слова его, превратившись в пепельно-синие клубы пара, унеслись вместе с ветром. — Может быть... Сможем найти то место, где они перевалили через гребень. А может, они пригласят нас на ужин.

— Ну, капрал... вы... мечтатель, — прохрипела она.

— Мечты... это все, что у нас есть, — согласился он.

— Опять философия! — она остановилась, чтобы отдышаться.

— Вы заметили, — пробормотал он, — как только холодает, так меня тянет пофилософствовать.

Обитатели скал подошли уже к теснине. Макартур даже удивился тому, как близко они от края плато. Им ведь нужно пересечь реку.

Но как раз этого крылатые существа и не сделали. Когда капрал приблизился к перекату, полузанесенные следы резко уходили вниз. Их цепочка продолжалась еще шагов двадцать, а затем поворачивала влево, пересекая утес. Макартур рискнул. Колени его тряслись от слабости и от страха высоты, ветер цеплялся за одежду, рюкзак оттягивал плечи.

Следы терялись под уступом. Он почувствовал, что дорожка под ногами стала более твердой и опустил глаза. Так и есть, то есть нет — нет снега. Сзади, затаив дыхание, двигались остальные. Он проследил тропинку. Что такое? Выходя из-под утеса, следы сбегали вниз, к реке, еще метров на пятьдесят и пропадали. Тропа уходила под землю, под реку! Сюда уже долетали брызги, становилось скользко. Он все же спустился под карниз. Над головой висели клыки сосулек, блестя в лунном свете.

Видимость нулевая, но капрал все же разобрал в темноте нечто, напоминающее вход в туннель. Возле огромных булыжников его поджидали старые знакомые, укрытые шкурами. Макартур остановился и поклонился. Крылатые существа ответили тем же, но не отошли в сторону. За их спинами капрал заметил другие фигуры. Его глаза постепенно привыкали к мраку.

— Ну, что теперь? — стуча зубами, проговорила подошедшая сзади Буккари.

— Вы меня догнали, — ответил он. — Может, пройдете вперед?

— Премного благодарна, — вздохнула она, спуская на землю рюкзак.

Порыв ветра швырнул им в спины острые ледяные кристаллы. Буккари прошла вперед и, сложив руки, как научили их существа, указала на землю. Потом обхватила себя за плечи и поежилась. Послание получилось весьма красноречивое, но вождь только покачал головой и указал на промерзшую землю. Буккари повернулась к Макартуру.

— Холодно, Мак, — сказала она. — Будем ставить палатки? Похоже, ничего другого не остается. Твои надежды на ужин не оправдались.

— Да, мест нет, — пробормотал Джонс, стуча зубами от холода.

— Эй, Мак! — прошептал О'Тул. — Смотри! Там что-то движется!

Макартур повернулся. Из-за поворота показалась какая-то процессия, замигали огоньки. Вождь двинулся им навстречу.

Браан быстро подошел к встречающим — восемь учеников со спиртовыми лампами в руках. Впереди шел Куудор и четверо завернувшихся в шкуры старейшин, включая самого Коопа. Старейшины! Здесь! На скалах!

— Долгой жизни тебе, о старейший, — сказал Браан.

— И тебе долгой жизни, о вождь охотников, — ответил Кооп. — Нас известили о ваших приключениях и об успехе. Вы принесли соль. Хвала тебе!

Браан низко поклонился.

— Все только и говорят, что о твоих успехах, — продолжал старейший. — Правда ли, что длинноногий спас полный мешок соли? И рисковал при этом своей жизнью? Ради одного из нас?

— Все это правда, старейший, — сказал Браан. — Длинноногие продемонстрировали свое миролюбие. Мы общались с ними.

— И ты не побоялся привести их к входу в туннель? — спросил другой старейшина, резчик по камню. Куудор закивал, как бы соглашаясь с этим опасением.

— Я ничего не мог поделывать, старейший, — ответил Браан. — Они любопытны. Рано или поздно длинноногие сами узнали бы об этом.

— Твои предложения, вождь охотников? — спросил Кооп.

— Длинноногие прошли все испытания, разреши им войти на ночь. Утром мы отведем их к тем, кто более сведущ в деле общения.

— Да будет так, — ответил Кооп после некоторого раздумья. С нехарактерной для себя смелостью старейший сделал несколько шагов, вглядываясь во тьму. — Здесь холодно, но я хотел бы увидеть чужаков.

— Вон они идут, — сказал Джонс. Процессия подошла поближе. Свечи скупо освещали

вход, отбрасывая колышущиеся жутковатые тени крылатых существ. Из тьмы вышел вождь и резко свистнул. Его помощник передал вождю шкуру, а сам исчез во мраке, откуда слышался шум крыльев. Мака́ртур отступил, а вождь со шкурой в руках подошел к Буккари. Будучи на голову ниже женщины, он поклонился и передал ей серебристую накидку. Лейтенант с поклоном приняла подарок и тут же набросила на плечи. Мягкий мех прикрыл шею, нижнюю часть лица и спустился чуть ниже колен, надежно защищая от ветра.

— Вот видите, — прошептал Мака́ртур, — стоило только пожаловаться на холод...

— Вы умрете от зависти, капрал, — бросила в ответ она.

— Эй, смотрите, эти ребята повыше, — сказал Джонс.

— Так они другие! — вырвалось у Буккари. Подошедшие существа, действительно, оказались повыше, чем она сама. — Помните, на рисунке было две фигуры. И это не женщины.

Процессия остановилась, не доходя несколько шагов. Один из высоких, довольно древний на вид, тихонько свистнул, и те, что несли лампы, боязливо приблизились. Вождь бесстрашно прошел между людьми и, схватив Честена за руку, вытащил вперед. При виде великана стража попятилась. Честен выглядел тоже слегка оробевшим и не поднимал головы.

— Они съедят тебя первым, Джокко, — шепнул О'Тул. Буккари толкнула его локтем.

Вождь отпустил руку Честена и что-то прошептал, обращаясь, по-видимому, к членам делегации. Потом указал двумя руками сначала

на Макартура, затем на Буккари. Старик тоже просвистел, причем довольно затейливо, и поклонился Буккари. Она ответила тем же. Церемония завершилась, процессия торжественно обошла людей и неторопливо удалилась.

— Ну, — сказала Буккари, — полагаю, мы имели честь быть представлены. Что дальше?

Вождь знаком показал, что они могут взять рюкзаки и следовать за ним.

Длинноногие оказались поздними пташками, и обитателям скал пришлось долго ждать, пока те появятся в зале. Большинство собравшихся никогда не видели чужаков, и теперь изумленно взирали, как те входят, наклонившись, чтобы не удариться о неровный потолок. Их уродливые круглые лица загорели от долгого пребывания на солнце и обветрились. Запах, распространяемый длинноногими, был просто ужасен.

Все обитатели скал, включая старейшин, поднялись со своих мест. Повисла неловкая тишина. Наконец, по знаку старейшины Коопа все сели. Сам Кооп остался стоять.

— Браан, вождь охотников, твое слово! — просвистел он.

Браан вышел вперед и коротко рассказал о том, что они узнали о чужаках. Старейшины стали задавать вопросы. Длинноногие сидели, поглядывая по сторонам.

— Наши возможности ограничены, — подвел итог вождь, — если мы не найдем способ общения.

Он повернулся к садовникам, рыбакам, каменотесам и мастерам пара.

Рыбак Боол получил задание интерпретировать рисунки. Он, в свою очередь, перепоручил это мастеру пара Тоону, славящемуся ученостью. Рисунки были просты, и Тоон составил схему перевода и добавил несколько пиктограмм, которые, по его мнению, могли бы помочь в расширении базы общения.

— Мастер Боол, — обратился к старейшине Кооп. — Каково твое мнение?

— С твоего разрешения, — ответил Боол — мастер Тоон проанализировал пиктограммы и расширил их число. Я предлагаю, чтобы он непосредственно работал с нашими гостями.

Кооп одобрительно кивнул, и мастер пара Тоон, прижав к груди свои манускрипты, уверенно направился к зловонным гигантам.

Буккари с увлечением следила за происходящим, пытаясь определить, что здесь творится.

— Посмотрите. Да не туда, на шеи этих высоких, — прошептал Джонс. — Алмазы! Рубины! А вон то, наверное, изумруды! — он уже протянул было руку, Макартур успел перехватить ее.

— Следите за своими манерами, боцман! — зашипела Буккари. Однако слова Джонса пробудили в ней вполне понятный интерес, и она принялась рассматривать ожерелья. Драгоценные камни тускло сияли в неярком свете, но их величина и огранка говорили сами за себя.

— Да, боцман, — вытягивая шею, пробормотала она. — Вы правы!

Обитателей скал, казалось, ничуть не раздражало то, с каким любопытством их разглядывают. Но тут к Буккари подошел один из высоких, и она приняла более достойную позу. Лицо подошедшего отличалось от виденных ею прежде, оно было более широкое и плоское. В руках существо держало большие переплетенные таблички.

— Ух, ну и страшен, — прошептал О'Тул. — Похож на ящерицу. А что он несет?

Приглядевшись, Буккари узнала те самые записные книжки, которые она и Хадсон использовали для пиктографического письма. Существо остановилось у низенького столика в центре зала и положило книги.

— Всем сидеть смирно, — приказала Буккари. Сама же она поднялась, подошла к столу и села, жестом пригласив существо сделать то же. Потом пододвинула к себе книгу и внимательно рассмотрела ее.

— Фантастика! — воскликнула она, не оборачиваясь. — Он взял наши пиктограммы и разработал систему наподобие стенографической.

Дверь к общению приоткрылась. Буккари улыбнулась своему собеседнику. Указав двумя руками на манускрипт, она изобразила свою радость по поводу увиденного. Для этого ей пришлось хлопнуть в ладоши и просвистеть нехитрую мелодию. Существо явно поняло: оно неуклюже похлопало в ответ своими четырехпалыми ладонями. Через несколько мгновений уже весь зал хлопал в ладоши и чирикал.

Шум стих, когда Буккари бесцеремонно протянула руку через стол и взяла пишущий прибор, представлявший из себя заостренную палочку и чернильный тампон, аккуратно втиснутый в зажим. Завладев стилем, она принялась листать манускрипт, задерживаясь только, чтобы перерисовать символы на кусочек сурового полотна. И пока лейтенант писала, ее сосед пищал и щебетал.

Хмурые облака окрасили спокойный зимний пейзаж в приглушенные тона. Темно-зеленые иголки резко контрастировали с белоснежным покровом. Плотные утопанные дорожки петляли по всему лагерю, соединяя жилища, сторожевые посты, дровяной склад, ледник с мясом и уборные. Хадсон долго смотрел в небо, где ветер гнал серые рваные тучи, цепляющиеся за вершины укрытых снегом гор. Небольшой каньон, чуть повыше лагеря, отдавал глухим эхом, как будто ведя счет ударам топора Татума. Сам матрос ловко орудовал в качестве лесоруба — щепки разлетались на несколько метров. Поваленным деревом занимался Беппо Шмидт, обрубая сучья и ветки маленьким топориком. Нашлось дело и для Фенстермахера: с помощью тяжелого молота и чекана он колот самые крупные чурбаны.

— Еще один буран, — вздохнул Хадсон, снимая парку с ветки. Он уже вспотел и теперь боялся простудиться. Колючий холодок пробрался под свитер и неприятно пробежал

по спине. — И не слабее прошлого, насколько я могу судить.

— Где... же... черт... возь... ми... они? — слова вылетали из Татума в промежутке между ударами топора.

И как бы отвечая ему, Мендоса, несший вахту на посту над пещерой, закричал:

— Патруль! Я их вижу! Возвращаются!

Хадсон, мгновенно потерявший интерес к надвигающемуся бурану и даже — временно — к своему здоровью, по-капитански устремил взгляд в белое безбрежье плато. Кругом лежал снег. Лишь озеро с его тремя островками, хотя и напрочь замерзшее, кроме отдельных участков, отмечающих местонахождение горячих ключей, немного разнообразило пейзаж. Она возвращается. Наконец-то поисковая группа возвращается. Сквозь поредевшую полосу деревьев он заметил несколько темных фигур, едва оторвавшихся от близкой линии горизонта, образуемой краем плато. Хадсон закрыл глаза и прошептал благодарственную молитву.

Заскрипели подвешенные на кожаных петлях двери А-образного входа. Первым выскочил Шэннон, за ним все остальные. К общему ликованиему присоединился даже командор Квинн. С посеревшим лицом, исхудалый, он выбрался, накинув на плечи одеяло, несмотря на все попытки Ли удержать его под крышей. Сержант взбежал на террасу, чтобы посмотреть поверх деревьев.

— Клянусь яйцами Юпитера, Мендоса, ты подпустил их слишком близко! — зарычал он. — Татум, Гордон и Пети, со мной!

По глубокой дорожке они сбежали к озеру и ступили на его гладкую поверхность, скользя и падая, добрались до островка и обошли по его берегу самую большую полынью с клубящимся над ней паром. Уже за островом Хадсон вырвался вперед, обогнав замедливших из-за снега ход матросов. Он встретил патруль на полпути к озеру. Они шли быстро, улыбались и выглядели совсем неплохо.

— Где вас, ребята, носило? — вырвалось у Хадсона. — Мы тут с ума посходили из-за вас.

— И мы рады вас видеть, — ответила Буккари, ее зеленые глаза лучились, белые зубы сверкали на загорелом лице. Рюкзак оттягивал плечи, и она подсунула пальцы под лямки, чтобы хоть чуть-чуть облегчить давление.

— Пойдите, дайте мне ваш рюкзак, — сказал Хадсон, обходя ее со спины и поднимая мешок. — Ого! Да что это у вас здесь, камни? Не может быть, чтобы вы тащили эту тяжесть от самой долины?

— Будь уверен, — сказал Макартур. — Наш лейтенант просто выжное... э... извините!

— Да она просто суперженщина! — восторженно добавил Джонс. — Извините, лейтенант!

— Две последние ночи мы провели у крылатых друзей, Нэш, — объяснила Буккари, когда подросли остальные. — Мы установили контакт. Мирный контакт! Подожди, сам увидишь их рисунки. Они создали настоящий словарь знаков. Это действительно разумные существа... весьма. Мы завязали прочные отношения.

— Да это полная чушь! — воскликнул Пети. — Эти мышцы — разумны? Вы уверены?

— Пети, заткнись и возьми у боцмана рюкзак. Гордон, помоги О'Тулу, — рявкнул Шэннон, хватаясь за лямки рюкзака Макартура и разворачивая его к себе. Татум уже разгрузил широкую спину Честена, перебросив груз на свои столь же широкие плечи.

— Добро пожаловать, лейтенант. Мы очень беспокоились.

— Ах, Сарж, — усмехнулся Макартур. — А я и не догадывался, что ты питаешь ко мне столь теплые чувства.

— Да не к тебе, осел, — улыбнулся Шэннон, — тебе и без меня везет.

— Так что вы видели, Шал? — спросил Хадсон. — Что...

— Подожди, вот вернемся в лагерь, — ответила Буккари. — Есть что показать и о чем рассказать. А как вы здесь? Как дела у Пеппер?

— На подходе, — обеспокоенно ответил Татум. — В любой день.

— Командор Квинн по-настоящему болен, — сказал Хадсон. — Он подхватил тот же вирус, что и все мы, но Ли думает, что сейчас у него пневмония. Квинн совсем плох.

Над озером пронесся порыв ветра. Все опустили головы и тронулись в путь. В воздухе закружились сверкающие снежинки. Зашумели деревья, и это был единственный звук в наступившей тишине.

ГЛАВА 26. КОШМАР

Повесив винтовку на плечо, Татум зажал в руке кусок замороженного мяса и натянул веревку. Дул ветер, взвивая снежные змейки, которые смешивались с кружащимися в воздухе хлопьями — видимости никакой.

Веревка, повязанная вокруг пояса, напряглась, дернулась; другой ее конец терялся в белой мгле. Татум ждал: кричать бессмысленно — ветер унесет слова в сторону, а простудить горло не хотелось. Веревка снова натянулась. Уступая настойчивым рывкам, капрал повернулся и побрел вдоль уже занесенной снегом бороздки. Возле капкана его ждал Рено. Татум наклонился, подставив ухо ко рту товарища.

— Показалось... видел что-то! — закричал Рено.

— Что? — спросил Татум.

— Точно не знаю... что-то двигалось... у самой земли.

— Какого черта ты меня тащил? Пошли отсюда, — наклонившись в сторону упругой стены ветра, он, не выпуская из рук веревки, пошел к лагерю.

Рено что-то кричал, но Татум не слышал, ему хотелось одного — поскорее вернуться к

теплу. Остановил его лишь приглушенный вопль. Веревка натянулась, да так, что он чуть не упал. Татум отбросил приманку, сорвал с плеча винтовку и настороженно прислушался. Еще один рывок. На этот раз он не устоял на ногах и упал на спину, выпустив канат. Беспомощно барахтаясь в снегу, он никак не мог подняться, пока не услышал злобное рычание. Кошмар! Какие-то белые призраки ожесточенно рвали зубами нечто неразличимое. При этом они пытались еще и укусить друг друга. Вскочив, наконец, на ноги, Татум прицелился и выстрелил в эту рычащую, злобную, жуткую свору — одно из чудовищ свалилось на снег, лапы его дергались в конвульсиях, другие исчезли в пурге. Веревка повисла.

Татум стоял, тупо уставившись в кружащуюся белизну: ничего не видно, кроме исчезающей вдаль веревки. Капрал осторожно потянул — сопротивление, значит, что-то есть! Потянул сильнее — канат не поддавался. Упершись ногами, Татум рванул изо всех сил. Наконец, на другом конце — Рено или то, что от него осталось, — сдвинулось, и тогда он потащил, наклоняясь навстречу ветру, с трудом переставляя ноги, свой непонятный груз вдоль им самим проторенной тропинки. Он кричал — ветер заглушал его крик, врываясь в горло. Ему казалось, что он идет к лагерю, к людям.

Татум оглянулся и замигал, стараясь стряхнуть снег с ресниц. Веревка снова натянулась и завибрировала. В отчаянии матрос выстрелил, на этот раз, на всякий случай, целясь выше. Канат резко дернулся и ослаб. Татум продолжил движение, но теперь — спиной впе-

ред и напряженно вглядываясь в буран. Проглянула, наверное, целая вечность, прежде чем капрал наткнулся на канат, соединяющий кладовую с жилым помещением. Ухватившись за него обеими руками, закинув винтовку на плечо — рискованный жест, — двинулся дальше к дому, чувствуя мертвую тяжесть своего невидимого якоря.

Из-за угла жилого домика выскочило рычащее белое пятно, состоящее, как ему показалось, из одних клыков. Он резко повернулся, пытаясь взять оружие в руки, но косматая тварь уже кинулась на него, нацелившись в шею и лицо. Татум вскинул руку, и жуткое порождение этого ледяного ада впилося в нее, разрывая рукав. От толчка капрал упал на спину. Все эти мгновения зверь маниакально рычал, обжигая желтыми, полными безумной ярости зрачками. С клыков чудовища капала смешанная с кровью слюна. Винтовка запуталась в веревке так, что ее не удавалось освободить. Последним усилием, порожденным отчаянием, он все же вырвал ее из пут и повернул ствол в сторону зверя: онемевшая левая рука не подвела, дуло уперлось в пульсирующую, хрипящую грудную клетку, а палец что есть силы нажимал на курок — четыре выстрела. Тварь издохла, правда, тиски ее челюстей еще не ослабли, а в горле клокотала ярость, смешанная с кровью и слюной, но глаза уже померкли, а лапы обвисли.

Татум не смотрел на зверя, только на свою руку: пальцы не шевелились, будто слившиеся с винтовкой, — он потрянул рукой, винтовка свалилась в снег, пальцы освободились; потом рванул правую руку — ткань комбинезона

треснула, поднял — нет, поднес окровавленное месиво к глазам. О Боже! Покачал руку из стороны в сторону, как нечто постороннее, не свое. Думай, думай, думай! Отстегнув ремень от винтовки, перетянул рану, сжав зубы, чтобы не закричать от боли и не потерять сознания. Покончив с этим, Татум, пошатываясь, пошел к домику, прижимая раненую руку к груди. Несколько раз ему казалось, что веревка дергается, но он отнес это на счет воображения. Все еще находясь под действием шока, не чувствуя холода, не ощущая боли в плече от режущего каната, не испытывая тяжести своего жуткого груза, Татум шел так до тех пор, пока спиной не почувствовал поленницу дров: ноги подкосились, он рухнул в снег. Мелькнула мысль — или ощущение: ветер не дует в спину, он укрыт — от ветра, от клыков, — и потерял сознание.

Шэннон положил карты на стол.

— Где же, черт возьми, Татум? Вы что-нибудь слышали? — он говорил громко.

Снаружи завывал ветер, это продолжалось уже восьмой день, и маниакальная настойчивость урагана сводила с ума: земляне беспомощно забились в свое убежище. Одни играли в карты при дымном свете свечей, другие спали. Мутный день нехотя переливался в помещение через щель в остроконечной крыше. В нее же между бревнами был вставлен металлический флюгер, дребезжащий при каждом порыве ветра, практически постоянно на протя-

жении последней недели. Вместе с брезжущей струйкой света через эту щель просыпался снег. Muskusный запах притупил все остальные чувства, обострив лишь обоняние — изо всех углов неслись чохы, вызванные то ли вонью, то ли сквозняком; во всяком случае, чихали чаще, чем разговаривали.

Шэннон посмотрел на часы.

— Черт! Их нет уже больше двадцати минут. Честен и Гордон, одевайтесь. Я выйду.

— Слабак! — сказал Фенстермахер, тасуя карты. — Матросы не умеют играть в покер.

Ли хихикнула, остальные промолчали.

Шэннон проигнорировал насмешки, быстро одеваясь в углу. Честен и Гордон взяли из стойки оружие.

— Проблемы, сержант? — прохрипел из самого теплого уголка Квинн. Под его впавшими глазами залегли темные круги — командор сильно похудел.

— Татум запаздывает. Пойду посмотрю, что там.

— Правильно... кхе... кхе... хорошая мысль, сержант, — вяло пробормотал Квинн.

Услышав имя Татума, Голберг вздрогнула. Она сидела у стены, прижав руку к животу.

Слегка пригнувшись, Шэннон прошел мимо, не задевая сидящих и лежащих товарищей, поменяв, таким образом, теплое место у огня на холодное у двери. Подвешенный к балке потолка освежеванный сурок то замерзал, то оттаивал, тогда с него капала кровь.

В ожидании неизбежного, жильцы застонали, замычали и поглубже забились в спальные мешки. Шэннон натянул на голову капюшон,

застегнулся до подбородка и надел перчатки. Честен и Гордон помогли ему отворить тяжелую дверь ровно настолько, чтобы самим протиснуться наружу. В помещение ворвался ветер, в одно мгновение насыпав целый холмик снега прямо у порога. Мужчины потянули за собой дверь, которая со скрипом затворилась, оборвав жалобные причитания оставшихся в уюте и комфорте. Шэннон отыскал на стене кольцо с привязанной к нему веревкой, вытащил ее из-под снега и подергал.

Взяв канат, сержант пошел вдоль него, сопровождаемый Честеном и Гордоном. Если только Татум болтается в каком-то укрытии, то он, конечно, получит хорошую трепку за то, что вытащил их в эту пургу. Шэннон обогнул угол хижины, когда увидел с подветренной стороны скорчившуюся фигуру. Снег уже покрывал лицо и одежду капрала. Схватив Татума за шиворот, сержант встряхнул его. Глаза раненого открылись и медленно закрылись.

— Внутрь его! Быстро! — закричал Шэннон, подхватывая Татума под правую руку и оттаскивая к хижине. Только тут он заметил веревку, все еще замотанную вокруг пояса капрала, и почувствовал тяжесть невидимого груза на другом ее конце. На фоне воя ветра слышался другой, более страшный.

Выстрелы! Винтовки били автоматически, выплевывая град пуль прямо над его головой. Оглушенный Шэннон упал лицом в снег. Он уже лежал, когда что-то тяжелое ударило его в спину — животное, крупное животное! Какое-то мгновение оно стояло, потом резко повернулось, его когти царапнули материал куртки,

и... зверь ушел. Шэннон поднялся на ноги. Честен и Гордон все еще стреляли. Сержант отряхнулся от снега, потряс головой — уши заложило от грома выстрелов — и увидел три еще свежих трупа, совсем рядом, их белый мех в нескольких местах забрызган кровью. Одна из этих подрагивающих куч вдруг поднялась, превратившись в саблезубое, с выдающимися челюстями чудовище. Гордон выстрелил, голова зверя с желтыми дьявольскими глазами дернулась. Дверь ближайшего домика распахнулась, из него выскочил Макартур. С винтовкой наготове, глядя бешеными глазами, он прыгал через сугробы, без шапки, без куртки, разутый, с заспанной, давно не бритой физиономией, хранящей следы сбитой подушки. Сначала капрал увидел Шэннона, тянущего Татума. Рот у Макартира открылся, но глаза задержались на них лишь на мгновение. Затем он обвел взглядом территорию лагеря, прислушался к затихающему вою. Вслед за капралом из домика высыпали остальные. Замелькали стволы, слышались крики.

— Затащите его внутрь! — крикнул Шэннон, перерезая ножом веревку на поясе Татума. Конец ее он кинул Честену: — Там Рено.

— Какого черта? — заорал кто-то. — Гордон, что это такое?

— Кошмар, — прохрипел Шэннон. — Самый настоящий, — он выругался.

— Несите его сюда, — слышался голос Буккари. Она стояла на пороге, растрепанная и встревоженная. Вместе с Доусон они освободили место у огня. — Гордон, принеси еще дров. Боцман, пусть придет Ли со своим чемо-

данчиком. И побыстрее! — Шэннон бережно опустил Татума на расстеленное у плиты одеяло и направился к выходу. Он еще не совсем отошел от нападения и чувствовал на спине когти зверя, а в ушах эхом отдавалось злобное рычание.

Перед Буккари лежал истекающий кровью матрос. С помощью Доусон она сняла с него куртку. В тепле усилилось кровотечение. Жизнь уходила из Татума с каждым толчком сердца. Буккари надавила на ямочку у локтя, раненый застонал — хороший признак.

— Помощь нужна? — это был Макартур, озябший, в промокших носках.

— Сначала займись собой, — бросила Буккари, — выглядишь просто ужасно.

— Как он? — не обращая внимания на ее слова, спросил Макартур.

— Рука, как гамбургер. Сильное кровотечение, — ответила она. — Надо наложить шину.

— Давайте-ка я этим займусь, — предложил капрал. — Зажмите здесь, — он опустился на колени, ослабил ремень и передвинул его выше по руке Татума.

— О'кей, Нэнси, держи плечо, да покрепче. Еще! Чтоб пальцы побелели, — он кивнул Доусон. — Вот так, — затем отвел руку Буккари, осмотрел раны и подвинул ремень еще дальше, почти до подмышки. Кровь продолжала течь.

— Держите его, — приказал Макартур. — Нэнси, ты совсем ослабла.

Он встал, держа свободный конец ремня, наступил мокрой ногой на истерзанную руку

Татума и потянул изо всех сил. Кровотечение остановилось.

— Укройте его. Надо, чтобы он согрелся.

— Нашли Рено? — спросила Буккари, вытирая испачканные кровью руки.

— Да, — Макартур поежился. — То, что осталось. Положили в кладовую, — он подошел к своему спальному мешку.

Дверь распахнулась, обдав всех холодом и снегом, и в домик ввалилась Ли. За ней шли Честен с медицинским чемоданчиком, в спину его подталкивал Шэннон. Ли как-то неуверенно подошла к раненому, долго осматривала руку, потом проверила жгут.

— Черт! — вырвалось у нее. — Он был в сознании?

— Вряд ли, — ответила Буккари, вытирая запекшуюся кровь.

— Черт! — Ли повысила голос, оборачиваясь к Честену. — Да поставь ты его, — испуганный великан бросил чемоданчик столь поспешно, будто там находилась взрывчатка.

Шэннон подошел к огню. Погрев покрасневшие руки, он наклонился к Татуму.

— Джокко! Давай сюда Джонса! — распорядился он. — Нам понадобится лошадиная сила.

Буккари почувствовала, что ее сейчас стошнит. Она невольно отступила.

— А, черт, — прошептала сквозь зубы Ли. Покопавшись в чемоданчике, она достала шприц и ампулы.

— Надеюсь, еще не все испортилось. Добавьте дров и вскипятите воды. Сарж, нам нужно прочистить рану. Посмотри, может, най-

дешь металлическую пластинку, которую можно раскалить. Вот что, у Уилсона есть сковороды. Или большой нож.

Ли вытащила из сумки пилу и, осмотрев ее, покачала головой. На лице девушки появилась гримаса отвращения.

— Мне потребуется помощь, — сказала она, обводя взглядом собравшихся. На Буккари ее взгляд остановился. Лейтенант поняла почему: она здесь старший по званию офицер, лидер. Ей предстоит брать ответственность на себя, этого от нее ждали, а она... она чувствовала только отвращение и панику.

Макартур, уже переодевшийся в сухое, растолкал зрителей и взял в руки пилу.

— Я готов. Скажи, когда.

Они начали через полчаса. Татум пришел в сознание и даже под воздействием наркотиков не терял ясности мышления. Ли распорядилась, Честен, Джонс и Шэннон пытались удерживать мечущегося матроса, Доусон закрыла руками его лицо. Основное испытание выпало на долю Макаркура — бледный и молчаливый, он орудовал пилой, закусив губу. Рядом стояла Буккари. Решительность и мужество капрала придали ей сил, и теперь она держала над огнем раскаленную сковороду, то и дело вытирая струящийся по лицу и шее пот. Жуткий скрежет пилы, мучительные стоны Татума, рев пламени — все это слилось для нее в адскую какофонию. Буккари казалось, что операция никогда не закончится, что она обречена до самой смерти слышать этот скрежет зубов и треск кости. Наконец отпиленная рука упала, и Ли протерла рану антисептиком. Буккари,

обернув сковороду, чтобы не обжечься, прижала раскаленный металл к пульсирующему обрубку. Татум впился зубами в платок, охнул и потерял сознание, все отвернувшись. Запах горелого мяса заполнил домик.

Метель утихла через два дня. Яркие, но холодные лучи утреннего солнца пробились через щели в крыше и стене, подстегнув несчастных узников на неслыханно ранний подъем. Некоторые даже осмелились выбраться наружу, чтобы взглянуть на мир, который вновь обрел горизонты.

Холодно! Прикрыв лица и натянув перчатки, матросы и члены экипажа выбирались из-под белого одеяла зимы. Почти все оказалось под снегом. На фоне безбрежной девственной равнины деревья казались пигмеями. Стоя у своих жилищ, люди с волнением смотрели на заваленное снегом озеро: теплые источники дышали, выпуская в неподвижный воздух клубы пара. Вдали медленно брели две фигурки, соединенные с лагерем тонкой цепочкой следов.

— А что я мог сделать, Ганнер? — развел руками Шэннон. — Ее же не остановишь, да я и не хотел. Нельзя же все время сидеть под крышей. От этого никуда не денешься.

— Мог бы послать с ними пару мужчин, — укоризненно сказал Уилсон.

— Эти двое бегают быстрее любого из нас, — ответил Шэннон. — Пошли я кого-нибудь, они бы только их задерживали. А те тва-

ри при хорошей видимости не так уж опасны. Вооружение примитивное.

Вооружение, боеприпасы... Сержант нахмурился — всего в обрез. Нет, об этом лучше не думать. Никто им здесь не поможет. Он отвернулся, взгляд его скользнул по бескрайней белизне плато, туда, где высились пики. Укрытые снегом, они казались не столь крутыми и опасными, скорее — величественными и грозными. Глядя на них, Шэннон испытывал незнакомое ему ранее чувство трепетного уважения и умиротворения.

— А что сказал командор? — не отступал Уилсон.

— Да что он может сказать? — ответил сержант. — На обед, если будешь готовить что-то из тех мерзостей, не прихвати по ошибке Рено.

— Не смешно, — нахмурился Уилсон. Они притопывали на месте, чтобы не замерзнуть окончательно. И Уилсон, и сержант были вооружены.

— Давай выйдем к озеру, — предложил Шэннон. — Может, раздобудем что-нибудь для желудка.

— Как Татум?

— Он не жалуется. Крепкий парень, — Шэннон толкнул товарища в бок. — А как Голдберг?

— Все в порядке. Я боялся, что несчастье с Татумом отразится на ней, ну, ты знаешь. Так вот, эффект прямо противоположный: она закалилась.

— Непросто будет родить ребенка в таких условиях, так что характер ей потребуется.

— Да и малышу тоже.

Некоторое время они молча спускались к озеру.

— Ты знаешь, Нэнси тоже беременна, — глядя в сторону, сказал Шэннон.

Уилсон задумчиво посмотрел на него.

— У тебя уже есть дети, Сарж?

— Да у меня и щенка никогда не было.

— Так вы думаете, что они нас примут, да, лейтенант? — спросил Макартур.

— А мы не дадим им другого выбора, — отдуваясь, пробормотала Буккари и поправила лямку. Оба несли по солидной вязанке хвороста.

Уже стемнело, и усталость давала о себе знать. Еще бы, целый день по свежему неутоптанному снегу. Буккари едва тащилась вслед за Макартомуром, тяжело переставляя снегоступы. Хорошо, что он идет впереди и не видит ее походки. Холодно было даже разговаривать.

В серой мгле что-то мелькнуло.

Макартур остановился, вглядываясь в сумерки. Большая луна — сейчас всего лишь полумесяц, зацепившийся за вершины гор, — служила плохим помощником.

— Видел? — шепотом спросила она, проверяя тыл.

— Хорошо, — ответил Макартур. — А то я уже боялся напугать тебя.

— Действуем по плану?

— Да. Как только совсем стемнеет, разведем огонь.

— Чего тянуть, уже темно, — ответила Буккари, снимая с плеча карабин.

— Поосторожней с этим, — предупредил ее Макартур. — Ты слишком волнуешься.

— Нисколько не волнуюсь, — фыркнула она. — Меня обучали этому в академии.

— А ты когда-нибудь стреляла по движущейся цели? — спросил он.

Буккари покачала головой.

— Черт, ну и холод.

Отраженный свет луны позволял рассмотреть черную цепочку следов на отливающем синевой снегу.

— Я стреляю первым, — продолжал Макартур, глядя за спину Буккари. — Винтовка может наделать такого... В общем, пули зря тратить не будем. Если уж придется стрелять, то обязательно целься, а не пали наугад.

— Мак! — воскликнула Буккари.

Во тьме сверкнули желтые клыки и горчичного цвета глаза — глухое рычание прорезало воздух. Макартур вскинул руки и нырнул в сторону. Первый зверь ударил его в плечо — капрал отлетел в снег — страшные челюсти сомкнулись, но вместо теплого, мягкого мяса встретили сухое, пресное дерево. Буккари не успела подумать о чем-либо — вторая захлебывающаяся в рыке тварь прыгнула в сторону белого пятна, каким ей показалось лицо капрала. Сухо треснул выстрел, зверя подбросило, и он рухнул на снег вздрагивающей, скулящей кучей. Остатки стаи рассеялись в ночи.

Буккари обернулась, чтобы помочь Макартуру. Косматый хищник прижал его к земле и рвал когтями куртку. Капрал, защищая лицо, пытался подняться. Винтовка все еще болталась у него за спиной. Лейтенант никак не могла

найти удобную для выстрела позицию. Положение спас сам Макартур, сумевший все же вытащить из-за пояса пистолет. Три приглушенных хлопка, и чудовище дернулось и свалилось на снег. Хвост его два раза ударил землю и съезжился.

Макартур сбросил вязанку и кое-как поднялся, все еще дрожа, с винтовкой в одной руке и дымящимся пистолетом в другой. Внимание его привлек второй зверь. Капрал подошел к нему и, выругавшись, опустил на череп животного тяжелый приклад. Белый мех окрасила кровь, рычание перешло в вой, а потом наступила тишина.

— Ты как? — едва сумела выдохнуть Букари, не осмеливаясь отвести взгляд от саблезубого монстра, лежащего у ее ног. Было уже совсем темно. Кроме силуэта Макартира, она ничего не видела.

— Нормально. Несколько царапин. Ну что, пора разводить костер?

— Стражи сообщают о длинноногих, — доложил Краг. — Они слышали гром волшебной палки.

Браан задумчиво кивнул. Обитатели скал сгрудились у входа в его жилище. Подтянувшийся воин Браппа стоял у ярко пылающего камина в большой комнате, прислушиваясь к новостям. Из соседней спальни доносился негромкий шорох — там играли мать с малышом.

— И что ты обо всем этом думаешь, друг мой? — спросил Браан.

— Поблизости бродят рыкуны. Похоже, длинноногие выслали к нам группу, а по дороге на нее напали изголодавшиеся звери, — ответил Крааг.

— Мы не можем помочь? — нетерпеливо и с нарушением заведенного порядка спросил Браппа.

Браан извинился и повернулся к сыну.

— Браппа, отпрыск мой! Браппа, юный воин, — отец умышленно прибег ко всем требуемым этикетом обращениям. — Разве ты уже обдумал все, что связано с твоей завтрашней свадьбой? Побереги свою смелость до решающего испытания. Оставь решение столь тривиальных вопросов старикам.

— Йса! Юный воин! — добавил Крааг. — Глисс, твоя будущая хозяйка, моя младшая сестра, сильна и справедлива. По сравнению с ней, рыкуны — это просто игрушки. Ты должен набираться энергии и учиться хитрости, если желаешь стать хозяином дома. Женидьба и смертный бой — это две сестры.

От камина, где сидела Ки, донеслось ироническое уханье. Счастливое время наступило для дома Браана, как и для других домов охотников. Зима предназначалась для устройства семейных дел и ублажения супруг. Злые холодные бури заставляли воинов сидеть у очагов. Юные охотники и стражи, несущие дежурства на скалах, еще бдительнее вглядывались вдаль в надежде заметить подкрадывающегося врага, но более зрелые воины бездельничали. Получив за время летних кампаний свою долю шрамов и ушибов, опытные бойцы, отъевшись и выспавшись, направляли внимание на своих

близких, на семьи. Наступало время учить и тренировать, рассказывать и касаться.

— Извините меня, о мой отец и будущий брат, — с досадой ответствовал поставленный на место юный воин. — Я вторгся на территорию, где уже охотятся более умелые. Прошу извинения за форму, но не за содержание моего вопроса. Длинноногие позаботились обо мне, когда я нуждался в этом. Разве мы ничем не можем помочь им?

— Сарж! Я слышал выстрелы! — закричал Гордон, едва успев войти в домик. Поток морозного воздуха хлынул в помещение вслед за ним.

Шэннон оторвался от скудного и довольно неаппетитного на вид обеда и нехотя повернулся к Уилсону. Тот, не поднимая глаз от своей тарелки, покачал головой.

— И сколько, Билли? — спросил сержант.

— Пару точно, а может, три или четыре, — ответил Гордон. — Далеко. Вы их вряд ли слышали. Знаете, как разносится звук в этом холоде. Беппо тоже слышал.

Шэннон опустил глаза. Что он мог сделать?

— Мак, наверное, тренируется в стрельбе по мишеням. Скажешь, если услышишь еще.

— Ясно, — Гордон повернулся и вышел, хлопнув дверью.

— У тебя идет кровь, — сказала Буккари. Она разложила небольшой костер, и его несме-

лое пламя осветило сидящего на охалке хвоста капрала. Лицо его украшала длинная рваная рана.

— Как страшно, — он снял перчатку и осторожно дотронулся до заросшего бородой лица. Взглянул на испачканные кровью пальцы и, зачерпнув пригоршню снега, приложил к щеке. — Теперь есть чем заняться.

Капрал проверил ветер. Воздух был почти неподвижен. Пользуясь снегоступом, он вырыл глубокую яму, оставляя снег рядом. Одобрительно хмыкнув, Макартур выпрыгнул из карьера и принялся насыпать снег на уже образовавшийся холмик, затем тщательно утрамбовал корку. Снова спрыгнув в яму, он выкопал боковой ход — небольшую пещеру — прямо под утрамбованной площадкой. Ко входу Макартур перенес из костра горящие поленья, а рюкзаки сложил вместе с запасом провизии в глубине лаза. Пока он занимался всем этим, Буккари стояла у края ямы, внимательно следя за малейшим движением. Когда она, наконец, повернулась к предприимчивому капралу, тот топил снег на сковородке, держа ее над углями.

— Не смотрите на меня, лейтенант. Ваша задача — не подпустить этих тварей. Или вы несете постовую службу, или готовите ужин. Выбирайте.

— Есть, командир, — она вытянулась по стойке «смирно». На востоке поднялась малая луна, но свету почти не добавила. Видимость ограничивалась парой десятков метров, а за пределами этого радиуса двигались какие-то неясные тени, определить которые было невозможно. Макартур выскочил из убежища на

пару минут и вернулся с большим куском мяса. Поджарив его над костром, он окликнул Буккари:

— Кушать подано, лейтенант.

Грубое, жесткое и слегка сыроватое, оно тем не менее дразнило и манило изголодавшихся путников, жадно набросившихся на «бифштекс с кровью». Утолив первый приступ голода, они уселись у костра, как сиживали доисторические люди в другом мире много-много веков назад на планете, затерянной где-то среди звезд на расстоянии нескольких световых лет.

Покончив с мясом, Буккари растопила снег в кружке и выпила воду.

— При всем уважении к вам, лейтенант, вы не боитесь, что придется часто вставать ночью?

Она рассмеялась.

— Раз уж вы упомянули об этом, капрал, а где уборная?

— Вон там, — он кивнул в сторону. — Вряд ли стоит совершать дальнюю прогулку, а?

— Нет, конечно. Давайте-ка я помою посуду, пока вода не остыла. И еще... надо промыть вашу рану.

— Ну вот. От уборной к моему лицу. И что мне после этого думать? — спросил Макартур.

— По крайней мере, вы достаточно умны, чтобы установить связь, — ответила она, подбрасывая в костер хвороста и набирая еще снега.

Смочив полотенце, Буккари опустила ее перед ним на колени. Капрал взглянул на нее, в серых глазах прыгали искры. Рана, начинавшая-

ся возле уха, тянулась через всю щеку и скрывалась в бороде. В цивилизованном мире на нее следовало бы наложить швы. Шрам, конечно, останется. Она провела полотенцем по всей длине пореза. Макартур только мигнул. Пока Буккари обрабатывала след недавней схватки, на глаза ей то и дело падала прядь волос. Он осторожно протянул руку и мягким движением убрал ее под край шапки. Буккари улыбнулась, смутившись.

— Спасибо. Волосы мешают, — она встала и отвернулась.

— Красивые волосы, — застенчиво сказал он. — Только пусть они вам не помешают в случае чего. Ваша первая смена, — Макартур вытащил из рюкзака помятый спальный мешок.

— Возьмите мой, — предложила лейтенант, удивленная тем, что ее напарник может еще думать о сне. — А я завернусь в ваш. Что мне делать, пока вы будете спать?

— Вы когда-нибудь слышали о Джеке Лондоне? — спросил он, обмениваясь мешками.

— Да, но... О, поняла. Холодно. Самое время пофилософствовать.

— Лондон писал о волках... и об огне, — ровным тоном продолжал Макартур. — Значение имеет только одна философия: поддерживай огонь. Звери понимают силу огня, это лучший аргумент, который можно придумать, но будьте готовы стрелять. Приготовьте винтовку, но держите под рукой и пистолет. Дайте мне карабин, — он расправил спальный мешок и забрался в него. — Разбудите через два часа, а потом ваша очередь ложиться. Смены будут по два часа.

Она уселась у края пещеры, напряженно всматриваясь в обступающую со всех сторон темноту. Стена ямы прямо перед ней была плотно утрамбована и не мешала вести наблюдение. Но с другой стороны взгляд натыкался на снежную горку. Ощущение, что там что-то есть, не давало ей покоя. Она подбросила еще хвороста на догорающий костер и, завернувшись в спальный мешок капрала, откинувшись на спину и вытянула усталые ноги к огню. Посмотрела на часы. Прошло две минуты. Как ни странно, Макартур уже спал, мирно посапывая. Пожалуй, ей и самой бы не помешало... Глаза закрывались, ресницы словно налились свинцом. Чтобы стряхнуть сонливость, Буккари поднялась, потянулась, потеряла щеки снегом и выглянула из ямы.

Ничего. Ничего, кроме непроглядной ночи. Она повернулась в другую сторону и увидела едва заметные пятнышки света, парами плывущие в воздухе. Вот они повисли — три пары хищных глаз, отражающих красные блики костра.

— А, черт! — прошептала Буккари. Ее замерзшие руки вспотели. Подбросив еще одно полено, она вытащила из огня полыхающую ветку и подняла над головой — искры посыпались на снег, зашипели. Окружены! Ей удалось насчитать десять тварей, и это было еще не все. Да их там не менее тридцати, медленно сжимающееся кольцо клыков и когтей.

— Макартур! — чуть слышно прошептала она. — Мак!

Буккари пнула его ногой, не смея отвести

глаз от пугающей картины. Капрал застонал и пошевелился.

— У нас гости, Мак. Мне... мне нужна твоя помощь.

Макартур вылез из пещеры и, пригнувшись, подошел к ней.

— К вашим услугам, — сонно пробормотал он, протирая глаза.

Их бедра соприкоснулись.

Он взял винтовку, оставив ей карабин.

— Вот этот поближе других, — проворчал капрал. Уже можно было разобрать отвратительную морду с выступающими нижними клыками. — Будем надеяться, что это вожак. Закройте уши.

Макартур прицелился точно между двух огоньков, выдохнул и нажал на курок. Наповал. Другие монстры испарились, как будто их и не было.

Он посмотрел на часы.

— Перед тем, как выстрелить в следующего, попинайте меня хорошенько, — забрал карабин и залез в пещеру, но, уже ложась, обернулся.

— Полегче с топливом. Должно хватить на всю ночь!

Улегся и застегнул мешок.

— Беппо! Я слышал еще один выстрел, — взволнованно прошептал Гордон. Пар от дыхания серебряной струйкой улетел в небо. Мужчины настороженно прислушались.

— Я тоже, — ответил Шмидт. — Расскажи

Саржу, а я пойду разбужу Мендосу и Честена. Сейчас их смена.

+ + +

— Ты слышишь, Браан? Это опять длинноногие, — сказал страж.

— Сколько громов ты слышал? — спросил вождь.

— Всего лишь один.

— Хороший знак, — кивнул Браан и отпустил стража.

+ + +

Во сне Макартур тяжело дышал. Прошел уже час. Буккари пошевелила веткой догорающий хворост, желтые огоньки вспыхнули, взметнулись вверх.

Неподалеку, сзади, снова раздалось рычание. От прилива адреналина в кровь Буккари стало жарко, но зато шея и затылок похолодели. Она повернулась, одновременно вскидывая ружье к плечу. Два хищника подползали с возвышенной стороны, готовясь к прыжку. Буккари навела винтовку на того, что был левее, и, когда в прицеле показался нос зверя, нажала на спусковой крючок. Именно в этот момент чудовище прыгнуло. Лейтенант инстинктивно отшатнулась, наступив при этом на костер. Уже в воздухе зверь наткнулся на пулю, она прошила ему глотку и бросила на снег у самой пещеры. Второго как ветром сдуло. Замок-молния взвизгнул подобно пиле. Из пещеры вывалился Макартур. Ничего не поняв, он выпалил

из пистолета в темноту и, споткнувшись о еще подрагивающую тушу, зло пнул ее носком ботинка. Буккари отступила к стене, понимая, что капралу нужно как-то разрядить накопившийся страх. Наконец капрал успокоился, остановился, опустил пистолет и взглянул на нее. Напряжение спало, он выпрямился и даже попытался улыбнуться.

— Хороший выстрел, — похвалил ее Макартур и еще раз — но уже без злости — пнул труп зверя. — Спасибо за предупреждение, — он покачал головой, затем долго смотрел на часы, вероятно, не совсем понимая, который час.

— Поверь мне, — смеясь, сказала она, удивляясь тому, что может смеяться, еще не придя в себя от ужаса. — Если бы у меня было время стукнуть тебя, я бы сделала это с большим удовольствием.

— Хм, — он зевнул и снова оценивающе посмотрел на обмякшее тело хищника, потом столкнул его с бруствера. Снова посмотрел на часы.

— Час я уже проспал. Достаточно.

— Нет! — воспротивилась она. — Моя сме-на еще не закончилась.

Не говоря больше ни слова, Макартур зевнул, повернулся и заполз в пещеру.

— Подбросьте еще дров, лейтенант, — сказал он и исчез с головой в спальном мешке, оставив, однако, его незастегнутым.

Буккари потеряла ушибленное плечо и снова посмотрела на мертвое животное, испытывая при этом какое-то атавистическое удовлетворение. Если уж пошла такая игра — убить или

быть убитым, — то она готова играть ... и убивать.

Ночь тянулась долго, а когда на востоке порозовело небо, Буккари и Макартур выбрались из заваленной тушами хищников ямы и продолжили свой путь к скалам. День еще не вступил в свои права, а группа охотников уже вышла им навстречу.

Выразив почтение, Тоон попросил Боола уделить ему немного времени. Старый мастер оторвался от дел и взглянул на своего ученика. Просьба Тоона, несомненно, касалась длинноногих, это было единственное, о чем Тоон мог сейчас говорить и к чему проявлял интерес. Пока юнец выполнял свою миссию по связи с чужаками — и надо признать, делал это весьма успешно, и старейшины одобрили выбор Боола, — многое из того, чем Тоон занимался раньше, стало приходить в упадок, и старому мастеру пришлось самому заполнять брешь. Его группа уже отставала по проверке коррозионности и замене изношенных цепей лифта, а также по очищению аккумуляторных каналов от осадка. Впрочем, эта работа не прекращалась никогда.

— Мастер пара Тоон, — надменно произнес Боол. — Чего вы требуете?

— Злоупотребить вашим временем. Это касается длинноногих.

— Та-которая-командует вернулась сегодня утром, разве нет? Твои попытки установить контакт развиваются удовлетворительно?

— Весьма удовлетворительно, мастер, — ответил Тоон подобострастно-просительно.

Теперь Боол заинтересовался.

— Излагай свое дело, мастер Тоон.

— Длинноногие попросили о помощи. Они хотят, чтобы мы дали им приют под нашей крышей, — ответил Тоон, решив перейти от намеков к простоте и решительности.

— Невозможно! — зашипел старик. — Как мы сможем содержать двадцать чужаков? Они такие огромные! Они так много едят! Причем постоянно!

— Девятнадцать, мастер, — ответил Тоон. — Один умер. Еще один ранен.

— Умер! — воскликнул Боол. — О нет! Да успокоится его душа! О! Какая трагедия!

— Мастер Боол! — с необычной для него настойчивостью сказал Тоон. — Старейшин нужно уведомить. Пока они ничего не узнали, я извещаю вас.

— Моя лояльность несомненна, мастер Тоон, и в этом ты прав. Мы должны немедленно известить старейшин. Я потребую встречи.

Ветер напоминал обоюдоострый меч: он сдувал снег с плато, но и мороз кусал жестоко, яркое солнце совсем не грело. Обратный путь со скал оказался еще тяжелее, но все же они успешно добрались до озера. Буккари опасалась, что отморозит пальцы на ногах, а у Маркатура болела щека. Путники приближались к острову, когда заметили две спешащие к ним фигуры.

— Шэннон и... Хадсон, — прокричал ей на ухо Макартур.

— Надеюсь, что у них все в порядке, — ответила она, протирая заслезившиеся глаза. У нее вдруг возникло неприятное предчувствие. Они встретились на острове под укрытием деревьев и скал, где ветер не завывал с такой силой и можно было не кричать при разговоре.

— Лейтенант, вы теперь за командира. Командор Квинн умер прошлой ночью, — сообщил сразу же Шэннон, разматывая закрывавший лицо шарф. — Лихорадка. Ли делала все, что могла, но он очень быстро отошел. Вот так. Лег и умер.

Буккари моментально забыла о холоде. Командор Квинн, старший офицер, мертв. Теперь тяжесть принятия всех решений легла на нее. Ответственность придавила ее, лишила дара речи. Опустив голову, она стояла и смотрела себе под ноги.

— Нам нужно беспокоиться о Татуме, лейтенант, — продолжал Шэннон, прикрывая ладонью рот. — Он в тяжелом состоянии — инфекция, возможно заражение крови. Ли говорит, что гангрена ему обеспечена, дело лишь во времени.

— Нам нужно перенести его в колонию обитателей скал, — сказала Буккари, отбрасывая посторонние мысли. — Нам нужно всем туда перебраться. Завтра с первым светом отправляемся к скалам. Они согласны принять нас там.

— Есть, — сказал Шэннон и улыбнулся: — Это лучшее известие за последнее время.

— Сейчас ветер будет в спину, — закричал Хадсон, когда они вышли из-за скал.

— Не рассчитывай на это, — отозвалась Буккари. — Посмотри на облака. Идет циклон. Плохая погода, да и ветер меняется. Пошли, пока не начался ураган.

Большие пушистые снежинки грациозно проскальзывали через потолок. Снег будет идти долго, целый цикл большой луны, а возможно, и дольше. Начальник стражи Куудор в накидке из меха черной выдры неторопливо обходил посты. Охрану удвоили, и он проверял бдительность караульных. Из-за густой завесы снега возникли фигуры двух охотников — Крааг и Браан в белых шкурах и почти невидимые. Как и подобало, первым разговор начал Браан.

— Привет тебе, о Куудор, начальник стражи.

— Привет тебе, о Браан, вождь, и тебе, отважный воин Крааг, — с достоинством ответил старик.

— Все в порядке, — сказал Крааг. — Стражи хорошо обучены и внимательны.

Старый воин раздулся от гордости.

— Буран будет сильный, — произнес Куудор. — И продлится много дней.

— Да, ты прав, — согласился Браан. — Через час совсем стемнеет. После наступления темноты появляются рыкуны.

— Возможно, длинноногие вообще не придут, — высказал предположение Крааг. — Мы поступим мудро, если подождем.

— Может быть, и так, — ответил Браан. — Но я не думаю. Та-которая-командует сказала, что они вернутся сегодня. Она говорила уверенно.

— Мне сказали, что Та-которая-командует — женщина, — удивленно сказал Куудор.

— Это правда, — подтвердил Браан.

— Странные существа, они позволяют слабым невысоким женщинам командовать ими, — позволил себе выразить неодобрение Крааг.

— Возможно, женщины умнее, ведь и охотникам отдают распоряжения мастера, — ответил Браан.

— Но мы никогда не позволим, чтобы мастер вел нас в бой, — воскликнул Куудор. — Мастерам не хватает ни воли, ни смелости.

— Вероятно, женщины длинноногих обладают всеми необходимыми качествами. В ее смелости я не сомневаюсь, — твердо сказал Браан.

— Очень любопытно. Но, извините меня, воины, мне нужно закончить обход, — Куудор отсалютовал и зашагал прочь. Через несколько секунд его поглотила вьюга.

Макартур перепроверил компас и попытался определить их местонахождение. Он сделал это уже не в первый раз, так как непрекращающийся снегопад затруднял ориентацию на местности. Беспокойство возрастало. Голдберг не могла идти — ее фактически нес Мендоса. Ли и Фенстермахер пытались помочь, но у них ничего не получалось; хорошо уже то, что они по-

могали друг другу. Шэннон был занят Доусон, без него она вряд ли смогла бы идти. Трудно было с Татумом: слишком тяжелый, чтобы его можно было нести, он часто терял сознание и, только поддерживаемый с двух сторон, кое-как переставлял ноги. Макартур прекрасно понимал состояние друга: совсем недавно он и сам страдал почти так же. Обитатели скал выедают Татума, если они успеют вовремя доставить его туда.

— Что с Татумом? — спросил Макартур. Долговязого капрала поддерживал Честен, нагруженный к тому же огромным рюкзаком. Ему пытался помочь Хадсон, но из-за отсутствия руки у Татума сделать это было нелегко.

— Не знаю, Мак, — великан покачал головой. — Он не шевелится.

— А как ты сам, Джокко? Может, тебя подменить?

— Я нормально, — прохрипел Честен, похожий на движущуюся белую гору.

— А я бы чуть передохнул, — заикаясь, пробормотал Хадсон.

— Конечно, мистер Хадсон. Сейчас я пришло О'Тула с охранения, лучшего стрелка не найти, — капрал прошел в арьергард колонны. Беженцы опасно растянулись.

Справа от себя он уловил какое-то движение, неясное и неопределенное. Макартур замер, пытаясь рассмотреть то, что попало в периферийное поле зрения, но все было напрасно. Он сдвинул защитные очки и помотал головой, но туман, обволакивавший мозг, не рассеивался. Ни одно из данных ему пяти чувств ничего не говорило, но капрал чувствовал — там, за

сутробами, что-то есть. К нему подошла на снегоступах Буккари.

— Что-то мне не нравится, как ты тут выглядишь, — сказала она. — Увидел что-нибудь?

— Возможно, не знаю, — он посмотрел на нее. Она отвела глаза в сторону.

— Прошлый раз, когда мы были вдвоем, — Макартур улыбнулся ей, опуская с лица шарф, — было веселее. Беспокоиться приходилось только о вас.

— Спасибо за заботу, — насмешливо сказала она, поворачиваясь к нему.

— Нет, не поймите меня неправильно, — запротестовал Макартур. — Конечно, я очень о вас беспокоился сначала! Но уже после первой ночи понял, что беспокоиться надо о бедных хищниках.

— Лесть! Неприкрытая лесть! Но я принимаю твою похвалу, отважный воин.

— Хвалить легко, о юная девица.

Они повернулись и вместе пошли к голове колонны, где прокладывали дорогу Тукманян и Шмидт. Сразу за ними с тяжелыми рюкзаками и винтовками в руках тащились Гордон и Пети.

— Далеко еще? — спросила Буккари.

— По-моему, не очень. — ответил Макартур. — Думаю, около километра, — он бросил взгляд в сторону. Неприятное ощущение не покидало его. — Слишком уж мы разбросаны. Надо подтянуть арьергард. Сейчас я сменю Хадсона, с Честеном пойдет О'Тул. Татум нас прямо-таки связывает по рукам и ногам.

С головы колонны слышался звук выстрела. Стреляли из винтовки. Следом за ней

ватную неподвижность разорвала очередь из карабина. Макартур рванулся вперед. Буккари не отставала. Они уже слышали знакомое рычание. Хищников было не менее пяти, и они приближались. Стрелять мешали Татум и Хадсон, находившиеся на линии огня. Макартур прыгнул в снег и выпустил очередь в выделяющуюся на белом фоне черную морду зверя. Над головой захлопал карабин Буккари. Еще один хищник зарылся носом в сугроб. Честен споткнулся, но удержался на ногах и опустил Татума. Кто-то закричал. Хадсон опустил руку за пистолетом, но поздно — два чудовища врезались в него, челюсти щелкнули, разрывая одежду. Макартур, стоя уже на колене, выстрелил по ближайшему, и тот отлетел, скуля и мотая головой. На помощь Хадсону пришел, наконец, Честен. Ухватив зверя за толстый загривок, он отшвырнул его на несколько шагов. Перевернувшись в воздухе, проворная тварь приземлилась на четыре лапы и отбежала за сугроб.

Другие рыкуны, хотя и изменили направление атаки после первых выстрелов, но не отказались от своих первоначальных планов. Теперь своей жертвой они избрали Честена. Выстрел Буккари раздробил одному из них плечо, но другой все же вцепился гиганту пониже спины. Честен упал на колени. Лежащий на земле Хадсон хладнокровно приставил пистолет к уху хищника и нажал на курок. Рыкун разжал челюсти и свалился замертво. Макартур вскочил на ноги. Хадсон в порванной и залитой кровью одежде помог подняться Честену. Буккари переворачивала Татума, все это

время неподвижно лежавшего на снегу лицом вниз, когда в хвосте колонны раздалась выстрелы.

Выстрелы эхом отдались в ущелье. Схватив луки, Браан и Крааг выбежали из укрытия. Куудор развел по местам две группы лучников и вызвал для подкрепления следующую смену. Отдав необходимые распоряжения, он вытащил лук и пошел вперед, ничуть не сомневаясь, что стражи отобьют любое нападение.

Громы длинноногих не умолкали: то отдельные выстрелы, то несвязные очереди, приглушенные плотной завесой снегопада. Крики становились все громче, длинноногие приближались. Их уже заметили стражи и подали сигнал готовности. Затем появился первый — огромный, сгибающийся под тяжестью ноши пришелец. Ношей оказался другой длинноногий, похоже, лишившийся чувств. Следом, утопая в снегу, тянулись еще несколько чужаков. Увидев прямо перед собой неизвестно откуда взявшихся обитателей скал, длинноногие явно перепугались. Один из них закричал, очевидно, приказывая своим воинам не поднимать оружие против охотников.

— Крааг! Сопровождай их! — приказал Браан. — Мы поможем тем, что идут следом.

Из пурги вынырнула другая группа — еще один раненый в сопровождении трех тяжело нагруженных длинноногих. Они громко пере-

говаривались и часто падали. Куудор отважно выступил вперед и схватил одного из них за руку. Двое длинноногих, увидев обитателей скал и поняв, что путешествие успешно завершилось, оставили раненых и возвратились к тем, кто, судя по выстрелам, прикрывал их отход. Браан отправился за ними, ориентируясь на звук голосов.

Навстречу им попался самый большой из длинноногих. Он был ранен, кровь капала на снег, что вполне могло опять привлечь рыкунов. Гигант пошатывался, но не столько из-за раны, сколько из-за того, что на плече у него лежало безжизненное, на первый взгляд, тело товарища. Двое вернувшихся длинноногих осторожно забрали раненого и унесли к скалам. Гигант остался, озадаченно озираясь и пошатываясь. Беспокоясь, что он может упасть, Браан уже собирался предложить свою помощь, когда из сумеречной мглы вышли еще трое. Двое длинноногих подхватили под руки великана и потащили вперед, а третий подобрал винтовку и подождал, пока к нему не присоединились оставшиеся, составлявшие, очевидно, арьергард.

Поблизости прозвучали еще выстрелы. Рядом с Брааном появились Крааг и Куудор, оба с луками наготове. Опять выстрелы! Тьму пронзили молнии. При звуках грома охотники съежились и отпрянули. Рычание! Да, это рыкуны! Воины чуяли их запах, несмотря на сильную вонь, распространяемую волшебными палками длинноногих. Запах крови вел рыкунов через пургу.

— Назад, лейтенант! Назад! — закричал Макартур. — О'Тул! Боцман! Кто там еще? Назовите себя и подходите!

Ответа нет. Их было четверо, сбившихся в кучку, спина к спине. Они знали, что обитатели скал где-то рядом. Дошли! Почти дошли. Теперь надо позаботиться о себе. Они не могли просто повернуться и побежать.

— Не останавливаться! О'Тул! Смотришь нам в спину и идешь вперед, — приказал Макартур. — Видишь что-нибудь? Крылатых существ?

— Еще нет. А куда идти, Мак? — беспомощно спросил О'Тул.

Макартур бросил взгляд на компас, стараясь держать его ровно. Сказать что-то наверняка было невозможно. Они могли оказаться совсем в другой стороне.

А из пурги уже летели рыкуны. Первыми грохнули карабин Буккари и пистолет Джонса, через мгновение к нему присоединилось более мощное оружие Макартура и О'Тула. Из всей стаи только двое хищников добрались до цели, и с первым Макартур разделался штыком. Второй — и последний — пал, пронзенный тремя стрелами. Причем все три попали в горло. Пальба прекратилась. Люди стояли, уставившись на подстреленного рыкуна, еще не видя спускающихся к ним охотников.

Наконец появились и их спасители, все еще с луками в руках. Один из них приблизился и резким жестом показал следовать за ним.

— Это же вождь! — закричал Макартур,

узнав своего старого знакомого по его шрамам и походке. — Пошли!

Охотники повернулись и легко зашагали по снегу, их широкие ступни увеличивали площадь опоры и позволяли не проваливаться. Да и тела обитателей скал намного уступали людям в весе. Земляне побрели за своими новыми друзьями, стараясь не отставать и опасливо оглядываясь.

ГЛАВА 27. ВОЙНА

За полночь адъютант проводил Рунакреса из западного крыла до опустевшего зала заседаний — только уборщики еще лениво слонялись, делая вид, что приводят в порядок священные палаты этого последнего на Земле бастиона демократии. К восточному входу Рунакрес проследовал уже один. Хорошо зная дорогу, он не боялся заблудиться. Звук его шагов по лакированному полу эхом отдавался от деревянных панелей стен и высоких потолков казавшихся бесконечными коридоров. Он шел размеренно, ни быстро, ни медленно, хотя, разумеется, гравитация мешала, заставляя постоянно контролировать движения. По давней привычке адмирал рассматривал пожелтевшие портреты лидеров прошлых лет и героев войн, красующихся между выцветшими драпировками и пыльными знаменами. Как всегда, созерцание этих свидетельств славного прошлого доставляло ему немалое удовольствие. Он вошел в восточное крыло.

— Караул! Смирна! — рывкнул капитан. Элитное подразделение из «бригады Альберта» — сияющие шлемы, примкнутые штыки, высокие ботинки, — оглушительно щелкнув

каблуками, замерло. Рунакрес одернул китель, поправил расшитую золотом фуражку и отдал «космический» салют, резко бросив руку к козырьку и столь же резко оторвав ее. Не то, что у этих ребят из легиона миротворцев — ладонь к груди и кулак над головой. Он улыбнулся такому ребяческому сравнению и вышел в снегопад.

Над Эдмонтоном воцарилась ночь, но темно не было — вся улица, ведущая к Министерству обороны, в котором адмирал трудился последние несколько месяцев, хорошо освещалась. То и дело встречались армейские патрули в камуфлированной форме, некоторые с собаками на поводках. Из транспорта в пределах административного центра курсировал только троллейбус. Рунакрес решил пройтись пешком до офицерского клуба; после стольких часов в помещении это даже приятно и, возможно, быстрее. Юпитер! Как он ненавидел политику! Его планета умирала.

Адмирал бросил взгляд на часы: на два часа позже оговоренного времени, но он знал — они будут ждать. Пройдя отделанный медью и тиком вестибюль клуба, Рунакрес направился в укрытые от любопытных глаз апартаменты, специально зарезервированные для дачного случая. У окна стояла Мерривезер. Сложив руки на груди, она смотрела сквозь стекло с таким видом, словно считала падающие снежинки. Остальные, привольно устроившись на кожаных диванах и в глубоких креслах с высокими спинками, вполголоса беседовали у тускло светящегося камина. Завидев адмирала, все вскочили, за исключением Квинн, которая

осталась сидеть и даже не подняла головы. Над камином висело величественное полотно, изображающее древний парусник, противостоящий бушующему морю.

— Решено, — бесстрастно объявил Рунакрес. — Президент дал добро. Нам предоставлено право задействовать все возможные средства.

Он оглядел притихшую компанию, ожидая чего угодно, кроме молчания. Квинн подняла голову, ее глаза блеснули в свете пламени.

— Пойду сообщу новость, — Уэллс нахлобучил меховую шапку. — Есть еще кое-какие проблемы по снабжению.

— Не кое-какие, Франклин. Возьми все на себя, — сказал Рунакрес и повернулся к геологу. — Командор Квинн, ваш рапорт сыграл решающую роль. Советники президента заглотили крючок. Ваши усилия достойны похвалы. Я знаю, чего вам это стоило.

— Спасибо, адмирал, — ответила Квинн и покраснела. — Я действительно верю, что мой... и как скоро, сэр?

— Понимаю, Кэсси, — мягко сказал Рунакрес. — Посмотрим, сколько времени понадобится Франклину, чтобы закончить переоборудование. Не раньше, чем через три-шесть месяцев. Нужно подготовиться к сражению.

Артиллерийская канонада громом раскатилась по всему фронту. Из жерл пушек с визгом вылетали похожие на поросят, круглые,

тупоносые снаряды, ввинчиваясь в истерзанное небо и уносясь вдаль, откуда возвращались глухим, аритмичным, погребальным стоном разрывов. Оранжевые языки пламени лизали затянутый черными облаками грязного дыма горизонт. В смертельной битве сошлись крионские армии Севера и Юга. Зона опустошения все расширялась. У всех на устах было одно слово — война. Миллионы обезумевших от паники гражданских и тысячи беглых солдат устремились на Юг, забивая дороги бесконечными колоннами, готовыми в любой момент предаться безудержному отчаянию или беспричинной надежде.

За ними катили орды Горрука, заливая поселки и города серой волной. Они не были похожи на завоевателей. Измотанные жарой, прожаренные солнцем, войска северян мало чем отличались от беженцев, только бежали они от безжалостной пустыни и ее сухих ветров, от неумолимой жажды и непобедимого песка. Солдаты безудержно рвались вперед, зная, что любое испытание будет легче того, что они уже прошли. Лучше умереть, атакуя неизвестного противника, чем отступить в кошмар пустыни. Выход к какому-нибудь жалкому притоку сопровождался такими взрывами энтузиазма, которые напоминали взятия столиц. Солдаты бросались в грязные лужицы и плескались, оглашая окрестности восторженными криками. Захватив надежные плацдармы, армии Севера покатались дальше, поддерживаемые тыловыми конвоями. Инженеры безжалостно гнали пленных на работы: проложить через пески желез-

нодорожные рельсы, оборудовать системы сигнализации. Сделать все это нужно прежде, чем погода вернется в нормальные рамки, а пустыни снова превратятся в непроходимый ад. Так что пленных, по сути, ставших рабами, оставалось только пожалеть.

Южные племена отбросили былые споры и соперничество. Внезапное вторжение Горрука привело к свертыванию торговли, что поставило под вопрос само существование тысяч крионцев. Они прекрасно знали, что генералы Горрука признают одно право — право сильного, а потому не стеснены никакими условностями и конвенциями. Для генерала существовала только одна война — тотальная; геноцид, грабежи, истребление — все это и многое другое входило в его арсенал террора. Крионцы Юга оказались жертвой своего собственного благодушия. В конце концов, экваториальные пустыни не стали непреодолимым барьером — безумие не знает преград.

— Весьма очевидно, не правда ли? — сухо спросил Эт Каласс. Он стоял у окна на третьем этаже своего четырехэтажного дома, глядя на серо-зеленый плац внизу, обрамленный чудесными котта. Сейчас, в пору цветения, их украшали оранжевые цветочки. Жаль, что это ненадолго: неподвижный, тяжелый от смога воздух; безоблачное и, тем не менее, мутное небо.

— Не могу вам сказать, — ответил началь-

ник милиции генерал Эт Ралфкра. — Возможно, сами спутники оказались с дефектом, нельзя исключать и саботаж. Бомба с часовым механизмом — это несложно. Впрочем, никаких доказательств нет.

— Доказательство редко бывает орудием справедливости, тем более, когда это касается нашего друга Горрука, — заметил старый крионец, прилегший на диване в углу.

— Наш мудрый и достопочтенный Самамкоок, конечно, прав, — согласился Эт Каласс. — Кстати, как развивается последнее наступление Горрука? — он отвернулся от окна и подошел к стене, увешанной оперативными картами.

— Сейчас отклонился к западу и идет вдоль массива Рууе. Эт Барблус ожидает его в горах. Они встретятся в конце дня.

— Столько человек погибнет! — пробормотал министр. — И когда только все это закончится?

— После реставрации! — излишне громко ответил генерал.

— Самообольщение — опасная вещь, — сказал Самамкоок.

— В прошлом у нас были свобода и правда, — откликнулся Эт Ралфкра. — Они же будут и в будущем.

— Только в том случае, если наши короли будут чисты и мудры — а это суровое требование для смертного крионца. Даже если он из самых знатнейших и достойнейших, — задумчиво произнес Эт Каласс. — И давайте не забывать: наш претендент сам подвергается серьезной опасности.

Наступающие силы Горрука наткнулись на упорное сопротивление. Противник превосходил их численно и занимал заранее заготовленные оборонительные позиции. Для любого другого это означало бы катастрофу, но только не для Горрука. Преодолевая сопротивление, его войска неукротимо катились вперед, оставляя после себя тысячи мертвых и десятки тысяч несчастных. Они преодолевали пропасти и карабкались по скалам. Защитные линии маршала Эт Барблуса могли рухнуть в любой момент под неукротимым напором Горрука. Дошло до рукопашных схваток. Генерала видели в самых опасных местах — смелый и решительный, яростный и хладнокровный, не склоняющий головы под огнем противника, он появлялся везде, где требовалось дополнительное усилие. Однажды Горрук лично возглавил атаку на вражеское укрепление и был серьезно ранен, видели, как он, вытирая с лица кровь, призывал к решительному штурму, слышали, как, издав боевой клич своего племени, лично застрелил вражеского офицера. Воодушевленные примером своего командующего, северные войска сокрушали на своем пути все. Неся серьезные потери, южане отступали, оставляя поле боя истекающим кровью варварам из истерзанных легионов Горрука.

ГЛАВА 28. ЗИМА

— Девочка, — объявила Буккари, входя в низкое помещение, где размещались земляне. — Сработано на славу.

Ее сообщение вызвало взрыв восторга, за которым последовали язвительные комментарии и смех. Любопытные обитатели скал тоже заглянули к гостям. У входа их встретила лейтенант, сумевшая с помощью языка жестов показать и большой живот, и малыша на руках. Старушки-прислужницы удалились, оживленно щебеча, с улыбками на страшноватых лицах.

— Ну... хм... и как она? — спросил Татум.

Все рассмеялись и зашикали, похлопывая виновника по широкой спине.

— Так на кого оно похоже? — настаивал Татум.

— Не оно, эх, ты, петушок! — укоризненно сказала Ли. — Она! И зовут ее Хани. А похожа на маленькую обезьянку, как и все новорожденные.

— Фенстермахер, а ведь ты похож на гориллу! — воскликнул Уилсон.

— Нет, нет, я здесь никаким манером, — запротестовал его сосед. — Я невинен, как...

— Ты, наверное, хочешь сказать, что неспособен, — уколол его О'Тул.

Все рассмеялись, и это тоже было неплохо. Теснота помещений и вынужденное бездействие сказывались: люди быстро вспыхивали по любому случаю. Их маленький мирок стал похож на тюрьму.

— Как вы думаете, я могу ее повидать? — тихо спросил Татум.

— Спросить не помешает, — сказала Буккари. — Сейчас я узнаю. Ещё кто-нибудь хочет пойти? — глупый вопрос — руки подняли все. — Посмотрим, что можно сделать, — она рассмеялась.

— Так что вы видели? — спросил Хадсон.

— Коридоры, полированные полы. Вода. Много камня. И еще лифты! У них есть лифты, — сообщила Буккари.

— Они предоставили нам крышу над головой, — добавила Ли. — Ее комната похожа на эту, только поменьше и гораздо теплее. Голдберг сказала, что ничего обезболивающего ей не давали. Пришлось бедняжке потрудиться. Все продолжалось несколько часов, но она чувствует себя хорошо.

— А теперь получите! — воскликнула Буккари. — Роды были под водой! Голдберг говорит, что ее поместили в темную комнату с каменным корытом, наполненным горячей водой.

— Так делали и на Земле, — сказала Ли.

Уединиться на станции Золотой Рудник было почти нигде, их зимнее убежище оказалось весьма скромным. Доворнобб и Катеос, оба достигшие зрелого возраста, понимали, что готовы к браку, и хотели откровенно и без утайки обсудить этот вопрос. Требуемое местечко все же отыскалось — под куполом тепличного участка, где для зимовщиков выращивались фрукты и овощи. Давление здесь было таким же, как и снаружи, а температура весьма умеренная. По понятиям крионцев, здесь господствовал холод. Что за стенами, об этом Доворнобб и думать не хотел.

К стенам купола ветер прибил листья и прочий мусор. Шел снег. Первые снежинки неспешно кружились в воздухе, прежде чем упасть на прозрачную поверхность купола, а затем соскользнуть вниз. Доворнобб и Катеос сели на зеленую скамейку, сняли шлемы и посмотрели друг на друга. Они разговаривали много раз, но сказали очень мало.

— Говорят, каждая снежинка непохожа на другую, — вздохнула Катеос.

— Эт Силмарн утверждает, что к вечеру все, на сколько хватает взгляда, будет покрыто снегом, — сказал Доворнобб. Он встал, подошел к куполу и проверил температуру, но тут же отдернул руку и спрятал ее в перчатку. — Ух! Холодно!

Ученый вернулся к скамейке и посмотрел на Катеос. Она сидела тихо и как-то непривычно робко. Доворнобб уже привык к ее говор-

ливости и непосредственности, тем качествам, которые женщина проявляла только в общении с ним. Важность предстоящего разговора сковывала и его самого. Он сел, взял ее за руку и нежно пожал. Катеос, отвернув лицо, ответила тем же.

— Наша жизнь осложнилась, — начал Доворнобб.

— И в то же время в ней появилась цель, — тихо продолжила она. — Большая определенность, — ее глаза высматривали что-то за пределами купола, за завесой снегопада.

— Мне хотелось бы выразить свои чувства.

— Вы уже сделали это! ~~Без всяких~~ слов, — Катеос пристально посмотрела на него. Если бы у Доворнобба и оставались какие-то мысли о независимости или подозрения, которых на самом деле не было, то этот нежный, милый и доверчивый, но в то же время напряженный взгляд устранил бы все сомнения и сокрушил барьеры. Его жизнелюбивое сердце и свободная душа устремились к этой женщине, он отчаянно и страстно желал принадлежать ей, но к этому стремлению отдать себя добавлялась и потребность обладать.

— Говорят, что жизнь длинна, независимо от того, сколь мало в ней дней, если ее делить с кем-то, — сказал он после паузы, которая включала в себя все очарование близости.

— И еще говорят, — в тон ему промолвила Катеос, — что настоящая любовь — это вечно благоухающий цветок, не знающий сезонов и никогда не увядающий.

Эмоции переполнили ученого, унося по-

следние сомнения. Восприятие обострилось до предела.

— Мы в трудном положении. Я всего лишь простой крионец и не могу обещать комфорта и богатства...

— Если для вас важны определенность и достаток, то лучше не продолжать этот разговор, — довольно грубо оборвала его Катеос.

— Пожалуйста, не надо, — раздраженно воскликнул он, изо всех сил стараясь сохранить самообладание и не потерять нить беседы. — Ваше счастье и благополучие станут моей обязанностью. Позвольте мне выразить озабоченность этой стороной вопроса, даже если я недостаточно красноречив.

— Да, — ответила она. — Красноречие ни к чему, если вы говорите искренне.

Доворнобб заглянул в ее большие, светящиеся, карие глаза; он ощущал себя очарованным путником, которому все равно, куда идти, главное, что ему выпал шанс на это путешествие. Путешествие в любовь. Время текло где-то рядом, но не имело для него никакого значения. Ученый нашел свой остров. Воздух наполнился запахом его чувств.

— Мастер Доворнобб? — прошептала она, возвращая его к реальности.

— Да? — отрешенно отозвался он. — О да! — теперь, когда объект его стремлений находился прямо перед ним, Доворнобб собрал всю свою решимость и выразил то, для чего пришел сюда: — Я хочу, чтобы вы стали моей супругой... навсегда.

Вот так! Сказано, хотя и несколько кратко.

Но в ее присутствии и говорить, и думать было трудно. Она опустила глаза. Никакого ответа. И когда ученый уже собрался продолжить, Катеос заговорила.

— У меня нет выбора, я обязана подчиниться вам. Таков закон: моя жизнь — это ваша жизнь. Конечно, вы оказали мне честь, — она склонилась еще ниже, выражая свою покорность, в уголке глаза набухла слеза. Женщина моргнула, и слезинка упала на землю.

— Благодарю вас за формальное согласие, — тихо сказал Доворнобб. Теперь он мог говорить. Ее смиренная поза вызвала в нем потребность излить свои чувства. Он был ученый и свободолюбивый крионец. Ортодоксальность общества вызвала в нем ненависть, мешая или даже запрещая выражать свои чувства или понимать чувства других.

— Между нами есть понимание, есть чувство, есть связь, — спокойно, но раскаляясь изнутри, начал Доворнобб. — И они глубже и сильнее древних правил и традиций, — теперь наступила его очередь читать лекцию. — Я хочу быть вашим спутником. Я хочу, чтобы вы были моим спутником. Навсегда. На всю жизнь. Я хочу, чтобы вы стали моей супругой не потому, что я так распорядился, и не потому, что я хочу взять на себя ответственность за ваших детей. Я хочу, чтобы вы стали моей супругой потому и только потому, что вы сами этого желаете. Если это не так, уходите сейчас и не возвращайтесь. Я не намерен взыскать к обычаям нашего общества и буду огорчен, если они — эти правила — стали причиной того, что вы подчиняетесь моим желаниям.

Все это время, пока лилась его речь, Катеос не сводила с него глаз, лицо ее разрумянилось, и каждый упрек только добавлял женщине очарования и красоты. Запах ее чувств тронул ноздри Доворнобба.

— Обещаю вам, — пылко ответила она, — обещаю, что мое согласие является лишь выражением свободной воли. Я ваша навсегда. Ваша, потому что я так хочу — вы мой хозяин.

— Я ваш супруг, — с чувством добавил он, и их запахи смешались.

Женщина сжала его руку, слезы ручьем стекали по ее прекрасному лицу.

— Супруг мой, это обещание — неугасимое пламя. Оно будет разгораться и не погаснет никогда.

Страстность этих слов опалила Доворнобба, доведя до состояния экстаза. Едва сдерживая радость, ученый устремил на нее свой горящий взгляд.

— Обещание — это уже решение. Мы супруги. Я займусь необходимыми документами.

— Их нужно держать в изоляции, — просвистел Кооп. — Чужаки грубы и ведут себя как дети! Они грязны и плохо пахнут. Мы опасаемся того, что длинноногие принесут нам зло! — собравшиеся старейшины и представители мастеров молча слушали. Перечисление грехов их гостей продолжалось. Обитатели скал не могли поощрять их прожорливость, грубость, раздражительность и буйство.

— Примите мое глубочайшее уважение, о

старейший, — прощепетал с галереи посетителям Тоон. — Можно мне сказать? — он встал без разрешения старейшего.

Возмущенный столь бесцеремонным вмешательством, Кооп взглянул с подиума в зал, отыскивая виновника нарушения протокола. Здесь собрались главным образом члены совета, избранные мастера и представители охотников.

— А, наблюдатель Тоон! — Кооп был удивлен. — Твой доклад и стал основой наших суждений. Что еще ты хочешь добавить?

— Покорно прошу разрешить мне обратиться к совету, — обратился мастер пара. — Мои наблюдения сослужили вам плохую службу. О старейший, твое решение продлить карантин может быть правильным, но обоснование причин неверно.

Зал зашумел, возмущенный столь вопиющим проступком.

— Грубое поведение длинноногих не означает, что они принесли зло, — торопливо продолжил Тоон, стараясь донести до всех свои мысли прежде, чем смелость покинет его. — Чужаки разные. Суждение нужно отложить до тех пор, пока мы не поймем их лучше. Да, у них плохие манеры, да, они самонадеянны, да, высокомерны.

Длинноногие не хотят зла, но они ведут себя как отдельные существа, каждый исходит из своих интересов, действует эгоистично, выпуская из вида общую цель, — шум в зале усилился. Тоон повысил голос: — Я предлагаю дать чужакам возможность трудиться, даже если при этом они больше узнают о нашем обществе. Полезная деятельность требует от

них сил и энергии, которые сейчас расходуются впустую, и возвысит их в наших глазах.

В зале воцарилась тишина. Члены совета старейшин рассматривали одиноко стоящего мастера так, словно перед ними было вредное насекомое. Молчание затягивалось.

Его нарушил Браан, вождь охотников. Не извиняясь за нарушение этикета, он поднялся со своего места.

Кооп недовольно посмотрел на него. Такое вмешательство отрицательно сказывалось на его положении старейшины и руководителя всех обитателей скал.

— В словах Тоона есть смысл, — сказал Браан.

— О вождь охотников, выскажи свое мнение, — с едва скрытым недовольством объявил Кооп.

— Покорно принимаю твое разрешение говорить, — просвистел Браан, занимая место на подиуме.

— Охотники первыми узнали о прибытии длинноногих два лунных цикла назад и все это время наблюдали за ними. Мы знаем чужаков не по докладам мастера Тоона и не по слухам. У чужаков есть хорошие качества, и немало. Если они несут нам зло, то и мы им тоже.

Слова его были встречены протестующими выкриками и свистом. Браан повернулся и воинственно оглядел собрание, явно показывая, что твердо намерен дожидаться, пока шум уляжется. Ему предоставили слово, и охотник не собирался уступать.

— Да, они ведут себя грубо, оскорбительно, — он повысил голос, перекрывая ропот

зала. — Да, они неприлично жестикулируют. Они смотрят прямо в глаза. Они поглощают неимоверное количество столь ценной пищи, обращая ее в зловонные отходы! Они редко моются, и тела их воняют. Они шумны и крикливы. Не уважают наши обычаи. Даже ссорятся между собой. Все это правда! Да, правда! Но это еще не причина, чтобы осуждать их и проклинать. Это только показывает, что они другие.

Долгая речь для охотника. В заключение Браан сказал:

— Послушайте мастера Тоона. Он даст вам взвешенный совет.

Вождь охотников вернулся на свое место. Зал затих, и Кооп дал слово Тоону.

Астронавты собрались в темной и сырой пещере, заметно нервничая. Где-то далеко внизу катилась река, и хотя увидеть ее не представлялось возможным, грохот потока заставлял говорить громче. Густые и теплые клубы пара немного согревали, но с потолка то и дело срывались сосульки. Пещера освещалась спиртовыми лампами, расположенными вдоль стены, их мутно-желтое ожерелье тянулось вглубь и исчезало за поворотом. Внизу, метрах в шестидесяти под ними, вдоль другой стороны пещеры шла еще одна линия ламп, параллельная первой, обозначая дно огромной каверны.

Прячась в тени, за землянами наблюдал таинственный мастер, о котором им рассказал Ящерица, как они прозвали своего постоянного переводчика.

— Это еще кто такой? — спросил Макартур.

— Босс нашего друга, — ответил Хадсон. — Тот парень, на которого мы должны произвести впечатление.

— Ну, сам он производит не очень приятное впечатление, скрываясь между ламп, — заметил О'Тул.

— Прекратите пялиться, — сказал Шэннон. — Они этого не любят.

Астронавты так и сделали, обратив все внимание на приближающуюся к ним Буккари. Рядом с лейтенантом шел их новый знакомый, Ящерица. Они только что закончили осмотр пещеры, беззвучно общаясь между собой с помощью рисунков и знаков.

— Мы здесь в роли уборщиков, — сообщила Буккари. Мужчины-астронавты обступили пару, отчего маленький обитатель скал нервно огляделся и сделал шаг назад, намереваясь выйти из кольца землян. Буккари положила руку ему на плечо и подтолкнула на место. — Нужно убрать отложения.

— Мистер Ящерица объяснил мне, что это аккумуляторы, — сказала Буккари, — и их необходимо чистить. Данная пещера представляет собой один из аккумуляторных каналов. Всего их четыре. Сейчас они перекрыты и высушены, чтобы бригады чистильщиков могли работать: убрать ил, камни и прочий мусор, который принесла вода после прошлогодней уборки. В этом году наши хозяева запоздали с очисткой, так что теперь приходится навёрстывать. Воды было много, мусора оказалось больше обычного. Сейчас мы подключимся к одной из бригад, а потом, когда узнаем, что и

как надо делать, сформируем свою собственную группу. Дел хватит на всех.

— Очень уж похоже на принудительный труд, — пробормотал Пети.

— Мы отработываем пищу и кров, — напомнила Буккари. — Никто не собирается принуждать тебя что-то делать. Можешь уйти, когда захочешь.

— Извините, лейтенант, я не это имел в виду.

— Ладно, все в порядке, — сказала Буккари. — Мне тут тоже не по себе, — в пещере действительно было мрачно, где-то что-то скребли, слышался звон падающих капель, и эхо от этих звуков наполняло все пропитанное затхлым запахом каменное подземелье.

— Работа нужна, — сказал Макартур. — Ну что, начали?

— Подождите, — остановила его лейтенант. — Теперь вы знаете, как это важно. Мы отработываем свое содержание и можем доказать, что годимся кое на что. А то наши хозяева уже начали считать нас бездельниками, и не без оснований для такого суждения. В любом случае, это лучше, чем просто просиживать всю зиму задницы.

— И что они аккумулируют в этих аккумуляторных каналах, лейтенант? — спросил Шэннон.

— Энергию! Точнее, потенциальную энергию, — ответила Буккари. — В зависимости от потребности в энергии и наличия воды, поток избирательно направляется в один из каналов. На каждом из них установлены водяные колеса, при помощи которых поднимаются большие грузы. Цепи, поддерживающие эти грузы, мож-

но отсоединить от колес и присоединить к другим механизмам. Так что все это — гигантская аккумуляторная батарея. Но только механическая.

— Теперь понятно, как движутся эти лифты, — сказал Хадсон. — А вы видели эти грузы и всю систему передач? Должно быть, внушительное зрелище.

— Только краем глаза, — усмехнулась Буккари. — Вход воспрещен. Наш гид не хотел об этом говорить, но я прижала его вопросами, и он уступил.

Макартур фыркнул.

— Как же получается, что в такой громадной пещере так тепло?

— Пар, — ответила Буккари. — Они собирают пар. Вода, которая проходит по каналам, направляется в особую, как бы это назвать, магматическую, где превращается в пар, который и собирают в этих аккумуляторах под низким давлением. Значительная часть этого пара подается в пещеры. Наш друг Ящерица несколько раз предупреждал меня об опасности паровых гейзеров и кипящей воды.

— Горячий душ, а? Отлично! — улыбнулся О'Тул.

— Да, горячий. Только очень-очень горячий! — предостерегла Буккари.

— Так значит, у них и электричество есть? — спросил Хадсон.

— По-моему, нет, — пожала плечами Буккари. — Как ни пыталась, но объяснить Ящерице, что это такое, я не сумела. Вся паровая энергия или преобразуется в тепловую, или используется непосредственно.

— А какие у нас будут инструменты? — спросил Шэннон.

— Хороший вопрос. Думаю, сейчас нас обеспечат. Ну ладно, давайте трогаться. Придется спуститься на дно пещеры. Соблюдайте осторожность. Наши друзья все время повторяют, что работа опасная, поэтому закройте рты и будьте бдительны.

— Есть, лейтенант! — дружно воскликнули астронавты.

Сотни спиртовых ламп, прикрытых синими плафонами, лишь отчасти рассеивали полумрак огромной пещеры. Негромкий гул сотен голосов резко притих, когда у входа появились и рассеялись по залу две сотни женщин, облаченных в оранжевые одеяния. Зажигая дополнительные свечи, они постепенно приближались к центральной сцене. Сидевший на галерее для мастеров Боол с восторгом ребенка наблюдал за происходящим.

— Тоон оказался прав, — прошептал Кооп. Старейшина остановился, чтобы перекинуться парой слов с мастером пара. Теперь они вместе смотрели, как вспыхивают все новые огоньки, как меняется мозаика световых пятен.

— Несомненно, о прозорливейший, — ответил Боол. — Мои сомнения полностью рассеялись. Прошло немногим более двух циклов луны, а длинноногие уже работают в два раза продуктивнее, чем наши, хотя опыта им еще не хватает. Я не сомневаюсь, что пройдет еще один лунный цикл, и чужаки заменят три груп-

пы чистильщиков. Сейчас мы разрабатываем новый тип инструмента, чтобы с наибольшей эффективностью использовать их радиус действия и подъемную силу.

— Неужели дело только в том, что они сильны? — спросил старейший. — Говорят, они ломают инструменты, которые не выдерживают их силы.

— Возможно, — ответил Боол. — Но вот Тоон сообщил мне, что длинноногие придумали некоторые нововведения. Мы так давно всем этим занимаемся, что привыкли и не способны взглянуть на обычный процесс свежими глазами. Их изобретения сработали. Работа по очистке вышла на плановый уровень. Разве это не чудо?

— Приятно слышать... ш-ш-ш! Церемония начинается. Мне нужно идти на свое место. Долгой жизни тебе, — Кооп уже подходил к центральному подиуму, когда зазвенели колокольчики. Женщины построились, и над залом нависла тишина.

Празднование самого короткого дня в году началось с ритмичного звона одного-единственного колокольчика — нежный мягкий тон. Затем зазвучали голоса, далекие и приглушенные. Редкостная гармония и необычайная широта диапазона — вот что отличало пение обитателей скал. Результат, который достигался при этом, вызывал чувство, близкое к сексуальному возбуждению. Все отступало, оставалось лишь едва слышное трансзвуковое трепетание. После этого началась хоровая процессия. Звучание нарастало, становилось все громче и богаче по мере того, как к пению присоединя-

лись тысячи женщин в темно-синих одеждах. Величественно и гордо они вплывали в зал, и голоса их уносились вверх, отражались от потолка, стен, смешивались с другими, сплетаясь в небесную мелодию, которую можно слушать бесконечно долго.

Еще один колокол — более могучий, чем первый — ударил три раза, и старейшины соскочили со своих мест. С хоров послышалось тихое проникновенное звучание, знаменовавшее появление судей и жриц — все женщины, одетые в черное. Пышная свита довольно быстро, но не теряя при этом грациозности и величавости, разместилась по периметру зала. Некоторые взошли на сцену. Более половины — небольшого роста — были из племени охотников, считавшихся лучшими певцами. Среди них и верховная жрица.

Она вошла на середину сцены, повернулась лицом к аудитории, воздела вверх руки — мембрана крыльев слегка просвечивала на синем фоне — и замерла, воплощение красоты и чистоты. У ног ее плясали желтые огоньки, подчеркивая совершенные черты. Жрица плавно опустила руки, и все присутствующие, мужчины и женщины, взрослые и дети, возвысили голоса до мощного величественного крещендо. Руки ее вновь взметнулись вверх — женские голоса оторвались от мужского фона, накатывая волна за волной, сливаясь, исчезая. Эти два типа — мужской и женский, «инь» и «янь», — сталкивались, переплетались, растворялись друг в друге. Почувствовав время, верховная жрица резко опустила руки.

Тишина.

Она повернула голову вправо, влево, вверх, глаза закрыты, зрение ограничено сферой сонарного восприятия. Тихо, нараспев, жрица произнесла несколько звуков. И огромный зал услышал ее. Она передала свое послание на нескольких звуковых уровнях, и тонко настроенные рецепторы собравшихся приняли его.

— Благословен мой народ, — пела жрица, — благословен. Детьми. Благословен солью и теплом. Благословен.

Она остановилась. Аудитория отозвалась кратким музыкальным рефреном, как бы подтверждая молитву жрицы.

— Благословен мой народ, — продолжала она. — Благословен. Пищей. Благословен цветами и семьями. Воистину благословен.

Собравшиеся поддержали с еще большей страстностью.

— Боги поселились в наших сердцах и наших душах. Они живут в наших скалах и пещерах. Благословен мой народ. Они живут в наших реках и озерах. Они глядят на нас с лун, зажигают солнце и звезды. Каждое дерево, каждый стебелек травы, каждая капля дождя, каждая сияющая снежинка — боги в них, в каждом из нас, и все это — дух. Благословен мой народ. Боги повсюду, и они справедливы. Благословен мой народ. Споем! Возблагодарим за все, что дано нам, чем мы благословлены. Споем!

Голоса собравшихся грянули мощно, вознося хвалу богам, подтверждая верность традициям. С присутствием им в таких случаях пылом обитатели скал пели, наполняя пещеру звуками, наплывающими друг на друга, рождающими нечто еще более грандиозное, величествен-

ное. Мощь этого пения потрясла бы любого новичка. Колокола гремели в тон, и казалось, еще немного, и каменные стены содрогнутся и падут. Огни ламп колыхались, тени дрожали, воздух вибрировал от энергии, переполняющей зал.

Время шло, его никто не отмерял, но когда нужный момент настал, ее хрупкие руки снова взлетели над головой. На крыльях играли золотистые и синие огоньки, а звуки песен и колоколов, преодолев барьер восприятия, унеслись, оставив лишь тихое баюкающее колыхание. Но и оно продолжалось недолго, и, словно исчерпав остатки сил, умерло, растворившись в раскаленной тишине. Верховная жрица оглядела собравшихся, лицо ее озарила улыбка, полная внутреннего света и умиротворения.

— Благословен мой народ. Голосами наших предков, — произнесла она, и слезы радости оросили ее щеки. — Благословен, — и сотни голосов повторили негромко, но убежденно «благословен».

Снова ударил массивный колокол, теперь уже шесть раз, и верховная жрица подала знак. Судьи вышли вперед — девять высоких женщин из племени мастеров.

Торжественные и величественные, они встали за девятью подиумами из оникса. В оранжевых одеяниях, как и первая группа, но с ониксовыми ожерельями на шее, судьи замерли с высоко поднятыми головами. Зал затих, затаив дыхание, ибо настал час расплаты. Те из обитателей скал, кто умышленно причинил вред, будут осуждены на изгнание, на верную смерть в ледяной пустыне.

— Благословен мой народ, — нараспев про-

изнесла верховная жрица. — Правосудием. Дадим же ему слово! Услышим голос справедливости!

И зал застыл.

Начался суд.

— Холодно! — пожаловался Фенстермахер.

— Да здесь холодно ежедневно, — сказал Уилсон, тасуя карты.

— Перестаньте ныть! В пещере в сто раз холоднее, — шикнула на них Доусон.

— Так что происходит, лейтенант? С какой стати нам дали выходной? — спросил Уилсон. Он сидел на куче шкур, прикрывшись одной из них.

Буккари разложила перед собой рисунки — словарь аборигенов. Ее коллекция значительно выросла. Хадсон и Макартур помогали ей систематизировать символы.

— Ящерица не говорит, — ответила она. — Просто сказал, что сегодня мы должны остаться здесь. У них что-то вроде религиозного праздника.

— В переходах усилена охрана, — заметил Шэннон, разглядывая свои карты. — Я пас.

— Религиозный праздник? — спросил Фенстермахер. — И что это может быть?

— Трудно сказать, — Буккари пожала плечами. — Что-то вроде анимизма.

— Что? — удивился Фенстермахер. — Они поклоняются животным?

— Они поклоняются всему, — ответил Макартур. — По их мнению, каждая скала, дере-

во, горы одушевлены. Они обожествляют планету. У них несколько сект, или каст. Высокие, рабочие, поклоняются камню, растениям, рыбам, реке — все зависит от того, чем они занимаются. Охотники, те поклоняются диким животным.

Буккари посмотрела на него. Капрал, стоявший рядом с ней, почему-то смутился и отвел глаза.

— Ты быстро все схватываешь, Мак, — сказала она. — Продолжай в том же духе. Нам нужно контактировать с ними. Это похоже на то, как учишься читать, — Макартур покраснел и неловко улыбнулся в ответ.

— Да, Мак, — согласился Хадсон, не отрываясь от разложенных перед ним картинок. — Все это весьма двусмысленно, и Шал... э... лейтенант Буккари никогда не соглашается со мной. Вот так. Проверь вот это.

— И что это? — спросила она. Хадсон разработал систему, по которой ответы подбирались попарно вопросам.

— Это имеет отношение к серии вопросов о других расах и людях, — ответил Хадсон. — Мы пытаемся определить, видели ли они когда-нибудь других пришельцев или летающие машины.

— Да. И...

— Я понял следующее: они видели летающие машины, но не в последнее время, не в последние четыре года, да и раньше довольно редко. Описывают этих пришельцев как великанов, людей-медведей. Что ты об этом думаешь? — он придвинул к Буккари несколько рукописных листков. Лейтенант уставилась на них, а Макартур осторожно придвинулся поближе.

— Ты прав, Нэш, — сказала она чуть погодя. — Здесь сказано, что они видели какие-то крылатые объекты, издающие шум. Четыре зимы, то есть последние четыре года назад, — она перевела взгляд на другие страницы. — В их мифах есть рассказы о больших людях-гигантах, людях-медведях, которые появлялись из этих машин. У них было оружие. Музыкальное или поющее. Оно убивало на большом расстоянии.

— Великаны, а? — хмыкнул Уилсон. Рука с картами замерла в воздухе.

— Не забудь, — сказал Хадсон, — они и нас считают великанами.

— Ну, это не совсем так, Нэш, — вступила Буккари. — Чтобы описать нас, Ящерица употребляет слово «большой». А вот выражение, которое относится к описанию этих пришельцев, более эмфатично, различие в степени. Наш друг подчеркивает, что из живых обитателей скал никто этих чужаков не видел, а вот их летающие машины видели многие.

— А что это за поющее оружие? — спросил Макартур. — Лазеры?

— Неплохая мысль, — серьезно сказал Шэннон.

Внимание всех привлекли двое вошедших — Честен и Гордон отряхивались от снега.

— Нам показалось, что мы что-то слышали, — объяснил Честен.

— Что именно, Джокко? — спросила Буккари.

— Музыка, колокола, свист. Что-то вроде того, непонятное. Но как-то задевает за живое. Красиво, пожалуй, — задумчиво ответил Честен.

— Мне не хватает музыки, — с отсутствующим видом заметила Доусон и принялась напевать что-то давно забытое, но тут же осеклась и смущенно огляделась.

— Чудно, Нэнси, — сказала Ли. — Продолжай.

— Неловко.

— Тебе неловко? — усмехнулся Фенстермахер и пригнулся — брошенный ботинок пролетел над его головой.

Уилсон поднялся.

— Я раньше пел. До сих пор помню кое-какие песенки.

— Только не надо тех, которые ты пел, распивая пиво, — поддел его Шэннон.

— Да, канонир, не забывай, что у нас здесь дамы, — попросила Буккари.

— Уилсон, тебе случалось петь для дам?

Все рассмеялись, а Уилсон погнался за Фенстермахером, который благополучно выскочил в холодный коридор.

Буккари вернулась к картинкам, но мысли о будущем отвлекли ее от этого занятия. Зима обещала быть долгой. Она подняла голову — Макартур смотрел на нее. Он застенчиво улыбнулся и, покраснев, отвернулся. Никто, кроме Буккари, этого не заметил.

Доусон и Уилсон уже вспоминали слова какой-то древней песенки. Вскоре все уже пели. И это было прекрасно.

ГЛАВА 29. ВЕСНА

Озеро в долине Макартура оказалось громадным — потребовался целый день, чтобы обойти его. В южной части находилась небольшая бухточка, тихая, спокойная, с островками, поросшими лесом, — прекрасное место для рыбалки.

Макартур открыл это местечко еще в ходе предыдущей экспедиции. Помимо хорошего подхода к озеру, здесь в избытке рос лес, да и почва казалась подходящей для земледелия, но самое главное — источник с чистейшей и казавшейся сладкой водой. Пробиваясь из-под камней, он растекался и сбегал к песчаному берегу залива.

— У, водичка холодная, — заметила Голдберг, присаживаясь у весело журчащего ключа, чтобы смыть с рук рыбу чешую. Сама рыба, обезглавленная и выпотрошенная, уже лежала на камнях. Устроившийся поблизости охотник с явным интересом следил за Доусон, которая прозвала его Синий Нос.

— Уилсон, поставь котелок воды на огонь, — попросила Доусон, протирая песком нож. — Наверное, так можно избавиться от этого запаха.

— О, кажется, я всю жизнь только тем и

занималась, что чистила рыбу, — простонала Голдберг.

— Держи-ка, дружок. Подкрепись, — сказала Доусон, бросая Синему Носу кусок филе. Охотник ловко поймал его, сунул в рот и проглотил, не пережевывая. — Хадсон говорит, что сегодня у нас годовщина: целый земной год, как мы здесь.

— И что, прикажете веселиться по этому поводу? — спросила Голдберг и подняла голову, услышав стук упавшего дерева. Выше по склону холма Тукманиян и Шмидт валили лес, а внизу, у самого берега, Ли и Мендоса копались в черной илистой почве, еще совсем недавно находившейся под водой. Рядом с ними с мотыгой и мешочком семян в руках суетился высокий обитатель скал из племени садовников.

— Помоги-ка мне, мамочка, — обратилась к подруге Доусон. Она собирала свои принадлежности, включая пистолет. По меньшей мере один человек в группе всегда был вооружен; самым большим недостатком залива являлось то, что здесь обитали гаргантюанских размеров медведи, все еще считавшие его своей территорией. Два косматых монстра, проявившие к гостям чрезмерное любопытство, уже заплатили за это жизнью — их шкуры висели в растяжку на специально изготовленной раме.

— Черт, Нэнси, ты становишься бочкой! — воскликнула Голдберг, помогая Доусон подняться, при этом обе женщины пыхтели, как паровозы. Прежняя одежда Доусон уже не годилась, теперь она носила меха и шкуры. Самодельный балахон весьма некстати распахнулся, когда женщина неуклюже вставала,

обнажая белые мускулистые ноги в мужских ботинках, — пушистые хвосты не прикрывали погрузневшее тело и вздутый живот. На ее загорелом лице выступили пигментные пятна, из-под шапочки вырывались огненно-рыжие, давно не стриженные волосы.

— Беременная троглодитка! — Голдберг даже всплеснула руками. — Ну и вид у тебя!

— Не терзай ты меня! — захныкала Доусон. — Посмотри на себя. Думаешь, ты лучше?

— Спасибо, — манерно ответила Голдберг и встала в позу, выставив на показ поджарое тело, закаленное бесконечной работой.

— Давай перетащим рыбу в палатку, — предложила Доусон, поглядывая на сидящего на камне охотника. — Не оставлять же ее здесь, медведи сбегутся.

— От меня воняет, — пожаловалась Голдберг, складывая выпотрошенную рыбу в корзину.

Они поднялись вверх по склону к палаткам, где пахло сырой кашей и дымом. У костра на земле сидел Фенстермахер, склонившись над выделанной шкурой. Натянув на деревянную раму два куска кожи, он пытался сшить их, и, судя по всему, это давалось ему нелегко.

— Проснулась, — проворчал Фенстермахер, не поднимая головы. — И уже кричит — пожалуй, будет поразумнее своего папаша, хотя можно ли быть тупее?

— Спасибо, что присмотрел, Уинни, — поблагодарила его Голдберг, и, положив рыбу у костра, вымыла руки теплой водой. Закончив санитарную обработку, она понюхала пальцы и нырнула в одну из палаток. Хани лежала на

спине, обложенная мехами, и сосредоточенно играла с пальцами ног. Голдберг наклонилась, подняла дочку, усадила на колено.

Над озером нависли тяжелые мрачные тучи, грозя разразиться дождем. Всего лишь несколько дней назад астронавты уже пережили настоящую бурю. Голдберг укутала ребенка мягким мехом рыкуна, девочка еще крепче уцепилась за мать, явно не желая расставаться с ней.

— Не могу поверить, что Шэннон разрешил тебе пустить эти шкуры на детское одеяло, — заметила Доусон. — Такой мех — и впустую.

Фенстермахер молча сопел, не отрываясь от работы, зажав зубами конец кожаной полоски. Услышав замечание Доусон, он пробормотал что-то неразборчивое.

С вершины холма по-прежнему доносились глухие удары топоров: Тукманиян и Шмидт не прекращали работы уже три часа. Чуть в стороне от палаток, удобно устроившись на превращенном в кресло чурбане, восседал Уилсон. Рядом с ним лежал небольшой топорик аборигенов. Буккари и Шэннон что-то оживленно обсуждали с Тонто, примостившимся на стволе поваленного дерева. Юный охотник с недавних пор повсюду сопровождал лейтенанта, вызывая шутки матросов.

— Эй, шеф, — окликнула Уилсона Голдберг. — Я устала от женской работы. Чем мы занимаемся? Шьем и чистим рыбу.

Уилсон и Буккари повернулись в ее сторону. Шэннон сделал это еще раньше, правда, его взгляд был устремлен на Доусон. От долгого сидения у костра Уилсон вспотел.

— Тебе не повезло, бедняжка Голдбрик! —

он нахмурился. — Не знаю, что и сказать. Вот! — подняв с земли топорик, Уилсон швырнул его к ногам женщины. Тонто непроизвольно вздрогнул. — Займись моим делом — наколи дров и перенеси к костру, а я с удовольствием что-нибудь заштопаю. Да! А уж потом у меня найдется время и для другой работы. Моей. Да! Настоящая мужская работа — повар!

— Эй, Ганнер! Успокойся, — вмешалась Буккари. — Голдберг пошутила.

— Хм, — фыркнул Уилсон. — У нее это хорошо получается.

— Не в самый лучший момент ты зацепила Уилсона, — сказала Буккари уставшей матери. — Наберись терпения. У тебя на руках ребенок, а Доусон сейчас не в той форме, чтобы помочь как надо, всему свое время.

— Конечно, лейтенант, — вмешалась подошедшая Доусон. — Боже, шеф! А я и не знала, что ты так заработался. Шуток не понимаешь? А мы-то с тобой все время по-хорошему.

— Слушай, Доусон, найди себе другой объект для развлечений. Твоего размера, — проворчал Уилсон.

— Это уже лучше, — ответила Доусон. Она подмигнула Шэннону, обняла Голдберг и подтолкнула к тропинке.

— Пойдем-ка, бедолага, посмотрим, как там ребята управляютя.

Обе женщины пошли вверх по склону, не заходя в палатку. Голдберг сменила руку, на которой лежала малышка, и поправила меховое покрывало. Они уже подходили к карьере, где мужчины обтесывали камни. По обе стороны от тропинки стояли крепкие, высокие деревья.

— Сука! — вырвалось у Голдберг.

— Извини? Ты это о ком? Уж не...

— Дерьмо! Кто она такая, чтобы читать мне лекции? «Наберись терпения!» Как же! Офицер! Босс! Да у нее и понятия нет, каково нам приходится.

— Перестань! Хватит! — попыталась остановить подругу Доусон.

— Она, как чужая. Откуда ей знать, что это такое быть женщиной! Вся собачья работа достается нам, а она расхаживает, как королева! Дрянь!

— Успокойся, Голди! Ты несешь чушь! — Доусон остановилась и, придерживая рукой живот, глубоко вздохнула.

— Что бы она запела, если бы забеременела. Это ей не приказы отдавать... сволочь!

— Ну уж! Ты не права! — Доусон прислонилась спиной к дереву. — Нам повезло, что она такая сильная. Вряд ли ты захотела бы поменяться с ней местами, даже ради билета домой. Ей приходится беспокоиться обо всех! Думаешь, легко командовать этими тугодумами? Хочешь попробовать? А ведь она это делает! И они ее слушаются. Да, она босс! — Доусон покачала головой.

— Ну да. А что им еще делать? Она же не дает забывать, что все остальные — младшие по рангу, — не сдавалась Голдберг.

— Чушь! Да дай им Буккари малейшее послабление, они же растопчут и разорвут ее на части. Ты и сама знаешь, что будет — закон джунглей. Тебе это нравится? — Доусон икнула.

— Но...

— И в том, что мы беременны, не надо никого винить! — не дала ей сказать Доусон. — Кроме самих себя.

— А я и не знала, что ты сама по себе забеременела, — съязвила Голдберг.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Закон на твоей стороне. Пока ты не забеременеешь. А потом вся ответственность ложится на твои плечи. И все последствия. Так ведь? Так отдай должное Буккари за то, что она не забеременела. Ей и без этого нелегко. Я ей не завидую.

— Да кому она нужна? Замороженная...
Доусон рассмеялась.

— Наших парней это не остановит. И я не согласна с тобой, она симпатичная и вовсе не холодная. Да ты и сама это знаешь. Просто ревнуешь.

Голдберг внезапно расплакалась, ее сейчас же поддержала Хани.

— Перестань, милая, — мягко сказала Доусон. — Извини, но просто несправедливо вешать всех собак на Буккари, — она забрала себе малыша, погладила, и та перестала плакать.

— Ты права, — всхлипнула Голдберг. — Но я так устала... от холода, от грязи. Устала чистить рыбу... устала есть ее. Ох, Нэнси, нас никогда не спасут.

— Кто знает? Но, обвиняя во всем Буккари, делу не поможешь. Ей тоже нужна наша помощь, — она обняла Голдберг за плечи и притянула к себе. Та напряглась, но освободиться не смогла; в животе Доусон уже билась новая жизнь. Женщины обнялись, и только

малышка Хани, заплавав, вернула их к реальности.

Доворнобб и Катеос вместе отправились в очередную экспедицию. На этот раз пилот — а им оказался Лолле — выбрал в качестве района поисков отдаленное плато, где он был однажды четыре года тому назад. Вторым пилотом был Эт Авиан.

— Эт Силмарн рассказывал нам о крылатых существах, которые обитают в горах за рекой. Вы их видели? — поинтересовалась Катеос.

Она села поближе к пилотам, а Доворнобб остался в пассажирском отсеке, где спал на полу.

— Три раза, — ответил Лолле. — И всегда только издали. Но встретить их можно лишь на севере. Просто неуловимые. Парят в восходящих потоках, достигая немыслимых высот.

Он выглянул в иллюминатор и поставил автотоплот в режим следования вдоль русла реки.

— Официальные отчеты относятся к более раннему времени. Тогда на них охотились, как и на других генелланских животных, ради меха. Крылатых существ было много, но за период мехового промысла их число значительно сократилось. Отвратительное занятие.

— Эт Силмарн с насмешкой отозвался об их интеллекте, — сказала Катеос.

— Он ошибается, — ответил Лолле. — Они разумны. На некоторых нашли одежду из кожи и оружие — я видел фотографии. В те

времена научные экспедиции часто бывали в северных широтах, искали редкие металлы. Но вот уже почти двести лет, как туда никого не посылали.

— А почему прекратились исследования? — спросила Катеос. — По-моему, нужно побольше узнать об этих существах.

— Наше правительство не хочет тратить-ся. Снарядить такую экспедицию трудно, а организовать ее работу еще труднее, и притом опасно. Долина — весьма неуютное место: холодно, много овцебыков, отвратительный запах — даже дыхательные маски не помогают. А еще громадные медведи, по всей долине полным-полно медведей, не говоря уж о хищных ящерицах, рыкунах и орлах. Все время приходится быть настороже. Вулканы выбрасывают много пепла и сернистого газа. И холодно... холодно. Да, опасное место.

Река изгибалась к западу, и Лолле изменил курс. Солнце садилось, его лучи еще касались вершин гор, укрытых шапками сияющего золотом снега.

Буккари стояла на месте будущего строительства, обсуждая планы с Макартуром и Шэнноном, рядом — Ящерица с листком пергамента и стилем в руке. Два мастера из племени резчиков по камню молча смотрели и внимательно слушали, аккуратно разложив инструменты на земле, Тонто выбрался из пещеры и вперевалку направился на вершину холма. Внезапно он остановился, его пронзительный крик

прорезал воздух, резко захлопали крылья — охотник поднялся в небо. Мастера вздрогнули, тревожно вскинули головы и взволнованно запрыгали, сжав костлявые руки. Макатур вскочил на ноги и посмотрел вверх. Буккари хотела было что-то сказать, но тут ее уши уловили звук — авиационного мотора!

— Самолет! — закричала она. — Всем под деревья. Погасить огонь!

Самолет показался из-за северо-восточного края долины, отражаясь в лучах солнца, четко различимый на синем небе. Он так контрастировал с окружающей их в течение последнего года великолепной дикостью, выглядел таким привычным и знакомым, что астронавтам хотелось выскочить на площадку, закричать, замахать руками, подбросить в огонь хворосту, короче — сделать все, что угодно, только бы их заметили и спасли, унесли из этой варварской страны, но это не спасатели, это были враги. Самолет, не отклоняясь, пролетел вдоль долины и вскоре исчез на западе. Эхо его двигателей, отраженное от гор, еще долго доносилось до землян.

Костер уже едва теплился, и Уилсон погасил его, вылив котелок воды. К этому времени долина погрузилась в полумрак, поэтому вероятность того, что с самолета их заметят, была невелика: всего-то струйка дыма.

Оправившись от изумления, люди побросали инструменты и собрались у палаток. Тонто спустился на землю, к нему присоединились и другие охотники и мастера; все они взволнованно щебетали. Похожие на испуганных де-

тей, обитатели скал и астронавты сбились в кучу у дымящегося костра.

— Они нас обнаружили? — спросил Марктур.

— Почти, — ответила Буккари. — Но подобрались близко, хотя времени у них ушло на это немало.

— И что мы будем делать, лейтенант? — этот вопрос был на уме у всех, но задал его Честен.

Буккари обвела взглядом встревоженные лица и постаралась скрыть свой собственный страх.

— В наших силах немногое, — сказала она, перебирая возможные варианты действий. — Огня не разводить, по крайней мере, сегодня. У нас много сушеной рыбы и галет, — Буккари нагнулась и подобрала камешек.

— Мы и раньше это обсуждали, и я все время прихожу к одним и тем же выводам. Раньше или позже мы столкнемся с ними, — она присела на пенек. — Когда это время наступит, нам нельзя проявлять враждебность или агрессивность, а главное — страх. Последнее, наверное, самое трудное. Они должны увидеть нас сильными, уверенными в себе и готовыми к сотрудничеству.

— А что, если они начнут стрелять? — загремел Татум. Буккари опустила голову, на лицо упала копна медно-рыжих волос. Она откинула их рукой.

— Тогда, возможно, мы погибнем, — голос прозвучал достаточно твердо.

Земляне встревоженно переглянулись. Хадсон вскочил на ноги.

— Нам не убежать и не спрятаться... надолго, — сказал он. — Надо попытаться скрыться и выиграть время, но как только они нас обнаружат, то схватят тут же. Воевать с ними мы не в состоянии.

— Но почему вы считаете, что мы не можем спрятаться? — спросил Макартур. — Планета большая. Они здесь не живут.

— Возникает немало трудностей, — ответила Буккари, глядя в серьезные глаза капрала. — Они сузят район поисков. Вот тогда встанет самая большая проблема — нас довольно много, мы группа. Может быть, ты, Мак, сам по себе или группа матросов могли бы укрыться, хотя, я считаю, даже в этом случае шансы невелики. Единственная возможность пережить зиму — подготовиться к ней: построить жилища, собрать урожай, пока светит солнце. Вся эта деятельность вполне может быть замечена ими. Посмотрите, — она указала на вырубку. — Эта прямая линия прекрасно видна с воздуха, как и палатки, и костер, и будущие поля.

— Остальные еще меньше приспособлены к тому, чтобы убежать или воевать, — продолжала Буккари. — Рано или поздно мы оставим какой-то след, который приведет их к нам. Вот тогда мы продемонстрируем волю, силу характера, а уж потом будем готовиться к худшему.

— Лучше драться, — сказал Татум. — Разве вы не можете как-то привыкнуть, приспособиться?

— Посмотри на Голдберг и малыша! Посмотри на Доусон! — перебила его Буккари. — Ну, что скажешь? Можешь бегать, скры-

ваться, маневрировать и воевать с этим грузом на руках?

Татум нахмурился, но промолчал.

— Как только мы начнем стрелять по ним, так сразу станем их врагами, — уточнила Буккари. — Поймите это. И они нас выследят и уничтожат.

— Но в космосе они же напали на нас! — послышался голос Честена.

— Это их система. И здесь они устанавливают правила, — тихо ответила Буккари. — Попытайтесь убедить их, что мы не хотим причинить им вреда, — наша единственная надежда. Но если мы откроем по ним огонь, то шансов нет, и я могу дать полную гарантию, что мы погибнем. Или еще хуже.

— Так что, может, нам отправиться на их поиски? — спросил О'Тул. — Полагаю, лучше нам найти их, чем они найдут нас.

— Да! Мы могли бы их выследить! — подал голос Татум, глаза его горели в предвкушении стычки.

Его тон удивил Буккари. Капрал, даже с одной рукой, снова превращался в солдата, завоевателя. Она оглядела матросов: те тоже преобразились — враг рядом! И, странное дело, ее не слушали! Буккари обратилась за помощью к Шэннону.

— О'Тул! — крикнул сержант. — Как у нас с боеприпасами?

— Сержант! — повысила голос Буккари. — Ко мне! — она повернулась на каблуках и твердым шагом направилась к бухте, Шэннон последовал за ней.

— Скверно, сержант, — сказала Буккари, когда они отошли достаточно далеко. — Вы ведь даже не знаете, куда полетел самолет и где он опустился.

Вода в бухте напоминала зеркало. Низко над землей пролетели две пестрые птицы, едва шевеля крыльями. На берегу озера показалось небольшое стадо оленей.

— Извините, не могу вас понять, — упорствовал Шэннон, — их не может быть здесь много. Захватим самолет и таким образом выиграем время — недели, а то и месяцы, это шанс к спасению.

— Как просто. Я не согласна, но понимаю вас. А почему бы вместо этого не лечь на дно? — спросила она, стараясь сохранять спокойствие.

— Трудно согласиться с вашей точкой зрения, лейтенант, — парировал Шэннон. — Командор Квинн сказал, что я должен теперь решать за матросов — это моя профессия. Мы сейчас не в космосе, а на земле сражаемся за свои жизни, и это моя работа.

Буккари посмотрела на собеседника: холодные серые глаза, стиснутые челюсти, на скулах играют желваки — да, сержант, кажется, не способен внимать ее доводам. А то, что он упомянул имя Квинна, лишний раз подтверждало: Шэннон не признает ее единоначалия безоговорочно.

— Сарж, — начала она, — военную заварушку расхлебывают не с двумя, тремя командирами сразу, а с одним. Не согласен, иди и разыграй свои карты, но помни — начнешь воевать, мой друг, лучше уходи в лес или горы

и не возвращайся. Мне нет дела, нуждаешься ли ты в нас, а мы в тебе.

— А что, если установить мирный контакт? — спросил Шэннон.

— Думаю, что вы попытаетесь, сержант. На это и надеюсь.

Группа Шэннона пробиралась по каменной прибрежной полосе — справа сердито ревели река; вода с грохотом обрушивалась на пороги, в воздухе висела влажная пыль. Сержант оглянулся, проверяя расположение своих людей: растянулись, ну да ничего — сделал знак подтянуться и тронулся дальше.

Над головой появился белый самолет. Грохот потока заглушил шум двигателей, и чужаки появились внезапно. Самолет резко развернулся, накренившись на левое крыло.

— Не стрелять! — закричал Шэннон, стараясь перекрыть шум реки.

— Они видят, что мы здесь, — крикнул Макартур, застывший неподалеку. Самолет заходил еще на один круг, набирая высоту.

— Черт! — выругался Пети, опуская винтовку. — Я бы их все равно не достал.

— Не стрелять! Даже не поднимать оружие! — предупредил Шэннон. Если они сейчас предпримут какие-то враждебные действия, то вряд ли добьются успеха, а сообщение об этом пилоты, конечно, направят своим, — слова Буккари не выходили у него из головы.

— Что теперь? — крикнул Макартур.

— Ничего, — ответил Шэннон, — останем-

ся здесь, пока не улетят. Не хотелось бы, чтобы они обнаружили лагерь. Так что останемся и постараемся не проявлять агрессивности, как советовала лейтенант.

Он поднял руку и помахал. Макартур кивнул и сделал то же самое.

Лолле летел низко, так, что можно было рассмотреть даже белые гребни водоворотов.

— Смотрите! — крикнул он. — Прячутся в скалах! Рядом с водопадом. Пришельцы! — и действительно, по камням карабкались одетые в зеленую форму существа. Вот они застыли, запрокинув вверх головы, затем попытались скрыться, но двое не сдвинулись с места.

— Какие они худые! — заметил Эт Авиан.

— Я их вижу, — сказал Лолле. — У них есть оружие, — он достал бинокль и протянул Эт Авиану.

— Интересно, почему они стоят? — Катеос не отрывалась от иллюминатора.

— А что еще им делать? — ответил Доворнобб. — Укрытия никакого, а они достаточно разумны, чтобы не разбегаться, подобно испуганным животным. Им тоже ясно, что мы их заметили.

— Осторожно, как бы не выстрелили, — предупредила Катеос.

— Да нет, они нам машут! — сказал Эт Авиан. — Лолле, покачайте крыльями.

Пилот несколько раз накренил самолет из стороны в сторону. Они еще раз пролетели над

чужаками, изменив курс и снизившись. Эт Авиан отметил красоту и удобное расположение долины. Вероятно, где-то поблизости и поселились пришельцы.

— Приземляемся! — приказал Эт Авиан. — По ту сторону долины, поближе к деревьям.

Следуя указанному начальником направлению, Лолле изменил курс.

— Подождите, ш-ш-ш! — прошептал Хадсон. — Самолет! Слышите?

Буккари прислушалась — тихо, только сердце колотится в груди. Но вот рокот двигателей доносился уже вполне явственно.

— Приближается! — сказала она, чувствуя неприятную горечь во рту.

Самолет пролетел над озером, шум двигателей эхом отозвался в долине. Громче и громче! Вот и он, летит над самой водой. Поравнялся с бухтой и резко накренился. Конечно, прямые линии и углы каменного фундамента — прекрасный ориентир. Самолет немного поднялся и совершил два круга над площадкой. Люди беспомощно и обреченно наблюдали; одни спрятались за деревьями, другие выглядывали из палаток, третьи застыли на месте. Буккари осталась стоять прямо посередине лагеря. Завершив облет, самолет взял курс на восток и исчез за верхушками деревьев. Звук двигателей резко изменился.

— Сел! — сказал Фенстермахер. — Черт возьми, он приземлился!

Земляне уже собирались у костра, впрочем, сегодня их встречало не весело бушующее пламя, а холодный вчерашний пепел.

— Канонир! — Буккари пришла в себя. — Я пойду к ним. Собери всех, кто остался и уведи отсюда. Захватите с собой побольше пищи. Снимите палатки и ждите. Если все пройдет хорошо, я вернусь с гостями. Если услышите стрельбу, уходите, и побыстрее. Отправляйтесь к обитателям скал. Шэннон придет туда же.

— Нэш... — она повернулась к Хадсону. — Возьми два пистолета. Пойдем поздороваемся.

— Я... я тоже с вами, лейтенант, — не держал Джонс.

Буккари посмотрела на широкоплечего боцмана. Он уже начал лысеть, на макушке просвечивала кожа, а вот борода отличалась пышностью и густотой. Штаны из оленьей кожи вытерлись на коленях, парка из шкуры горной собаки обтягивала могучую грудь. Дикарь, да и только!

— Нэш! — крикнула она. — Три пистолета! — Джонс широко улыбнулся, и Буккари невольно ответила ему тем же. Страх исчез, лейтенант отчего-то загрустила.

Лолле выкатил из самолета страховочные колодки и закрепил колеса. Долина, в целом плоская, возле деревьев шла под уклон. Посадка оказалась нелегким делом, но все обошлось — самолет лишь несколько раз подпрыгнул.

Эт Авиан, явно возбужденный и обеспо-

коенный, стоял под крылом, пока пилот устанавливал колодки. Он уже принял решение: попытаться установить контакт. Пришельцы не стреляли, хотя крионцы летели на небольшой высоте, и не убежали. Эт Авиан расценил это как положительный знак. И еще одно: они уже приступили к строительству поселения, а это тоже признак миролюбия, или, по крайней мере, нежелания воевать.

— Доворнобб и Катеос остаются здесь, у машины, — приказал Эт Авиан. — Мы оставляем один бластер.

Он передал оружие Доворноббу. Лолле сунул другой бластер в глубокий нагрудный карман.

— Не позволяйте никому подходить, — продолжал Эт Авиан. — Мы вернемся через два часа.

— А если нет? — спросила Катеос. Доворнобб отвернулся, как бы не желая даже обсуждать такую возможность.

— Мы вернемся, — твердо повторил Эт Авиан и вдруг рассмеялся. — Хороший вопрос. К сожалению, у меня нет лучшего ответа.

Они повернулись и стали торопливо спускаться по склону, держа курс на лагерь пришельцев. Лолле пошел первым, опираясь на все конечности, и, пройдя несколько метров, ускорил шаг. Эт Авиан передвигался только на ногах и поэтому немного отстал, спотыкаясь о камни и скользя на травяном спуске. В тени деревьев температура резко упала. Лолле остановился, поджидая начальника.

— Иногда лучше на четырех, — отдуваясь, сказал Эт Авиан.

— Это всего лишь психология, — ответил пилот. — Если для вас важна скорость и надежность, то более разумно использовать все четыре конечности. Холм, на который мы поднялись, не требовал от вас таких психологических усилий. Вы всего лишь остались верны своему благородному званию, а я поступил так, как мне удобнее, и, будучи из простого сословия, ничем не поступился.

— Хорошо сказано, Лолле, и верно.

Эт Авиан опустил, передвигаться — даже легкой трусцой — стало легче. Пилот догнал его в два прыжка, и дальше оба крионца уже бежали вместе, легко и изящно передвигаясь в условиях более слабой гравитации, перепрыгивая через камни и петляя между деревьями.

— Рассеяться, но поддерживать визуальный контакт, — приказала Буккари, голос ее прозвучал хрипло и напряженно. — Оружие не вынимать. Когда увидим их, я подойду. Вы держитесь подальше, если не услышите мой сигнал. На случай, если дело обернется плохо, стреляйте в воздух, чтобы предупредить наших.

Все рассеялись. Хадсон отошел влево, Джонс двинулся вправо. Они уже миновали густые заросли кустарника, дальше начинался лес. Буккари шла осторожно, присматриваясь и прислушиваясь к любому подозрительному движению или шороху. Где-то впереди защebetала птица. Они не остановились. Никаких признаков гостей, только шорох колючек под ногами. Через некоторое время лес поредел, вместо высоких деревь-

ев все чаще стали попадаться маленькие, со стволами горчичного цвета. Хадсон приблизился к Буккари.

— Здесь медвежье логово, Шал, — прошептал он. — Одна берлога — я точно знаю — вон за тем холмом.

Джонс тоже подошел.

— Ну что? — спросил он, нервно покусывая губу.

— Сверни направо, — ответила она. — Вон до тех деревьев, я думаю, около километра.

— И того не будет. — Хадсон отошел.

Буккари жестом показала Джонсу сместиться еще дальше вправо. Не успели они пройти и десяти метров, как из-за бугра послышался злобный рев зверя. За ним последовали тяжелые шаги, стон и странное металлическое клацанье. А потом крик, крик, какого еще никогда не слышали люди, взметнулся в небо.

Три медведицы с медвежатами с утра копались в трухлявом пне, выковыривая из него личинки насекомых. Огромные звери удобно расселись кружком, поедая крохотных жучков. Все, что от них требовалось, это терпение. Личинки прилипали к лапам, и мамыши неторопливо, но тщательно слизывали их розовато-фиолетовыми языками. Малыши, которым такое времяпрепровождение надоело, носились по опушке, кувыряясь в траве и гоняясь друг за другом.

Лолле и Эт Авиан выскочили на лужайку и оказались между медведицами и медвежатами.

Лолле, оказавшийся впереди, застыл с широко раскрытыми от ужаса глазами. Придя в себя, он все же вытащил из кармана на животе бластер. Медведицы, ревом выразив свое глубочайшее неудовольствие, с неожиданным проворством поднялись на лапы.

Но ближайшей целью оказался Эт Авиан, с опозданием появившийся на поляне. Не успев оценить ситуацию, как оказался на земле, оглушенный и беспомощный. Его шлем откатился в сторону, не выдержав удара чудовищной лапы. Лолле, видя своего начальника в столь незавидном положении и опасаясь, что его сейчас растерзают, выстрелил из бластера в нападавшего медведя. Зверь рухнул, разрезанный пополам, но вторая хищница взмахнула лапой, и пилот отлетел в сторону, ударившись о ствол сосны. Третья из рассерженных матерей ударила бедолагу по спине, свалив на землю.

Страх и жажда жизни придали пилоту сил. Лолле поднялся на ноги, отчаянно пытаясь навести бластер на своих страшных противников. Медведи оказались проворнее. Бросившись на крионца с двух сторон, они сбили несчастного с ног и принялись рвать когтями его тело. Расколотый шлем слетел с головы. Смерть нависла над пилотом тяжелой когтистой лапой, и он закричал.

Буккари взбежала на гребень и застыла, охваченная ужасом. Джонс и Хадсон, нагнавшие ее, тоже замерли, не в силах отвести взгляда

от страшной сцены. Истекающий кровью пришелец оказался прижатым к дереву, и хотя его рука все еще сжимала оружие, было ясно, что его участь предрешена. Его товарищ лежал на земле в нескольких шагах от места схватки.

— Пришельцы! — ахнула Буккари. — Да они же огромные, как медведи!

— Давай уходить отсюда, Шал, — Хадсон схватил ее за руку. — Ни этих чудищ, ни тем более медведей, мы своими пугачами не остановим.

— Мистер Хадсон прав, лейтенант, — поддерживал его Джонс. — Сейчас медведи нападут на нас.

Пока они стояли в нерешительности, второй чужак поднялся на ноги и, шатаясь, устремился на помощь умирающему соотечественнику, совершенно не думая, чем эта безрассудная смелость может для него обернуться. Храбрость пришельца подтолкнула Буккари к действиям, она припустила вниз по склону, на ходу вытаскивая из кобуры пистолет. Думала ли она о чем-нибудь в этот миг? Вряд ли, в голове было пусто, нервы и мускулы реагировали на некий тревожный импульс. Одна из медведиц уже повернула свою перепачканную кровью морду к новому противнику. Животное резко повернулось, привстало на задние лапы и заревело — дико, зло, страшно. Рев ее прокатился по при тихшему лесу, остановив второго пришельца, который будто получил удар дубиной. Зверь снова заревел, выплескивая ярость, на отвратительной окровавленной морде повисла пена. Чужак пригнулся, сделал шаг назад, но затем все же остановился, чтобы достойно встретить

неминуемую гибель. Медведь надвинулся на него.

Буккари обогнула растерзанного пришельца, которого все еще катал по земле второй хищник, и на ходу, не останавливаясь, выстрелила в голову чудовища. Заметного эффекта это не дало; медведь с невероятной быстротой приблизился к чужаку, повалил его на спину и впился острыми, похожими на кинжалы, клыками, в плечо поверженного врага. Буккари услышала, как хрустнула сломанная кость. Упавший гигант умоляюще смотрел на нее расширившимися от страха глазами. Буккари подбежала и, не раздумывая, разрядила в страшную голову весь магазин. Промахнуться было трудно, череп хищника достигал метра в ширину, но, тем не менее, монстр повернулся к ней, блеснул маленькими желтоватыми глазками — при этом язык его уже болтался — и только после этого тяжело рухнул на землю.

Позади раздались выстрелы из пистолета. Она обернулась на звук. В тот же миг массивная лапа ударила ее по плечу, отчего лейтенант пролетела через всю поляну. Оглушенная, выплевывая грязь и кровь, она подняла голову: оставшийся медведь наступал на нее, охваченный одной маниакальной страстью — убивать, убивать. Морда и грудь зверя были залиты кровью, глаза горели яростью. В долю секунды Буккари вскочила на ноги, готовая отпрыгнуть в сторону. Левое плечо онемело. За приближающимся зверем что-то шевельнулось — пришелец, еще дальше она увидела Хадсона, пытающегося перезарядить пистолет. Джонса видно не было.

Когда оставалось всего несколько метров, зверь пошатнулся и повернулся так быстро, что самого движения Буккари даже не заметила. Зато она увидела Джонса: вцепившись в шерсть чудовища, боцман бил кинжалом в его жирную шею. На спине этого монстра Джонс казался букашкой. Медведь стряхнул его, боцман отлетел в сторону и, ударившись головой о развороченный пенёк, затих. По его лицу поползли жучки.

Медведь, в спине которого все еще торчал кинжал, наклонился над боцманом и схватил его за шею. Джонс, больше похожий на тряпичную куклу, чем на человеческое существо, болтался из стороны в сторону, голова его исчезла в пасти хищника. Хадсон подбежал к зверю с пистолетом.

— Стреляй! — закричала Буккари. — Стреляй же!

Хадсон чуть отступил в сторону и выстрелил два раза, потом еще. Обезумевший от боли медведь бросил свою жертву. Внезапно металлический звон прорезал воздух, запахло озоном — луч бластера вспорол шкуру на спине зверя. Чудовище пошатнулось и грохнулось наземь рядом с неподвижным телом Джонса.

Буккари и Хадсон повернулись к прищельцу, стоящему с бластером в руке возле мертвого товарища. Пока они раздумывали, кто станет следующей целью, чужак упал.

ГЛАВА 30. КОНТАКТ

Выстрелы! Уилсон мгновенно вскочил, Голдберг, застонав, прижала к себе дочку.

— Пошли, — приказал он. — Хватайте, что можете, и уходим. Побыстрее!

— Шеф! — закричал Фенстермахер. — Вон матросы!

В лагерь бегом примчались Макартур и Татум, на ходу сбрасывая рюкзаки, за ними по берегу озера мчался Честен, остальных не было видно. Перепуганные члены команды собирали оборудование. Уилсон поднялся навстречу матросам.

— Я слышал выстрелы! — задыхаясь, крикнул Макартур. — Где Буккари?

— Послушай, Мак, она, мистер Хадсон и Джонс пошли на встречу с пришельцами, — сказал Уилсон. — Лейтенант приказала нам быть начеку: услышав выстрелы, идти вам навстречу, а потом всем вместе отправиться в колонию. Так она распорядилась.

— Ну и план, — Макартур все еще не мог отдышаться. — Пошли, Сэнди, ей требуется наша помощь.

— А нам что делать, Мак? — спросил Уилсон.

— То, что вам приказано, Ганнер. Сейчас подойдет Сарж, так что обсудите с ним. А мы идем туда. Сэнди, готов?

— Готов, Мак.

Матросы повернулись и побежали к холму, через несколько секунд они исчезли в лесу.

— Что это такое хлопает? — спросил Доворнобб.

— Малокалиберное оружие, — ответила Катеос, поднимаясь на ноги. — Я слышала что-то подобное на поле боя, когда работала переводчицей.

— Но у нас нет такого оружия, — заметил Доворнобб. — О нет! Чужаки напали на Эт Авиана, — он поднял бластер и обошел вокруг самолета.

— Эт Авиан! Вы меня слышите? — закричал ученый, включая передатчик. — Лолле! Отзовитесь!

Ответа не было.

— Проверим? — спросила Катеос. Хлопки прекратились.

— Никто не отвечает, — сказал Доворнобб.

— Может, они слишком далеко? Почему не взяли полевой прибор связи?

— Ошибка, — печально заметил Доворнобб. — Подождем.

Прошло несколько минут. Доворнобб решил рискнуть и пройти к лесу, Катеос настояла на том, чтобы сопровождать его. Выбравшись из-под крыла самолета, ученый заметил какое-то движение — там, за деревьями, кто-

то был. Чужой! Двуногое существо, весьма хрупкое с виду, небольшая голова покрыта золотистыми волосами. Существо махало им рукой, делало знаки. Доворнобб вопросительно посмотрел на Катеос, та — на него.

— У него бластер Лолле! — закричал ученый. — Они убили пилота! — он поднял оружие, целясь в чужака. Тот нырнул в высокую траву. Тем не менее, Доворнобб открыл огонь.

— Подожди! Оно могло бы выстрелить в нас, — прошептала Катеос, хватая его за руку. — Но ведь не сделало этого, а пытается что-то сообщить.

— Обман! Трюк! — воскликнул Доворнобб. — Как они могли обезоружить наших друзей?

— Подожди, — сказала Катеос. — Будь здесь и прикрывай меня. Я пойду вперед.

— Нет, так не пойдет. Идем вместе, — он опустил оружие.

— Как хочешь. Посмотри! Чужак снова встал. Не поднимай бластер.

Действительно, существо стояло, озираясь по сторонам; бластер был опущен. На чужаке темно-желтая одежда с темно-красными полосками на груди. Выразительно посмотрев на крионцев, существо бросило бластер на землю и замахало руками. Оно указывало вниз по склону, потом повернулось и стало спускаться. Катеос опустилась на четвереньки и поскакала к неизвестному.

— Что-то случилось! — прокричала она. — Эт Авиану нужна наша помощь!

Доворнобб знал, что это ловушка, но не мог бросить свою супругу и побежал вслед за упрямой женщиной.

Хадсон услышал тяжелые шаги и невольно ускорил шаг. Он заставлял себя не оглядываться, но не сдержался — один из гигантов-пришельцев преследовал его. При желании чужак легко мог бы догнать, но не сделал этого. Его товарищ остановился, чтобы подобрать брошенное оружие и затем пустился в погоню.

Хадсон задышался, сил не оставалось, но он все же добежал до лужайки, где и нашел Буккари. Она сидела, прислонясь спиной к дереву. На коленях держала голову раненого пришельца. Рядом лежал его расколотый шлем. Свой свитер Буккари использовала в качестве перевязочного средства. Почерневший от крови материал покрывал огромную шею и плечо чужака. На другой стороне поляны, в тени, лежал Джонс, его лицо было закрыто меховым жакетом. Неподалеку попискивали у тела медведицы два медвежонка.

— Ты была права, Шал. У них есть коллеги. Но запах! — вздохнул он. — Должно быть, навоняли с перепугу.

Буккари молча кивнула, прядь волос упала ей на лицо.

— Ты о'кей, Шал? — он склонился над ней.

Она подняла голову, и Хадсон увидел, что лейтенант плачет. Буккари вытерла слезы.

— Нэш, мы были в одной команде. Джонс и я, — она всхлипнула. — Он был... мой... — слезы не давали ей говорить.

— Мне очень жаль, Шал, но...

Буккари убрала с лица волосы, глубоко вздохнула, и Хадсон поразился тому, как уда-

лось этой хрупкой женщине так быстро овладеть собой. Только чего это ей стоило?

— Да, нам есть чем заняться, верно? Ты их осмотрел? — голос ее звучал уверенно и твердо. Она попыталась подняться, но застонала и опустилась на землю.

— Шал? Что с тобой? Ты не ранена?

— Плечо... чертовски болит.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Хадсон, оборачиваясь к пришельцам.

Те остановились на краю лужайки и теперь медленно брели по склону на четырех конечностях. Они негромко переговаривались, издавая низкие мелодичные звуки. Промежутков между отдельными словами Хадсон не заметил, речь лилась плавно. Усилители шлемофонов придавали ей металлическое звучание. Судя по всему, сцена кровавой битвы производила на них большее впечатление, чем присутствие землян. Они опасливо поглядывали на суетящихся медвежат и истерзанные туши их мертвых матерей.

— Что дальше? — спросила Катеос, подходя к Эт Авиану. Доворнобб поднялся на ноги и осторожно приблизился к изуродованному телу Лолле. Обнюхав мертвого соотечественника, он коснулся рукой разодранной шеи, на всякий случай проверяя пульс.

— Ученый Лолле скончался, — произнес он.

Затем, настороженно косясь на медвежат, подошел к Эт Авиану. Искреннее сочувствие, проявленное чужаком по отношению к их начальнику, тронуло его.

— Эт Авиан серьезно ранен, — сообщила Катеос. — Кости плеча сломаны, большая потеря крови. Ему требуется срочная медицинская помощь, иначе он тоже умрет.

— Что же делать? — беспомощно спросил Доворнобб. — Ученый Лолле мертв. Другого пилота у нас нет, а Эт Авиан, конечно, не справится с управлением самолета в таком состоянии.

— Не знаю, — ответила женщина. — А сами мы...

— Я не могу. А ты? — спросил Доворнобб.

Катеос покачала головой. Она сняла дыхательный аппарат и натянула на голову раненому. Длинноволосый чужак попытался помочь, но его хрупкие пальцы не могли закрыть замок безопасности.

— Давай отнесем Эт Авиана к самолету, — предложила Катеос. — Ему нельзя долго оставаться на холоде.

Сжатый воздух оживил крионца: он пошевелился, глаза открылись, в них застыли страх и боль. Эт Авиан попытался поднять руку к лицу чужака, но содрогнулся от боли и только тогда заметил Катеос.

— Чужаки... спасли мне жизнь. Один из них погиб из-за... меня. Мы должны...

Договорить не удалось — Эт Авиан потерял сознание.

Воспользовавшись сильным воздушным потоком, Браппа набрал высоту. Опустив крыло, воин устремился на север, где находилась раз-

ведывательная группа охотников во главе с Краагом. В том, что произошло неподалеку от лагеря длинноногих, он совершенно не разобрался. Уже одна летающая машина напугала его, а тут еще смертельная схватка. Та-которая-командует снова показала себя отважным и стойким воином. Ему о многом придется рассказать. Жаль только, что он не все понял. Пока ясно было только одно: люди-медведи вернулись.

Легкие горели, и казалось, вот-вот лопнут, когда Макартур взбежал на поросший редким кустарником гребень. Почти сразу же рядом с ним остановился Татум. Ужасная картина недавней бойни заставила его отпрянуть: тяжелый гнилостный запах заполнил все, как ему показалось, органы чувств. Сначала капрал заметил тело — Джонс! — лежащее на противоположной стороне поляны; неподалеку визжали три медвежонка; чуть в стороне громоздились усеянные мухами туши взрослых особей. Но внимание Макартура привлекло другое: перепачканное землей и кровью... громадное... непохожее на человеческое... Боже, да это пришелец! Чужак массивной грудой лежал у дерева, плотный защитный костюм порван, из живота вывалились внутренности, мясистое, с крупными чертами лицо искажено предсмертной гримасой. На гребень, отдуваясь и вытирая вспотевшее лицо, поднялся Честен. Его появление вывело Макартура и Татума из оцепенения, и они торопли-

во спустились на лужайку, пересекли ее и вышли к следующему холму. Найти след оказалось не так уж трудно: притоптанная трава, почерневшие листья и иголки, а главное — отвратительный запах служили надежными ориентирами.

Подъем, как показалось Макартуру, продолжался вечность. Мысли путались, но тревога за Буккари гнала его вперед и вперед. Он выскочил из рощицы и остановился; беспокойство сменилось удивлением. Татум и Честен пыхтели за спиной. Внизу, довольно далеко от них, утопая в высокой, по колено, траве, Буккари, Хадсон и двое чужаков несли третьего. Подул свежий ветерок, но сладко-кислый тошнотворный запах по-прежнему висел в воздухе. Забыв обо всем на свете: режущей боли в груди, мертвом Джонсе, чужаках, — Макартур бросился к Буккари, выкрикивая ее имя.

Буккари оглянулась, темные волосы взметнулись на ветру, отливая медью.

— Стой! — закричала она. — Положите оружие. Мы должны помочь им.

Раненого положили возле самолета. Буккари и Хадсон сразу же отступили от машины. Пришельцы стояли у крыла, не сводя глаз с людей.

— Положите винтовки! — приказала Буккари. — Бросьте их, черт возьми, ну!

Макартур осторожно положил свое оружие на землю и кивком предложил своим товарищам последовать его примеру. Татум и Честен неохотно подчинились.

— Черт! — пробормотал сквозь зубы Ма-

картур, делая шаг назад. Зловоние становилось нестерпимым. — Ну, они и пахнут. А какие огромные! Что случилось?

Он подошел к Буккари, внимательно осмотрел ее. Плотная ткань нижней рубашки была разорвана на плече, на бледной коже темнела засохшая кровь. Левая рука неподвижно свисала. Макартур на миг зажмурился, ощущая ее боль, сожалея о том, что не может принять на себя все доставшиеся этой женщине страдания.

— Как ты? — спросил он, настороженно поглядывая на чужаков.

— Жить буду, — чуть слышно ответила она. — Кажется, у меня вывихнуто плечо. Одна из медведиц приложила.

— Ну, вы с ними посчитались, — утешил ее Макартур. — Не хотелось бы, чтобы ты когда-нибудь так на меня рассердилась, — он стащил с себя жакет и укрыл ее плечи, осмелившись даже положить руку на талию. Она приняла это спокойно.

— Боже, Мак! Джонса нет! — она вдруг заплакала, слезы потекли по перепачканному лицу, оставляя на нем мутноватые бороздки. Макартур убрал руку, ожидая, пока лейтенант успокоится. Буккари закрыла лицо ладонями и отвернулась.

Чужаки зашевелились, открыли дверь грузового люка и наклонились, чтобы поднять своего раненого товарища. Буккари, взяв себя в руки, сделала было шаг, чтобы помочь им, но Макартур мягко придержал ее за руку. Вместе с Хадсоном они ухватили по ноге, напоминавшей ствол дерева, и вместе с пришельцами затолкали третьего чужака в самолет. Земляне

остались у двери отсека, с любопытством по-
сматривая на гостей, суесящихся возле тела их
соотечественника. Затем дверца захлопнулась.

Буккари вздохнула.

— Ну что, возвращаемся в лагерь?

— Да, — кивнул Макартур.

Но не успели они отойти, как люк снова
открылся. Из него показался один из пришель-
цев, держа в руке испачканный кровью свитер
Буккари. Макартур смерил его взглядом, снова
поражаясь его размерам. Выше Честена или
Татума и по крайней мере вдвое массивнее.
Лицо разглядеть трудно из-за визора шлема, но
все же тяжелые округлые черты можно разо-
браться. Кожа немного шероховатая, как замша,
без волос, лишь над глазами кустики бровей.
Широкий приплюснутый хоботок носа над без-
губым, похожим на щель, ртом. Пришелец пе-
редал Буккари свитер и опустился перед ней
на четвереньки, почти касаясь лицом земли.
Лейтенант смущенно взглянула на Макартура,
потом осторожно похлопала странное сущест-
во по гигантскому плечу, показывая, что тот
может вернуться в самолет. Пришелец провор-
но развернулся и одним прыжком вскочил в
распахнутый люк.

Катеос увидела раны на теле Эт Авиана,
ставив с него одежду. Все оказалось не так
уж страшно. Кровотечение уменьшилось, пульс
выровнялся, хотя оставался слабым. Она про-
мыла повреждения антисептиком, наложила
стерильную повязку и накрыла раненого по-

крывалом, чтобы предотвратить переохлаждение.

— Ему должно быть очень больно, но сейчас он ничего не чувствует, — сообщила Катос, когда Доворнобб взобрался в самолет и закрыл дверь грузового отсека. К тому, что ее супруг поблагодарил чужаков, она отнеслась с одобрением. Все-таки они многим обязаны этому хрупкому длинноволосому существу.

— Смотри! Еще подошли! — окликнул ее Доворнобб, не отрываясь от иллюминатора. Запах страха наполнил кабину. Через поляну бежали еще несколько чужаков в зеленой одежде. Все они были вооружены и, вероятно, напуганы. Длинноволосый подошел к ним и что-то сказал, указывая вниз по склону. Один из подошедших, однорукий, схватил оружие и агрессивно направил его в сторону самолета.

— Вот он, наш шанс! — кричал Татум, размахивая винтовкой. — Они беззащитны. Мы их схватим! Послушайте, прикончим этих уродов и спрячем самолет в лесу. Их никогда не найдут, — его товарищи одобрительно закивали.

— Успокойтесь, Татум! — приказала Букари.

— Сэнди, положи винтовку, — негромко, но твердо произнес Шэннон, осматривая самолет. Большой, с длинными цельными крыльями и массивными колесами — явное свидетельство технологически развитого общества, способно-

го производить смертоносное оружие и эффективные поисковые приборы.

— Возможно, ты и прав, Сэнди, — сказал он, — но, возможно, и нет. Они вполне могли сообщить обо всем по радио. Послушай лейтенанта. Нет ничего в том зазорного, что мы все сначала проверим, но... Всем быть настороже — у этих парней есть лазеры.

— Проклятье, сержант! — вскрикнула Буккари. — Сколько же можно толочь одно и то же! — она выхватила у Хадсона пистолет и подошла к Татуму. Капрал упрямо смотрел на нее.

— Всякому, кто подумывает о том, чтобы расправиться с этими... этими существами, придется иметь дело со мной, — в ее глазах зажглись огоньки ярости. Шэннон хотел было стать между ними, но Буккари вплотную приблизилась к Татуму. Она опустила рукоятку пистолета на грудь матроса, направив дуло прямо в подбородок. Капрал не шелохнулся.

— Подумай об этом, Татум! Мы спасли жизнь одному из них. И теперь обязаны помочь им, чтобы их лидеры поняли, что у нас нет недобрых намерений. Это самое ясное и понятное, недвусмысленное послание, которое только можно придумать. Нам повезло, но Джонс заплатил за это своей жизнью. Ему не нужна никакая месть. Мы оба знаем, чего хотел боссман. Подумай об этом, Татум! Подумай! И не заводишь!

Капрал отступил на полшага и резко кивнул. Неслышно подошедший Шэннон забрал у капрала винтовку и тихонько похлопал его по

плечу. В свою очередь Макартур осторожно протянул руку и взял у Буккари ее пистолет.

— Что-нибудь прояснилось? — спросил Доворнобб. — Как только они переносят этот холод?

— Тот, что поменьше, о чем-то спорит с другими, — сказала Катеос, надевая запасной дыхательный аппарат. — Вероятно, речь идет о нас. Но что же делать? Как доставить Эт Авиана на Океаническую станцию? Ему срочно требуется медицинская помощь. Если не раны, то холод наверняка убьет его.

— Они идут сюда, — сказал Доворнобб. Он закрыл грузовой отсек и открыл дверцу в кабину экипажа. Надо беречь тепло для Эт Авиана. Потом отошел в сторону, наблюдая, как чужаки неуклюже поднимаются по трапу. Они были такие миниатюрные, такие хрупкие, руки и ноги напоминали стебельки растений. А какие крошечные головы! Зато разговаривали быстро; как только ухитряются понимать друг друга... Гости с любопытством все рассматривали. Внимание их явно привлекла рубка пилота, и они попросили разрешения пройти вперед. Доворнобб не знал, что делать, и кивнул.

Чужаки усадились на сидения. Некоторое время двое из них переговаривались между собой, затем тот, что поменьше, потянул рычаг управления. Другой, побольше, пожалуй, мог бы управлять, пользуясь двумя руками, а вот первый не дотягивался до ножных педа-

лей и не доставал панели. Высокий же принялся рассматривать карту.

— Тот, что пониже, женщина, — со знанием дела заявила Катеос.

— Фу, ну и запах! Да здесь дышать нечем, — сказала Буккари. — Почему они не открывают иллюминатор?

— Посмотри! Схемы! — воскликнул Хадсон. — Взгляни! Они не против.

— Ты прав. Что... подожди! — Буккари взглянула на чужаков. — Что-то не так. Им же нужно спешить. Их друг серьезно ранен. Почему они нас не выгоняют? Почему не включают двигатель?

— Да, может, ему не так уж и плохо, — Хадсон пожал плечами.

— Нет, он плох. Не смотри, что он большой и сильный. Без медицинской помощи наверняка умрет. И скоро.

Она поднялась и подошла к хозяевам самолета. Гримасничая от боли, попыталась показать, что нужно взлетать. Они внимательно смотрели на нее и взволнованно переговаривались. Ничего не получалось. Буккари взяла картосхемы — какие-то непонятные отметки, но основное ясно — маршрут полета. Она внимательно присмотрелась: район посадки, заправочные станции, расчет времени, направления. Проследила маршрут до конца — все время вдоль реки. Почти все было знакомо. Карта буквально загипнотизировала ее.

Нет, сейчас не это главное. Она перевела взгляд на меньшего из чужаков. Подтолкнув карту к нему, указала пальцем на исходный пункт. Провела им вдоль маршрута и показала на панель управления. Потом кивнула сначала в сторону одного, потом другого из хозяев и сделала жест в сторону панели. Тот, что поменьше, посмотрел на Буккари и указал куда-то в сторону поляны, где остался погибший член экипажа, затем тоже ткнул пальцем в сторону пилотского кресла. После короткой паузы чужак еще раз указал на второе кресло, а потом на раненого.

— Они остались без пилота, — простонала Буккари. — Нэш, не упустим такой возможности!

Хадсон ничего не сказал. Потом его лицо прояснилось.

— Давай полетим туда сами. Это ведь самолет, верно?

Буккари посмотрела на него.

— Ты прав! По прямой! И назад поведешь его ты! Один. Нэш, я не могу лететь с тобой.

— Я? Один? Без тебя?

— Да! Да, только так, — настаивала она. — Нэш, я должна остаться здесь, да и плечо болит! Я только буду тебе мешать. И с управлением не справлюсь, даже до панели не достаю. Ты сможешь. Мы просто обязаны доставить раненого к доктору. И побыстрее! — она встала с пилотского кресла, освобождая место для Хадсона.

— Шал! Подожди! — закричал он. — Помоги разобраться с системами.

Буккари потрепала его по щеке... как щенка.

— В основном, ты уже разобрался, остальное поймешь. Ты здесь единственный пилот. Главное — поднять этого поросенка в воздух, а потом — лети вдоль реки.

— А как с топливом? — спросил Хадсон. — Похоже, эту штуковину надо подзаправить.

— Держу пари, вот эти отметки — здесь, здесь и здесь, — сказала она, указывая на карту. — По-моему, здесь станции подзаправки и аэродромы. Уверена, что эти двое тебе помогут. Садись сюда и приступай к делу. Я сейчас скажу Маку, чтобы тебе принесли все, что надо, и, конечно, продукты. Скоро вернусь. Разберись, как включить двигатель. О'кей?

Хадсон взглянул на карту.

— Шал! Это безумие, — простонал он, садясь в кресло.

— Идея твоя, — ответила Буккари, спускаясь по трапу.

Доворнобб молча наблюдал за неуверенными движениями чужака: Мотор заревел, сотрясая корпус самолета, и пилот кивнул. Затем он тронул несколько кнопок, очевидно, пытаясь убрать тормоза. Доворнобб знал, как это делается и, наклонившись к панели, сдвинул рычаг. Самолет дернулся вперед, и пока он бежал по неровному травянистому склону, костлявый чужак потянул дроссель, радостно вскрикнул и хлопнул Доворнобба по плечу. При этом он, не переставая, болтал сам с собой, а потому До-

ворнобб, дабы не показаться грубым, ответил тем же. Чужак как-то странно посмотрел на него, а Катеос хихикнула.

Самолет задрожал и подпрыгнул. Чужак добавил газу и развернул машину вниз по склону. Самолет еще немного пробежал и, наконец, оторвался от земли. Пилот сделал круговой облет, и Доворнобб заметил внизу нескольких новых знакомых; они все еще махали руками. Теперь чужак посерьезнел и целиком посвятил себя управлению. Под левым крылом тянулась река, курс на Океаническую станцию был взят. Чужак замолчал.

Мало-помалу Хадсону удалось установить кое-какой контакт с пришельцами, в основном, благодаря настойчивости второго из них. Он понял, что это женщина, ее звали Катеос, голос глубокий и звучный. Первый пришелец отзывался на «Доорноб». Его самого они называли «Хаасоон».

Хадсон видел, что Доорноб переговаривается с кем-то по радио. Интересно, что он там рассказывает. Полет вдоль реки казался бесконечным. Дозаправка прошла без осложнений, но проведенная на земле ночь оказалась беспокойной и бессонной. Второй день полета совершенно измотал Хадсона, перспектива лететь на незнакомом самолете ночью над неисследованной планетой пугала его. Уровень топлива был непривычно низок, спина болела от постоянных попыток дотянуться до панели, глаза слипались. Последний час оказался самым тяжелым, само-

лет качало, ветер усилился. Хадсону хотелось только одного: сесть и поспать.

Немного бодрости придал раскинувшийся под крылом безбрежный океан. Доорноб указал вправо, в сторону от реки, и Хадсон увидел, что последние лучи солнца отражаются от какого-то необычного объекта. У него пересохло во рту, сердце упало — он сам понял, что испугался. Взяв себя в руки, он положил самолет на крыло и прибавил газа. Итак, курс на далекие огни, огни цивилизации. Свет, явно искусственный, скорее всего электрический, замигал. Усталость схлынула, сменившись другим неприятным чувством, опасением.

Солнце скрылось за высокими горами, но фиолетовый закат вполне позволял определить-ся с посадкой. Хадсон облетел станцию. В центре ярко освещенной металлической аппарели, оборудованной подъемными кранами и железнодорожными путями, возвышалось нечто, напоминающее ракету-носитель. В углу платформы — большой, похожий на куб, ангар и два маленьких строения, крохотная рощица в другом углу почти скрывала округлое двухэтажное здание. Из него выбегали пришельцы. По периметру взлетно-посадочной полосы замигали огни.

— Хорошенькое дельце! — подумал Хадсон. Он отклонился в сторону от зданий и пошел на снижение. Всех тонкостей ему разгадать не удалось, поэтому пользоваться приходилось только теми устройствами, назначение которых не вызывало сомнений. Он выпустил щитки, убрал газ, и... самолет уже катился по травяной дорожке, скорость быстро падала. От группы встреча-

ющих отделился один, весьма мощного телосложения, и, подбежав к полосе, стал рукой подавать сигналы, кстати, вполне понятные, особенно последний — «глуши мотор!» — режущее движение ребром ладони поперек шеи. Правда, у Хадсона возникла и другая аналогия: уж не идет ли речь о его шее. Он спустил дроссельную задвижку, отключил подачу топлива и аккумулятор.

Стало так тихо, что Хадсон даже почувствовал себя несколько дискомфортно. Его больше не трясла вибрация, продолжавшаяся в течение всего полета. Он повернулся к Доорнобу и... получил удар в плечо, заставивший его согнуться. Хадсон поднял голову — пришелец улыбался. Землянин попытался ответить тем же, но страх сковал мышцы.

Дверь грузового отсека распахнулась, и в кабину хлынул холодный влажный воздух. Давно забытый запах океана! Толпа кричащих пришельцев заполнила кабину. Раненого спешно погрузили на носилки и опустили на землю. Хадсон оказался в центре внимания, все бросали на него взгляды, широкие сплюснутые хоботки носов подергивались возбужденно под масками. Оставшись в самолете один, он не спеша поднялся с кресла и подошел к двери. Внизу стоял Доорноб, протягивая массивную крепкую руку.

ГЛАВА 31. ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ

Преодолев слабо защищенное ущелье, армии Горрука растекались по высокогорным перевалам, вырвавшись на долгожданный простор. Перед ними открылась плодородная долина королевства Пенк, по которой в полнейшем беспорядке отступали, потеряв управление, координацию и желание драться, ее защитники. Благодаря изощренному саботажу и подрывным действиям пятой колонны, оборонительные линии оказались отрезанными друг от друга, и штурмующие легко овладели передовыми позициями. Дороги открылись, и войска Севера беспрепятственно устремились дальше, к богатым полям Юга. Коммандос шли впереди, жестоко расправляясь с теми, кто еще пытался оказывать сопротивление. Изголодавшиеся и обозленные солдаты сметали на своем пути все, уничтожая то, что нельзя было съесть. Армии Горрука напоминали огромную воронку, всасывающую, бурлящую, чавкающую и ненасытную.

Верховный Лидер призвал своих генералов домой, чтобы отпраздновать великую победу. Вся столица вышла встречать генерала Горрука, во дворце Императора состоялось торжественное награждение особо отличившихся ге-

роев военной кампании. Флаги и боевые знамена украшали приемный зал Императора Джука Первого.

— Ха-ха-ха, эта старая жаба Барблус считал, что мы будем давить на него со стороны высот Рууе, — злорадствовал Горрук. — Он и представить себе не мог, что будет атакован с запада. Пенк — достойный приз. Этой зимой мои армии отъедятся. Пусть знать завидует! А все из-за тупости этого выжившего из ума маршала. Да, знать уже ни на что не способна, — Горрук с плохо скрытым презрением посмотрел на Эт Каласса.

— Великая победа, генерал Горрук, — объявил Джук. — Ваши армии превзошли самих себя. Да, славная победа.

— Мы салютуем вам, генерал! — воскликнул Эт Каласс, голос его звенел притворным восторгом, но лицо оставалось угрюмым, что никак не соответствовало торжественности момента. Министр подал знак, и к подиуму, к ногам Джука, подскочил лакей, провозгласивший здравицу. Весь двор и присутствующие граждане горячо поддержали — по залу прокатились громогласные приветственные крики.

Горрук упивался этим торжеством, наслаждался славой, на впалых щеках играл румянец. Однако что-то его беспокоило и, проанализировав возможные причины возникшего неясного чувства, он снова повернулся к своему тайному сопернику. Крики уже стихли, гости снова вели себя чинно, как и подобало по протоколу.

— Генерал Горрук, каковы ваши дальнейшие планы? — поинтересовался Эт Каласс.

Горрук нахмурился.

— А вот это военная тайна, — саркастически ответил он. — Хватит вопросов! — генерал повернулся и поклонился Джуку: — О Высочайший, позвольте мне удалиться. Мое присутствие необходимо фронту. Война еще не закончена.

— И поэтому вы должны возвратиться, генерал, — недовольно прогремел Верховный Лидер. Горруку показалось, что за время его отсутствия тот еще больше располнел и стал очень тучным, его порочность и потакание своим слабостям уже никого не удивляли. Беспутный образ жизни сказывался на всем его облике, но хитрость и злоба не исчезли и по-прежнему выглядывали из-под полуопущенных век.

— Да, к своим обязанностям. Мои армии в бою, и я должен быть вместе с ними, — ответил Горрук, скрывая отвращение. Подумать только — когда-то этот одиозный правитель очистил Север от скверны. Говорят, что власть разлагает. Горрук был уверен, что только — слабых.

Джук кивнул, и генерал прошествовал из зала под приветственные возгласы собравшихся.

— ... по крайне неотложному делу, — помощник не успел еще договорить, как генерал Эт Ралфкра, начальник общественной безопасности, вошел в приемную Министра внутренних дел. Эт Каласс не сомневался в

том, что собирается ему сообщить посетитель, но ошибся.

— Его там не оказалось! — мрачно произнес Эт Ралфкра.

— Что? — Эт Каласс почувствовал, как у него пересохло в горле, и вместо крика вырвался только хрип. Ведь общепризнанно, что первая попытка покушения всегда самая верная.

— Три независимых источника сообщили о прибытии Горрука в штаб-квартиру фронта. Ему известно о покушении, для расследования создана специальная группа.

Эт Каласс тяжело отошел от стола и опустился в кресло, повесив голову. Мысли путались.

— Что будем делать? — спросил Эт Ралфкра.

— Продолжать начатое, — ответил министр после некоторой паузы. — Наше положение в правительстве весьма деликатно, но его устранение нанесет роковой удар по всем планам. Удвойте персональную охрану и постарайтесь заблокировать расследование Горрука. Соблюдайте осторожность — за нами могут наблюдать.

— Как это скажется на планах Эт Барблуса? Что мы ему скажем?

— Планы не изменятся. Он должен идти дальше, — ответил Эт Каласс. — Нам не удалось уничтожить Горрука, но уверен, что мы его отвлекли, а это тоже служит нашим целям, хотя и в меньшей степени.

— Я дам ему знать, — сказал начальник милиции, однако не ушел, а продолжал нере-

шительно топтаться у стола. Заметив беспокойство генерала, министр привстал в кресле.

— Что еще, друг мой? Вы чем-то встревожены?

— Новости отрывочные, но его состояние вполне стабилизировалось.

— Эт Авиан? С ним что-то случилось? — перебил его внезапно побледневший Эт Каласс.

— Пожалуйста, успокойтесь! Позвольте мне закончить. Эт Авиан жив и вернется на Крион с тем кораблем, который вы направили на Генеллан, но он серьезно ранен дикими животными — сломано плечо, порваны мышцы и сухожилия, однако жизни это не грозит.

Министр немного успокоился, откинулся на спинку кресла и покачал головой — в последнее время на его долю выпало слишком много испытаний. Эт Авиан должен остаться в живых, его время уже наступило.

— И еще новости, — сообщил Эт Ралфкра.

— Ну? Хорошие или плохие? Плохих я слышал уже достаточно, генерал. Порадуйте меня чем-нибудь.

— Я не знаю, куда их отнести. Решайте сами — Эт Авиан установил контакт!

Долина Пенк получила свое название от озер, примыкавших к ней с юга, имела форму полумесяца и тянулась на несколько десятков километров. Армии Горрука без осложнений вошли в ее узкое горло, но выход дался тяжелее: отступающие защитники Юга сумели-таки перегруппироваться, организовать оборону и

даже контратаковать, хотя это стоило им крупных потерь.

Четыре озера, расположенные на высоком краю долины, образовались в незапамятные времена, когда там построили огромные дамбы. Древние крионские инженеры гордились своими творениями, величественными резервуарами с грубо обработанными каменными мостами и кедровыми аллеями. Третья природная долина усилиями тех же, давно забытых предков превратилась в несколько глубоких водоемов, каждый из которых возвышался над предыдущим. Сложная система туннелей и акведуков снабжала чистой горной водой даже отдаленные области. Пенк издавна считался символом богатой и обильной жизни.

В штабе Горрука царило оживление, сам генерал расхаживал из угла в угол, обдумывая следующий этап наступления.

— Генерал, наши армии вышли к первой дамбе, — доложил адъютант.

— Хорошо, — с отсутствующим видом кивнул Горрук. Адъютант подивился этому, но промолчал.

Генерала пытались убить уже не раз, он знал, кто стоит за неудачным покушением — Эт Каласс. Эта мысль приводила его в ярость. Горрук отошел к дисплею, показывающему расположение войск в данный момент: на всех фронтах перевес, поступило даже сообщение, что Эт Барблус готовится к отступлению с равнин за массивом Рууе. Вполне возможно, случится и такое: войска Горрука без боев достигнут центральных областей. А потом кто их остановит?

В командный центр вбежал курьер и передал пакет адъютанту Горрука. Тот спешно пробежал депешу глазами и подошел к генералу, на его лице отразился ужас. Курьер поспешно ретировался.

— Генерал, только что получены вполне надежные данные о том, что противник заминировал дамбы, — дрожащим голосом доложил он и отступил на шаг.

Хоботок носа Горрука дернулся: «Невероятно! Взорвать дамбы! Непостижимо! Невозможно! Генералы Юга не могли решиться на такое, это не по правилам». Правила? Только тут до него дошло — война не знает правил. Разве сам он руководствовался ими? Да, нужно признать — противник ответил гениальным ходом. Горрук почувствовал, что его уважение к старику Эт Барблусу значительно возросло. Его, Горрука, перехитрили.

Первые взрывы потрясли верхнюю долину, в образовавшиеся бреши хлынули потоки воды; следом рванули мастерски заложенные заряды второй плотины, соседствовавшей с верхней дамбой, — вековые, поросшие мхом сооружения не выдержали, и многотонная ревущая масса воды двух резервуаров устремилась вниз, к третьему препятствию. Здесь тоже загремели взрывы. Последняя плотина, самая большая, но и самая древняя из всех, оказалась сокрушенной в считанные секунды. Результат превзошел все ожидания: грохот воды заглушил крики и стоны, даже сами взрывы; с

мощью, не уступающей силе ядерной бомбы, поток сметал абсолютно все: солдат, броневики, танки, строения, деревья, стада домашних животных — все это оказалось не более чем щепками, игрушками разбушевавшейся стихии. Эт Барблус наблюдал величественное зрелище с безопасного моста. Враг остановлен, может быть, даже сметен, но какой ценой! Он уничтожил долину, источник богатства его страны, дамбы, гордость многих поколений южан, своих солдат, отчаянно сражавшихся с неприятелем. Маршал замер от горя и печали. Для него время остановилось — трагедия случившегося останется с ним до конца. Война — мерзость.

Передовые батальоны Северной армии бросились назад, породив цепную реакцию паники. Взрывы, донесшиеся со стороны плотин, усилили ее, доведя до состояния полного неповиновения. Охваченные ужасом части, молниеносно превратившиеся в обезумевшие толпы, уже не поддавались управлению. Кричали птицы, ошалело носясь в воздухе. Гигантская волна ворвалась в долину, раскатилась по ней и, слегка сбавив скорость, устремилась к узкой горловине; другая, звуковая, мчалась впереди, как вестница грядущего потопа, поднимая тучи желто-серой пыли.

Обреченные солдаты бросали оружие и беспомощно карабкались вверх по крутым скалам, цепляясь друг за друга, но ничто уже не могло спасти их — поток настигал и уносил с собой всех, мертвых и еще живых, офицеров и солдат, знатных и простых, объединенных одной судьбой, одной могилой.

Когда, наконец, грохочущие воды достигли

реки Пенк и влились в ее берега, мирная зеленая долина оказалась полностью преображенной. Чистый, хрустальный ручей, радовавший сердце и глаз, стал огромной грязно-коричневой густой рекой, а сам идиллически-пасторальный пейзаж больше напоминал сюрреалистический кошмар: с голых скал стекали потоки грязи. Плодородный слой почвы, дававший жизнь многим десяткам тысяч крионцев, исчез, унесенный водой. Мусор, трупы животных, искореженные остовы машин и тела солдат — вот и все, что осталось здесь, кроме камней. Со всех сторон слетались птицы — их манила падаль.

ГЛАВА 32. ХАДСОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Медленно тянулись недели: молодые листочки сменились пышными крепкими листьями — наступило лето. Днем и ночью люди прислушивались, не загудит ли вдалеке самолет, но напрасно — небо оставалось пустынным. А вот Доусон родила. Здоровенький черноволосый малыш с голубыми глазами получил имя Адам. Шэннон гордился сыном, да и собой.

— Лейтенант, — сержант, прищурившись, посмотрел на восток. — После того, как мы закончили дом, я бы хотел соорудить что-нибудь для Нэнси и мальчика, если вы не против.

— И для себя тоже? — ответила Буккари, не спуская глаз с Макартура, который как раз укладывал бревно. Рядом с важным видом прыгали обитатели скал, оказывая посильную помощь. Рука женщины поддерживалась ремнем. После того, как они похоронили Джонса и пришельца, Макартур вправил ей плечо и при этом обнял так нежно, что она даже всплакнула.

— И для себя тоже? — повторила она, обращившись к сержанту.

Шэннон потупился.

— Да, тоже, — ответил он.

— Конечно, сержант, какие могут быть возражения? — ничего другого Буккари ответить не могла. Группа понемногу раскалывалась, но вряд ли это к худшему. Возникали другие приоритеты, которые выходили на первый план, заслоняя групповую общность. Вот и семья появилась.

— Но хорошо бы построить жилище и для Татума с Голдберга, — заметила она.

— И еще для Ли и Фенстермахера, — добавил Шэннон. — А как насчет вас? Когда женщины расселятся, вам тоже понадобится местечко, а?

Буккари резко повернулась и взглянула прямо на бородатого сержанта — простодушное, честное лицо озабоченного отца. Его выражение не изменилось, но она на секунду замешкалась. Мысли устремились к Макартуру, его близость только усиливала прилив эмоций и ощущений, которые уже давно пробивались из глубин души и тела.

— Мы с Ли пока еще поживем вместе, сержант, — торопливо ответила она. — Лесли ничего не говорила о том, что собирается переходить из палатки.

— Ли беременна, лейтенант.

Она недоверчиво уставилась на него и покачала головой.

— Не может быть.

— Нэнси так говорит, — тихо сказал Шэннон.

Буккари не знала, что ответить. Впрочем, это уже и не имело значения — в небе послышался рокот моторов, заставивший позабыть обо всем остальном.

Эт Силмарн облетел озеро. Хадсон указал ему на бухту, и пилот кивнул. Ему было не по себе. Геометрический рисунок сооружения прояснился; по поляне, как встревоженные муравьи, прыгали люди.

Крионец направил самолет к травянистому склону. Ветер заметно усилился, и машину покачивало, а вместе с ней и ее пассажиров, но все же Эт Силмарну удалось проскочить над верхушками деревьев и опуститься на холм. Короткая пробежка и остановка. Крионцы приступили к работе, двигались они быстро и слаженно. Первым делом заправили подкрылочные баки. Четыре бочки с топливом откатили в тень под деревья — на будущее. Пока они трудились, Хадсон поспешил вниз по склону к лагерю.

— Хаасон! Хаасон! Ссстой! — окликнула его Катеос. Женщина-лингвист добилась больших успехов в освоении языка землян. Хадсон обернулся. Катеос трусила за ним, чуть сзади Эт Силмарн и Доворнобб. Другие члены экспедиции остались у самолета.

— Хаасон! Подождии мееняа, — в голосе крионки, усиленном шлемофоном, слышалось беспокойство. Тяжелые шаги пришельцев сотрясали землю. Хадсон потянул носом воздух — боятся.

— Мыы идеом са тообоой! — взволнованно умоляла Катеос. — Хаасон! Беереггиис меедвеедей!

Хадсон понимал ее, но ему приходилось постоянно сосредотачиваться на фонетике.

— Да! Здесь опасно. Следуйте за мной, —

он подошел к Доворноббу и показал на лазерный бластер. — Будь готов! — и сопровождал свои слова пантомимой, по его мнению, понятной гиганту. Доворнобб несколько раз кивнул и дотронулся до оружия, подвешенного на специальной перевязи у груди. Хадсон повернулся и побежал дальше. Крионцы легко поспевали за ним, ведь они передвигались не на двух ногах.

Недалеко от лагеря их встретила Буккари: она стояла возле дерева в своем старом, но чистом, аккуратно заштопанном свитере, сохранившем еще на полинявшей шерсти выцветшие пятна. Он обратил внимание на подвешенную руку и подивился тому, что Буккари пришла одна, но тут же заметил Шэннона и остальных, спрятавшихся в кустах. Сделав крионцам знак подождать, Хадсон проделал оставшуюся часть пути один. К его удивлению, Буккари обняла его одной рукой. Уже не сдерживая нахлынувших эмоций, Хадсон прижался к ней. Наконец, она отступила и взглянула на него, широко улыбаясь, хотя в глазах стояли слезы. Он тоже вытер глаза.

— О, Нэш, я так волновалась. Ты о'кей? Выглядишь хорошо!

— Все в порядке, — выпалил он. — Как твоя рука?

— Побаливает, но уже меньше. Даже могу поднять локоть, — она поднялась на цыпочки, заглядывая ему через плечо.

— Ну что? Мы — друзья?

— О, Шал, столько надо рассказать, не знаю, с чего и начать. Обращались со мной хорошо, но, за исключением Катеос, общались мало и часто оставляли одного. Мне кажется,

они напуганы и подозрительны, но при всем этом дружелюбны.

Он обернулся к крионцам и махнул им рукой.

— Ты только послушай, как разговаривает Катеос! Поразительно. Сама сможешь с ней беседовать. Это ее специальность — языки. Умна! Нет, правда, умна! Хотя Доворнобб тоже неплохой парень.

— Так это женщина! И ты сказал... Доорноб? — переспросила Буккари.

— Да, Доворнобб, я не шучу, — подтвердил Хадсон. — Так его зовут.

— Ну и что теперь? — спросила она и посмотрела на запад. Солнце уже садилось. — Поздновато.

— Да, — кивнул он. — Они планируют провести здесь несколько дней. Катеос считает, что самое главное — научиться общаться. Она хочет разговаривать. Больше я ничего из них не вытянул. Возле самолета осталось еще двое. Они придут попозже.

Пришельцы терпеливо ждали, бросая на людей тревожные взгляды. Необычный едкий запах наплывал волнами. Буккари принюхалась.

— Черт, я и забыла, какие они большие, — она отступила чуть в сторону и поклонилась, держа руки перед собой ладонями вверх на манер обитателей скал. Крионцы сделали то же самое. Тот, которого звали Доворнобб, забросил оружие за спину и выпрямился. Хадсон по очереди представил всех троих.

— Добро пожаловать, — медленно произнесла Буккари.

— Баалагодаарю ваас, Шаал. Мы ваам ма-

ногим обязаны, — Катеос выступила вперед и протянула руку. Буккари вопросительно посмотрела на Хадсона.

— Я их научил рукопожатию. И они хотят побольше узнать о тебе, только не могут произнести фамилию. Тебя считают героем. Но «Шал» они произносят хорошо.

— Да, — ее маленькая ладонь исчезла в громадной руке Доворнобба. Пожатие оказалось на удивление мягким, осторожным. — Ну, пошли в лагерь. Поговорить лучше там.

— Даа, поговорить, — сказала Катеос. — Мы поговорим, Шаал.

Буккари улыбнулась гостье и повернулась в сторону лагеря. По ее сигналу из-за деревьев выступили Шэннон и его группа. Эт Силмарн что-то сказал в микрофон, и крионцы, опустившись на четвереньки, последовали за ней.

— И как прошел полет? — поинтересовалась Буккари.

— Утомительно! Целых два дня. Знаешь, меня все время трясло, правда, вместе с самолетом.

— Хаасон хорроший пиилот, — произнесла Катеос.

— Действительно, хорошо говорит, — похвалила Буккари. Крионка гордо улыбнулась.

— И быстро прогрессирует, — добавил Хадсон. — Действительно, быстро.

— А что с раненым? — поинтересовалась лейтенант.

— Кстати, они называют себя крионцами, — подсказал Хадсон. — В общем-то, он поправляется, то есть поправлялся, когда его забрали с планеты и увезли домой. Когда я туда прилетел, на станции как раз находился орбиталь-

ный аппарат. Как выяснилось позже, это было не совпадение. Они специально послали шаттл, чтобы забрать Эт Авиана, так зовут раненого крионца. Догадываешься, почему, Шал? Он из знатного рода. Так что ты спасла очень важную персону. Примерно неделю его лечили на станции, проводили переливание крови. Как только ему стало лучше и состояние стабилизировалось, его сразу же отправили на Крион.

— Крион? — удивилась Буккари. — Это их название Р-К-2?

— Точно. А эту планету они называют Генеллан.

— Генеллан! Мне нравится! Не то, что Р-К-3, — Буккари кивнула.

— Планета Генеллан, — улыбнулась Катеос.

— Нэш, а почему они носят шлемы? — улыбаясь в ответ, спросила лейтенант.

— Здесь недостаточно плотный воздух, — пояснил Хадсон. — На спине компрессор и система обогрева. Для них здесь очень холодно, просто невыносимо. Даже южная база считается проклятым местом, и ты знаешь, Шал, это кое-что — выходит на тропический океан. Прекрасно! Я гулял по песчаному пляжу, которому не видно конца, и купался в океане. Если существует рай, то это место должно быть где-то рядом с ним.

— Даже без компании?

— За пропуск в рай надо платить?

Звук мотора поверг обитателей скал в панику. Поспешно поднявшись в воздух, они

устремилась домой. Воины летели высоко, но их зоркие глаза разглядели внизу под деревьями длинноногих и других... людей-медведей. Браан внимательно наблюдал за тем, что они делают. Вождь свистнул и нырнул к деревьям. Остальные последовали за ним, за исключением двух охотников, которые остались в небе, продолжая вести наблюдение. Браан и его воины опустились в небольшой рощице чуть пониже лагеря длинноногих.

— Они не хотят говорить об этом, — сказал Хадсон. — Они не желают говорить, почему атаковали наш флот или о том, что произойдет дальше. А вот и плохая новость — на их планете идет война.

— Ммы не мошемм сакасать, штоо салуучиитса, кохдаа воина сааконнитса, — сказала Катеос.

Буккари начинала понемногу привыкать к речи крионки; она даже распознала в ее голосе нотки недовольства, грусти. Пришельцы сидели вокруг костра, наслаждаясь теплом, однако ни одно движение хозяев не проходило мимо их внимания. На краю лужайки установили огромную палатку из толстой прорезиненной ткани. Крионцы предполагали остаться на три ночи. У них было две цели: доставить назад Хадсона и узнать получше язык, а также договориться о расписании будущих обменов.

— Шшто ммене сообщить савоим лииддеррам? — спросила Катеос.

— Сообщите им, что мы пришли с миром

и не хотим войны. Здесь мы оказались не по своей вине. Как отнесется ваше правительство к нашему присутствию?

Вопрос, казалось, смутил Катеос. Разговор шел мучительно медленно. Пока что Буккари поняла только одно: старший здесь Эт Силмарн.

Она переиначила вопрос:

— Можно ли нам остаться на Генеллане?

Катеос повернулась к Эт Силмарну и заговорила на своем тягучем мелодичном языке. Они обменивались репликами очень долго для столь короткого вопроса. Катеос кивнула.

— Воинна наа Кррионне доолшнаа саак-кончитса. Ваамм нушшино поддошдаат.

— Но сколько? Сколько еще дней? — спросил Хадсон.

— Никтто нее снаает, — ответила крионка. — Мошшет, и не саккончитса.

— Когда-нибудь все заканчивается. Вы хотите, чтобы мы остались на Генеллане? — в отчаянии спросила Буккари. — Вы хотите, чтобы мы остались здесь? — она обвела рукой всех сидящих у костра.

Катеос кивнула и перевела. Эт Силмарн сказал всего два слова.

— Даа, — с чувством произнесла крионка. — Мы у ваас уучимса.

— Что... — начала было Буккари, но собеседница прервала ее.

— Шал. Ддля кррионнсев сдесь оочень ххоолодно. Оочень. Солнсе село. Оттлошшим ддо ууттра. Ттак, дда, Хаасон?

Она посмотрела на Хадсона и улыбнулась.

— Ттрудно говоррить, — крионка дрожала.

— Да, конечно. Мы поговорим утром, —

ответила Буккари и поднялась. Крионцы тоже быстро встали во весь свой гигантский рост и без дальнейших церемоний ретировались в свою палатку. Один из гостей остался у входа с лазером в руках — часовой. Он был явно напуган — глаза его перебежали с одного предмета на другой, малейший шорох заставлял вздрагивать. А еще вдобавок холод. Бедняга сильно дрожал, но, несмотря на вежливые просьбы Хадсона, отказался остаться у огня.

Вскоре после того, как крионцы удалились, расплакался малыш Адам. Доусон вылезла вместе с орущим ребенком из палатки и присоединилась к сидящему у костра Шэннону. Часовой внимательно наблюдал за происходящим. Доусон укутала сына мехами и принялась баюкать. Малыш успокоился. Часовой просунул голову в палатку и что-то сказал. Через несколько минут все крионцы появились у огня и глуповато уставились на Доусон. Буккари поднялась им навстречу.

— В чем дело, Катеос? Вы хотите что-то спросить?

Катеос присела рядом с ней и умоляюще протянула руку.

— Шал, у ваас ессть детти? — тихо спросила она. — Мы ххоттим увиидеть. Поошалсста!

Буккари повернулась к своим. Они с любопытством слушали разговор.

— Нэнси, они хотят увидеть Адама, — Доусон немного испугалась.

— Нэнси, — сказал Хадсон, — если ты не хочешь, то, конечно, не надо.

Нэнси кивнула, поправила накидку и положила ребенка на колени. Адам оказался уку-

тан надежно: одеяла, обрывки одежды и еще что-то, трудно определимое. Мама, заметно нервничая, развернула тряпки, укрыв малыша от ветра толстой шкурой. Крионцы зашевелились, возбужденно обмениваясь впечатлениями. Доусон, бережно держа новорожденного, встала и осторожно приблизилась к первому ряду сидящих крионцев. Позади Доусон встал Шэннон.

— Так в чем дело, лейтенант? — спросила Доусон.

— Не знаю, — ответила Буккари. — Нэнси, стой здесь. Нэш, подводи их по одному.

Доусон отошла поближе к огню. Первой подошла Катеос. В неровном свете пламени можно было рассмотреть круглое розовое личико ребенка. Малыш не спал, в голубых глазах прыгали искры пламени. Крохотные, влажные после недавнего кормления губки сложились в капризную гримасу. Адам лежал тихо, сытый и согретый меховой накидкой. Катеос, не мигая, смотрела на него. По лицу ее текли слезы, капая на визор шлема. Шэннон беспокойно взглянул на Доусон, но слезы крионки, вероятно, рассеяли ее опасения.

— Что ты видишь? — спросил Крааг.

— Осматривают младенца длинноногих, — ответил Браан. — Очень любопытно.

Пользуясь темнотой, обитатели скал приблизились к лагерю и теперь с интересом наблюдали за происходящим у костра.

— Длинноногие доверяют людям-медве-

дям, — сказал Крааг. — Может быть, предания неверны, и они не несут зло?

— Может быть, — ответил Браан. — Возможно, люди-медведи убивают только обитателей скал.

— А не получится ли так, что длинноногие заключили союз с людьми-медведями против нас?

Браан поступил грубо: не ответил по праву вождя. Сейчас ему требовалось другое: привлечь внимание длинноногой-которая-командует.

Макартур знал, что обитатели скал не любят крионцев и относятся к ним с подозрением, а потому, заметив краем глаза вождя охотников и его постоянного спутника, удивился. Он вскочил на ноги и уже собирался крикнуть, но что-то его остановило. Охотники подавали сигнал опасности. Крионцы заметили резкое движение Макартура и теперь настороженно смотрели на него. Капрал отвел взгляд от прячущихся воинов, потянулся и зевнул, пытаясь сгладить эффект, который произвели на гигантов его необдуманные действия.

— Ладно, — громко произнес он. — Я пройду к берегу, посмотрю снасти. Лейтенант, Сарж! Если у вас будет свободная минутка, помогите мне, — ничего больше не объясняя, он неспешно направился вниз по склону, оставив недоумевающих товарищей. Крионцы, увлеченные ребенком — Голдберг тоже решила показать им свою дочку, — потеряли к нему всякий интерес.

Макартура на берегу уже поджидали охотники. Завидев капрала, они знаками попросили его следовать за ними. Пройдя узкий полуостров, все трое оказались под укрытием скалистого выступа. Вождь подал сигнал, мрачно прозвучавший в тишине ночи, и из сумерек выступили фигуры еще нескольких обитателей скал.

Через несколько минут подошли Буккари и Шэннон. В неясном свете луны лейтенант привычным поклоном поприветствовала гостей. Вождь столь же торжественно ответил ей и передал послание старейшин. Читать было невозможно — слишком темно, — и Буккари положила его в карман.

— Вождь не доверяет нашим новым друзьям, — сказала она.

— Крионцы — это те самые великаны из мифов, о которых нам рассказывали, — пояснил Макартур. — Обитатели скал боятся их.

— И я тоже, — добавил Шэннон.

— Если мифы говорят правду, то это вполне понятно, — задумчиво сказала Буккари.

— То, что они напали на нас в космосе, не очень-то хорошее начало для знакомства, — хмуро заметил сержант. — И если бы я...

Едва слышный свист привлек внимание вождя, и он резко обернулся. Потом что-то объяснил Макартуру жестами. Они оба научились хорошо понимать друг друга, так что теперь трудно было сказать, кто из них учитель, а кто ученик.

— Кто-то идет. Один из наших, — перевел Макартур. Из кустов послышался шорох, шаги — Хадсон.

— Ну, что? Отправились наши друзья

спать? — спросила Буккари. — Ты проверил?

— Да, они все в палатке, — ответил Хадсон.

— У меня такое впечатление, что они никогда не видели детей, — удивленно произнес Шэннон.

— Возможно, так оно и есть, — отозвался Хадсон. — Катеос говорила что-то насчет того, что у них забирают младенцев, но я не совсем понял. Они очень уж эмоциональные. Что вообще происходит?

— Вождь принес письмо, — сообщила Буккари. — Надо его прочитать, только вот света маловато. По-моему, это предупреждение, хотя что мы можем сделать?

— Обитатели скал знают нечто такое, чего не знаем мы, — сказал Макартур.

— Но мы пока знакомы только с учеными, — сказала Буккари. — А что случится, когда вмешаются политики? Мы ведь ничего не знаем о положении дел на их планете.

— Лейтенант, а может, это те, кто убил наших на Шауле? — спросил Шэннон.

— Галактика велика, сержант. Я бы сказала, что такое возможно, но кто знает? — Буккари нахмурилась. — Что-то в них есть... непонятное. Ну ладно, хватит. Нэш, предупреди всех, чтобы в присутствии крионцев не упоминали обитателей скал. Это наш секрет. Нам надо побольше узнать о них и не давать повода к ссоре. И при этом поменьше болтать. Три дня дипломатии, так что будьте осторожны.

ГЛАВА 33. ГЕНЕЛЛАНСКИЙ ЛЕС

Наступило лето. Поселок рос на глазах, но Буккари оставалась недовольной. Шэннон понял, что проштрафился, еще до того, как она заговорила.

— Да где же они, черт возьми? — буркнула лейтенант, отбрасывая с лица волосы. За ней, как собака, не отходя ни на шаг, семенил Ящерица со стилем в руке. Еще двое обитателей скал — камнерезы — трудились над фундаментом домика. Услышав раздраженный голос Буккари, они вздрогнули и обеспокоенно уставились на нее. Когда в лагере находились крионцы, обитатели скал куда-то исчезли, но теперь, после их ухода, снова появились здесь и, как обычно, сразу же занялись делом, не отвлекаясь ни на что другое.

Шэннон отвернулся, не осмеливаясь смотреть женщине в глаза.

— Макартур думает, что может подобрать к овцебыкам. Нам нужны шкуры. Я разрешил ему и Татуму пойти к реке и посмотреть, что там можно добыть. Вся ответственность — на мне.

— А Честен?

— Да, и Честен увязался с ними.

— Ну, конечно, Сарж, — раздраженно бросила Буккари. — Ты всегда только и делаешь, что берешь на себя ответственность. А я хочу, чтобы мы побыстрее закончили с этим домиком и поставили забор. А теперь смотри: Хадсон и Уилсон ушли на юг, троих ты отпустил... Кто остался? Ты об этом подумал?

— Да, лейтенант, но мы постараемся их заменить. Вы же понимаете, что шкуры нам тоже нужны, а стрелять оленей Мак больше не хочет. Татум говорит, что их и так уже мало осталось. Если уничтожить местное стадо, это в конце концов почувствуем и мы.

— О'кей, сержант, — вздохнула она и круто повернулась. Сопровождавший ее мастер в точности повторил ее движение.

— Ладно, посмотрим, что из этого получится. Будем надеяться, что они не протянут ноги от запаха.

— Все будет о'кей, лейтенант, — заверил ее Шэннон.

Буккари направилась в сторону посадок, а сержант мрачно посмотрел ей вслед и почесал затылок.

— Ух, Сарж, — О'Тул даже присвистнул. — Я уж думал, что она из тебя отбивную сделает.

Пети и Гордон, стоявшие у груды камней, только что доставленных от карьера, рассмеялись.

— Ну-ка, вы, пустозвоны, займитесь делом, а не зады просиживайте, — зарычал сержант. — Шевелитесь! Слышали, что сказала лейтенант?

Матросы ползли по невысокому гребню, поглядывая на бесчисленные стада, пасущиеся внизу. Кучка газелей, почуяв незнакомый запах, метнулась в сторону, а огромный орел, лениво раскинув могучие крылья, продолжал парить над равниной, дожидаясь, пока не появится что-нибудь повкуснее. Позади лежала долина реки. К западу, как обычно, курили свои трубки вулканы-близнецы, еще дальше высились скалы, а уже за ними поднимались заснеженные горы, увенчанные искрящейся снежной короной. Прекрасная земля! Но какие запахи!

— Как тебе нравится, Мак? — воскликнул Татум, зажимая нос платком. — Ты еще жив?

Прямо под ними колыхалось красновато-коричневое море овцебычьих спин с редкими островками более светлой, золотисто-желтой окраски. Правда, запах у этого моря...

Сверху слышался свист, и Макартур поднял голову — высоко над ними пролетели вождь и Тонто, последнее время частенько сопровождавшие Макартура в охотничьих экспедициях. Он помахал им рукой и скользнул взглядом по небосклону. Орел исчез. Итак, какие варианты: прежде всего, подобраться поближе, так как промахиваться недопустимо, у них мало пуль, поэтому стрелять надо наверняка.

— Оставайся здесь, — Макартур поднялся. — А я попробую подойти к ним, чтобы не промахнуться.

— Что? — завопил Татум. — Еще ближе? Да эта вонь убьет нас.

— Я же сказал, ты останешься здесь! Я пойду один. Если что не так, вернусь.

— Да тут все не так, — простонал Татум.

— Его надо убить, чтобы он замолчал, — сказал Честен. — Осторожней, Мак!

Макартур усмехнулся и проверил, заряжена ли винтовка.

— Тебе придется чертовски близко подползать к этим бычкам, чтобы свалить хотя бы одного, — заметил Татум.

— Ну, тогда я пойду, — пробормотал Макартур. Не спеша, осторожно, он пополз. Запах усиливался, в висках стучала кровь, слизистая носа горела, из глаз текли слезы, и он уже начинал волноваться, сможет ли из-за них прицелиться. Быки пока что не обращали на него внимания. Когда до них оставалось около трехсот метров, несколько животных вскинули головы и посмотрели в его направлении. Нет, еще далековато. После первого же выстрела стадо бросится в бегство, и второго шанса ему уже не представится.

Этот запах! Он сводил Макарута с ума: его тошнило, кружилась голова, пришлось остановиться, опуститься на колено и сунуть в рот палец. Когда в желудке ничего не осталось, капрал продолжал путь, шатаясь, как пьяный. До него уже доносились мычание и рев животных. Ближайшие овцебыки уже учуяли незнакомый запах и попытались отойти, но плотность стада была столь велика, что сделать это оказалось невозможно. А что, если вся эта лавина мускулов и копыт устремится на него? Сможет ли он удрать? Краешком гла-

за Макартур заметил, что вождь и Тонто опустились над тундрой и направляются к нему. Воины приземлились совсем рядом и поскакали к землянину, издавая тревожные крики и настойчиво пытаясь показать ему что-то знаками. Макартур тупо смотрел на них, даже не делая попыток понять. В горле пылал огонь. С превеликим трудом он вспомнил, для чего здесь оказался, и шагнул вперед, но тут же споткнулся и упал. Мускулы ног одеревенели, суставы застыли. Воины вразвалку подошли к нему и легли рядом. Вождь знаками показал, что вставать нельзя. Впрочем, если бы Макартур и захотел подняться, то не смог бы — силы оставили его.

Так они и лежали втроем, скрытые высокой травой. Что-то случилось. Капрал потрянул головой — туман, окутывавший его мозг, чуточку рассеялся. Он сфокусировал зрение на стаде. Боже, куда же его занесло! Забраться так далеко! Стадо переместилось, и неудачливый охотник оказался совсем близко от него. С трех сторон мирно щипали травку могучие овцебыки. Макартур оглянулся — сзади еще оставался свободный проход, но через пару минут кольцо окружения сомкнется. Он глуповато посмотрел на обитателей скал и безвольно махнул рукой в знак благодарности. Улыбка не получилась, зато удалось подняться. Крылатые существа подскочили с двух сторон, внимательно следя за его состоянием.

Макартуру хотелось спать, потерять сознание, умереть — все, что угодно, лишь бы не чувствовать себя таким слабым и несчастным. Вождь назойливо подпирал его под пле-

чо, и капрал нехотя открыл глаза, безуспешно пытаясь рассердиться. Совсем рядом он обнаружил горящие черные глаза, напряженно вглядывающиеся в него, физиономию, украшенную шрамами, — маленький охотник что-то жевал, его дыхание было свежим, приятным, особенно потому, что устраняло зловонный запах животных, пропитавший все вокруг и самого Макартура на ближайшую сотню лет. Какой-то островок сознания, еще не отравленный этой мускусной вонью, боролся с охватившим землянина безразличием и безволием, но эффект яда уже распространился на всю нервную систему и парализовал слабые сигналы мозга — винтовка выпала из его рук, пальцы не слушались. Небо вдруг почему-то поменялось местами с землей, а он, конечно, не успел и, нелепо взмахнув руками и сделав шаг в пустоту, рухнул на бок. Его душа покинула тело: Макартур понимал это, потому что из всех органов чувств не отказало только зрение. Бренная оболочка напоминала о себе лишь свистом отравленных, изъеденных легких, и он был единственным звуком во всей вселенной, все остальное — тишина.

Овцебыки сжимали кольцо. Один бродил шагах в пятидесяти от Макартура, постепенно приближаясь к нему. Его вид пробудил в человеке какие-то смутные ассоциации, словно напоминая ему о чем-то. Интересно, какой у него может быть интерес к быку? Капрал даже поймал себя на том, что уловил игру слов. А вообще, что он здесь делает? И зачем что-то делать? На него снова накатила волна апатии,

слабости и безволия, неся с собой грусть и покой; последние островки сознания скрылись под этой волной, и он почувствовал, что падает в вечность, растворяясь в тихом колышавшемся безмолвии. Макартур впадал в кому, за которой уже маячила безноса...

Кто-то тряс его голову — жестоко и немилосердно. Испытывая легкую досаду, капрал приподнял веки и увидел перед собой уродливое лицо вождя. Рот обитателя скал беззвучно открылся, костлявая лапа проникла в жуткую зубастую пасть и вынула оттуда какой-то пожеванный комочек, напоминающий цветом шпинат, — жвачку, пропитанную слюной. Лишенный способности находить даже простейшие причинно-следственные связи, Макартур тупо наблюдал, как руки воина приблизились к его онемевшему рту. Сильные жилистые пальцы — теплые и мягкие на ощупь — раздвинули склеившиеся челюсти и положили темно-зеленый комок на язык. Вождь закрыл ему рот и сдавил щеки. Макарту захотелось уснуть, а еще лучше умереть.

Уже знакомый ему сладковатый и свежий запах возвращал к жизни его вкусовые рецепторы. Какое это оказалось ощущение: во рту как будто прогремел взрыв, и электрические импульсы сознания побежали по нервным окончаниям, пробуждая один орган за другим. Дернулись мускулы, крохотный участок мозга, получивший способность отдавать приказы, позаботился о работе челюстей, которые задвигались, выжимая из зеленой мякоти сок. Сладковатый вкус и запах хлынули по всем каналам, изгоняя мускусную вонь, яд, очищая

пути, пробуждая организм к жизни. Вождь дал ему чудесное возбуждающее средство — Макартур почувствовал себя бодрым, восприятие мира обострилось, как это бывает под воздействием наркотиков. Окружающий его пейзаж поражал насыщенностью красок, пульсировал жизнью. Его цель! Он вспомнил, зачем пришел сюда. Как же он мог забыть?

Вокруг паслись овцебыки — легкая добыча! Жаль, что у него так мало пуль. Макартур медленно повернулся и посмотрел на охотников. Обитатели скал стояли рядом, не сводя с него глаз. Лица их выражали озабоченность. Землянин открыл рот, вынул зеленую жвачку и передал вождю. Оба — человек и охотник — заговорщицки улыбнулись. Воин изобразил на пальцах знак — Макартур понял, что пора стрелять. Он подобрал винтовку, приставил к плечу и, слегка развернувшись, прицелился в шею ближайшего овцебыка — здорового, пасущегося метрах в тридцати от него. Движение человека привлекло внимание животного, бык поднял голову, маленькие глазки тревожно мигнули. Капрал и оба его спутника замерли, причем охотники не сводили глаз со ствола, ожидая чудо. Обитатели скал крепко зажали ушные отверстия и напряглись.

Макартур выстрелил. Бык покачнулся, сделал несколько неуверенных шагов и тяжело рухнул на землю, подняв облака пыли. Оправившись от шока, обитатели скал запрыгали на месте, оглашая воздух щебетом и свистом. Стадо ринулось в сторону от выстрела — земля дрогнула от ударов тысячи копыт слепой неукротимой силы. Бегство было просто паническое!

Макартур неукложе опустился на колени, руки и ноги дрожали, мышцы еще не совсем отошли от недавнего оцепенения. Спускаться вниз к упавшему животному он не решался: овцебыки разбегались по всем направлениям, но два неслись прямо на него, а за ними могла устремиться часть стада. Воины запрыгали, указывая руками — о, как грубо! — на обезумевших гигантов, готовясь в любой момент подняться в воздух.

Макартур снова поднял оружие, в прицеле прыгал вверх-вниз упрямо наклоненный лоб. Уже близко! Он нажал на спусковой крючок, и приклад больно толкнул плечо. Маленькое стадо в мгновение ока свернуло в сторону, словно состояло не из десятков животных, а являлось одним многоногим существом. Капрал выругался — надо же, истратил пулю впустую — и снова взял на мушку того же быка, уже раненного и отстававшего от стада. Бедняга остановился, его обтекли испуганные сородичи, он покачнулся, передние ноги подломились, по телу пробежала конвульсивная дрожь — овцебык дернулся и затих.

Спутники землянина, не отнимая рук от ушей, завопили от восторга — стадо уносилось прочь, стрелять не имело смысла. Две пули — две шкуры. Достаточно. Макартур жевал, не переставая. Комок во рту выделял сок подобно тому, как при ударе камня о камень вспыхивают искры. Он чувствовал себя, как заведенные часы, как сжатая стальная пружина. Все обострилось: глаза, казалось, обрели способность рассмотреть любую песчинку до самого горизонта, уши и нос стали слышать и разли-

чать звуки и запахи, отчетливые и разнообразные, существовавшие каждый в отдельности, определяя фауну и флору. Едкий мускусный запах, почти видимый — коричневый, темный, плотный, — уже потерял свою ядовитую силу, хотя и не стал приятным. Макартур чувствовал, как пахнет трава в тундре, ощущал аромат пороха, даже самих обитателей скал. Он удивился собственному острому обонянию, запаху машинного масла, которым была смазана винтовка. Но... что-то шло не так! Охотники свистели, свистели ему. Только зачем так громко, до рези в ушах?

Тучи! Над головой, как живое серое стадо, неслись тучи! Цвет их менялся. Они были похожи на прекрасных животных, спускающихся с небес. Протяни руку и дотронься. Что там дотронуться! Он мог подняться к ним, полететь вместе с ними. Что же происходит? Это же все нереально. Его разум пытался овладеть чувствами, подчинить ощущения, но как мог он теперь быть в чем-то уверен? С его телом творилось неладное, и с головой тоже. У него галлюцинации! Уж слишком все реально, живо, красочно: золотые кони в небе! С широкой крепкой грудью и шелковой гривой — летят над прерией, и хвосты теряются за горизонтом. Великолепно! Прекрасно! Вот же они!

Макартур боялся сделать малейшее движение. Он ощущал себя раздутым воздушным шаром, в любой момент готовым лопнуть. Вот так шпинат! Капрал перестал жевать. Где-то в глубине мозга билась, трепетала мысль о том, что жвачка вождя — причина его галлюцинаций. Он выплюнул ее — руки и ноги стали исчезать,

тело повисло, ничем не поддерживаемое, и... Макартур упал лицом в грязь, как подрубленное дерево. Беспомощный, с открытым ртом, из которого текла зеленоватая слюна, он смотрел, как золотые кони несутся по равнине прямо перед ним, сотрясая землю ударами копыт.

Чудо! Красота! Великолепие! Переполненный радостью, он все же перекатился на спину и уставился в небо. Там тоже царила красота.

— Все! — воскликнул Браппа. Напуганные стада толпились в отдалении, ветер сменился, и дышать стало легче. Браан взглянул на двух других длинноногих, Великана и Однорукого, которые, пьяно пошатываясь, брели вдалеке, придерживаясь, в основном верного, курса.

— Он выплюнул. И придет в себя. Давай снимем шкуры с быков.

Длинноногий лежал на земле, раскинув руки, глаза его блестели. Браан подобрал изжеванный комок и положил в кожаную сумку. Охотники вытащили ножи и занялись делом.

Браан не успел еще закончить, когда заметил, что длинноногий уже бредет к нему, обхватив голову руками. Его товарищи тоже хотели помочь, но вождь только отмахнулся.

— Длинноногий пришел в себя, — прокричал Браппа.

— Но голова у него еще поболит, — ответил Браан.

Буккари подсела поближе к костру; уже стемнело, а ей хотелось поскорее прочитать послание старейшин. На душе у нее было легко и спокойно, поэтому она и не слушала хрипловое бахвальство Макартура. Для них начиналась новая жизнь — поселок построен. Кроме того, прошел уже целый год с того дня, когда они высадились на планете. Не земной год, генелланский: четыреста дней, в каждом из которых по двадцать шесть часов.

— Я видел коней! Золотых коней! — заявил Макатур.

— Ты спятил, Мак, — сказал Фенстермахер. — Напился, как...

— Оставь его в покое, Уинфред, — вмешалась Доусон. — Не цепляйся к Маку, будь благодарен судьбе за то, что мы пережили на этой планете целый год. Не знаю только, как нам это удалось.

— Точно, Уинни, — добавила Ли. — С годовщиной вас всех.

Обитатели скал и люди расселись вокруг огня. Наступил вечер, солнце еще цеплялось за вершины гор, но небо уже потемнело. С ужином покончили быстро, костер продолжал весело постреливать, и никто не расходился — началось празднование. Шкуры и мясо, добытые Макартомуром, оказались как нельзя кстати. Сомнительный характер юбилея был забыт, и всех вдруг потянуло друг к другу. Честен и Татум снова и снова пересказывали приключения Макартура, которые с каждым туром об-

растали новыми подробностями. Сам капрал угостил зрителей целым спектаклем, включавшим в себя и пантомиму для обитателей скал, и декламацию для землян. Потом он пустился в пляс, подхватив не успевшего вырваться Тонто. Юный охотник весьма успешно спародировал танцы длинноногих, и вскоре уже все его сородичи повскакивали с мест и устроили языческое представление со свистом, щебетом и улюлюканьем. Окружив костер плотным кольцом, они лихо прыгали, неуклюже вскидывая ноги, под ритмичное скандирование, похлопывание и смех астронавтов.

Крылатые существа нередко составляли компанию людям у вечернего костра. Высокие мастера чувствовали себя вполне уверенно среди землян и даже предпочитали их общество обществу своих соплеменников-охотников. Для рабочих, помогавших в строительстве, специально поставили палатку рядом с лагерьем. Что касается охотников, то те оставались в скалах на лесистой стороне полуострова, поближе к острову и рыбе.

Итак, костер пылал, все плясали, отбрасывая скачущие тени на только что возведенные каменные стены большого дома, высящегося над лагерем и укрывающего огонь от постоянных северных ветров. Благодаря помощи и руководству мастеров камня, строительство шло успешно и близилось к завершению.

Новым соседям радовались не только каменистые. Стоило уйти холодам и прекратиться нескончаемым налетам всякого гнуса, как из земли пробились и живо потянулись вверх разнообразные растения, привлечшие самое при-

стальное внимание садовников, восхищенных как силой молодых побегов, так и их необычностью. Когда же Буккари подарила образцы семян фруктов и овощей, мастера пришли в такой восторг, словно получили ценнейшие алмазы мира. Они пали на колени перед женщиной, рассыпая благодарности.

Помимо помощи с урожаем, садовники проводили много времени с Ли, собирая целебные корни и красящие травы. Еще раньше они познакомили ее с темным сочным растением, строго предупредив о возможных нежелательных последствиях употребления. Оно оказалось медицинским наркотиком. Используя Ящерицу в качестве переводчика, садовники описали его основное назначение — сильное, но потенциально смертельное болеутоляющее. Случай с Макартуром убедительно продемонстрировал еще одну возможность применения плотных черных листьев.

Обессилев в танце, Макартур упал на землю, а щебечущие охотники радостно навалились на него. Тонто вскочил на грудь капрала и пронзительно свистнул. Неожиданно для всех землянин поднялся на ноги, прижав Тонто к груди. Потом он поставил юного охотника на землю и низко поклонился. Воины поклонились в ответ.

Макартур плюхнулся на чурбан, остальные танцоры запрыгали к своим местам, оживленно пересвистываясь.

— Так вы их не видели? — спросил Макартур уже, наверное, в двенадцатый раз после того, как вышел из ступора. — Они были прекрасны. Я их видел.

— Нет, Мак, мы были слишком далеко, — ответил Татум. — Я уж решил, что ты умер. А какая стояла вонь! Честен тоже пару раз отключился. Даже не представляю, как тебе удалось зайти так далеко и не потерять сознание. Мы думали, что ты точно отдал концы.

— Прекрасные кони, — тихо повторил Макартур. — Я видел их. Мне повезло.

— Что ж, по крайней мере, теперь мы знаем, как можно подобраться к ним, — сказал Честен. — Кстати, эта травка растет у реки. Я нарвал немного.

— Поосторожней с ней, — Макартур погрозил другу пальцем. — У меня до сих пор голова болит.

— Да, будьте осторожны, — умоляюще попросила Ли. — Сначала ее надо как следует проверить. Судя по всему, эта штуковина действует на мозг, возникает привыкание. Возможно, оказывает постоянный эффект.

— Ну, у Макатура крыша уже поехала, — заметил Татум. — Дальше некуда. Носится с этими дурацкими идеями. Видела бы ты, как он мчался за овцебыками!

— Не пускайте его больше туда, а то мы его не увидим! — закричал Шэннон, вызвав общий смех.

— А почему ты не спросишь об этих конях у Ящерицы, Мак? — спросила Буккари. Она сидела с одним из мастеров на плоских каменных плитах и выписывала какие-то иероглифы. — Я могла бы помочь, раз Хадсона нет. Кстати, давненько мы их не видели. Пора бы и возвратиться, но видно, очень уж на юге теплое солнышко.

— Не знаю, смогу ли я быть полезен, —

Макартур устроился рядом с ней, взял чистый пергамент и стило и ловко нарисовал несколько значков, обозначающих охоту. Ящерица молча смотрел.

Капрал учился быстро и почти сравнялся с Хадсоном, но отставал от Буккари. Настроение собравшихся изменилось, люди и охотники успокоились, разговоры стихли, все спокойно и терпеливо ожидали, чем же закончится опыт Макарура. Доусон тихонько мурлыкала, качая Адама, изредка постреливал костер, и все эти привычные негромкие звуки создавали атмосферу домашнего уюта и располагали к общению.

Буккари чуть отодвинулась, чтобы не мешать Макаруру, и повернулась спиной к огню, обдумывая то, что изобразил Ящерица. Ближе к вечеру из колонии прилетели два охотника с инструкциями для вождя. Перед ужином обитатели скал почти час совещались о чем-то, и вот теперь официальный переводчик вводил Буккари в суть дела. Вождь терпеливо сидел рядом, как всегда — настороже.

Наконец лейтенант вскинула голову.

— Наши друзья уходят завтра, — объявила она, привлекая всеобщее внимание. Земляне встретили известие гулом разочарования.

— Все? Даже каменотесы и садовники? — спросила Ли. — А почему?

— Во-первых, скоро вернутся люди-медведи, — ответила лейтенант. — Обитатели скал исчезли из лесу при первых же звуках самолета. Во-вторых, и это самое главное, охотникам надо готовиться к экспедиции за солью. Они не смогут оставить здесь мастеров одних.

Макартур отложил свои рисунки.

— Поход за солью, да?

— Нам будет не хватать их, — вздохнула Ли.

— Ах, как хочется поскорее увидеть Хадсона и Уилсона, — сказала Доусон. — Держу пари, им будет о чем рассказать.

— Погостив две недели у этих парней, они вернутся с радостью, — заметил Шэннон. — Тоска там, наверное, смертная.

— Не знаю, — с сомнением сказала Букари. — Хадсон так расписывал то место, что я не удивлюсь, если они не захотят возвращаться.

— Закончил, — воскликнул Макартур и передал свое сообщение Ящерице. Прежде чем ответить, тот внимательно просмотрел написанное и лишь затем стал составлять ответ, делая это, как всегда, быстро. Потом пододвинул лист землянину. На пергаменте была изображена крепкая лошадка с короткими ногами и развевающимися хвостом и гривой.

— Вот оно! — Макартур даже вскочил. — Посмотрите! Именно это я и видел, — держа рисунок в руке, он обошел всех, а вернувшись на место, тут же принялся что-то писать. Букари заглянула ему через плечо и сразу же поняла, что он хочет.

— Они определенно должны были подумать об этом, — задумчиво произнесла она. — Но ведь есть же какая-то причина, почему наши друзья не используют лошадей для перевозки соли.

— Может, им не хватает сил, чтобы управлять этими лошадками, — предложил свою версию Макартур и передал ответ Ящерице.

Мастер внимательно посмотрел на рисунки. Несколько минут он совещался с вождем, причем воин, что было совершенно нехарактерно для него, заметно разволновался.

— В чем дело? — Фенстермахер зевнул и почесал подбородок.

— Да ничего особенного. Просто собираемся отловить с десятков этих коней, — ответил Макартур.

ГЛАВА 34. ОТКРЫТИЕ

Над поселком появились два самолета. Остановившись под деревом неподалеку от надгробий, Буккари некоторое время наблюдала за ними, а потом направилась по склону в лагерь. Вместе с чужаками должны были возвратиться Хадсон и Уилсон. Она отправила О'Тула и Пети к посадочной площадке встретить гостей и проводить к поселку. Два часа спустя все появились в лагере.

— Добро пожаловать домой, шеф! — простонал Фенстермахер.

— Боже! — Уилсон скорчил гримасу. — Теперь я знаю, почему мне там так понравилось.

Встречать «командированных», как называл их Шэннон, собралось все население поселка. Крионцы терпеливо ждали, не вмешиваясь в торжество. Наконец Буккари вспомнила о долге гостеприимства и, подойдя к великанам, поклонилась. Эт Силмарн снял шлем и весьма грациозно вернул поклон.

— Добро пожаловать в наше поселение, — медленно произнесла лейтенант.

— Спасибо, Шал, — вполне разборчиво проговорил Эт Силмарн. — Вы маного сделали, — он поднял свою громадную руку и об-

вел новостройки, указав похожим на сосиску пальцем на главное здание. Оно еще не было закончено, над каменными стенами и трубами каминов высились стропила будущей крыши. А вот боковая пристройка, примыкающая к длинной поленнице, уже готовилась принять жильцов. За домом виднелся огород, радующий глаз пышной зеленью. В воздухе стоял запах резины и опилок.

— Нам нужно готовиться к холодам, — ответила Буккари. — Зима не простит лентяев.

Эт Силмарн вопросительно посмотрел на Катеос. Женщина быстро перевела сказанное.

— Даа! Ошшень ххоллодно. Симма ошшень ххоллодно! Сеййчаасс ххоллодно! — гигант поежился — какой распространенный жест!

Буккари кивнула, улыбаясь про себя; день выдался теплый. К ней подошел Хадсон.

— Нэш, как я рада тебя видеть! Вот ты и снова дома. Привык, должно быть, к путешествиям.

— Ну и домище вы отгрохали! — воскликнул Хадсон.

— О'Тул и Фенстермахер оказались первоклассными плотниками, да и друзья Макарута немало помогли, — ответила Буккари, подмигивая. Говорить прямо об обитателях скал ей почему-то не хотелось. Катеос повернулась к ней.

Хадсон, поняв, в чем дело, не дал ей возможности задать вопрос.

— Полет... что тебе сказать? Как обычно, утомительный, но зато мне дали возможность управлять самолетом. Шал, какая это прекрас-

ная планета!. Совершенно дикая и... — он не договорил, но сияющие глаза лучше любых слов передавали его чувства.

— Я тебе завидую, — сказала Буккари. — Тебе бы следовало и меня захватить на прогулку.

— Конечно! Крионцы предложили, чтобы мы все отправились на юг. Они очень дружелюбны, Шал, а Катеос просто чудо. Держу пари, через пару месяцев она будет говорить лучше нас с тобой. Сейчас они с Доворноббом составляют программную систему голосового распознавания, которая будет способна давать синхронный перевод. Пока еще успехи невелики, но подожди несколько недель и увидишь, — крионка скромно опустила глаза.

— Ну, ты, конечно, научил ее кой-каким словечкам, а? — поддел его Фенстермахер.

— Полегче, Фурштетмахер! — закричал Уилсон. — Или я скажу лейтенанту, чтобы она не отпускала тебя на юг, — он повернулся к Буккари. — О лейтенант, как же чудесно там! Дождик, правда, шел несколько раз, но само место — сплошное очарование: бирюзово-синий океан, широкие песчаные пляжи. И острова с лагунами. Фруктовые деревья, мы захватили с собой несколько плодов. Честно говоря, я бы с удовольствием туда вернулся.

Буккари посмотрела на него — загорелое лицо, честные, наивные глаза, умоляюще глядящие на нее. Да, юг заразил наивного милого шефа, одержимого теперь одним желанием: вернуться с крионцами.

— Мы скучали по тебе, — сказала она. — Иди посмотри наш дом. И помоги Тукманыну,

он никак не может решить, где устроить камбуз.

Счастливое, мечтательное выражение сползло с лица Уилсона, он повернулся и зашагал к дому. Земляне последовали за ним. Крионцы в сопровождении Честена отыскиали место своей прошлой стоянки и принялись устанавливать палатки. Шэннон, Хадсон и Буккари остались одни.

— Послушай, Шал, — тихо сказал Хадсон. — Катеос несколько раз заводила разговор о наших двигателях. По правде сказать, она и два новых парня — в прошлый раз их не было — изрядно меня утомили своими вопросами. И будьте осторожны — они все записывают. То есть, я хочу сказать, что при всем дружелюбии наши друзья очень серьезно подходят к делу.

Информация Хадсона заставила Буккари задуматься.

— Ганнер чертовски хочет вернуться, — сказал Шэннон. — Там, наверное, хорошо.

— Да, — тихо ответил Хадсон. — Уилсон нашел дом для себя. Мне чуть не пришлось его связать, чтобы усадить в самолет. Вы бы видели, как он расхаживал голышом по пляжам — лысина блестит на солнце, брюхо висит. Знаешь, Шал, перед тем, как убраться с корвета, Вирджил Родс сказал, что Уилсон хочет умереть на тропическом острове. Пошутил, конечно, но Ганнер воспринял его всерьез. А теперь, думаю, он нашел для себя этот остров.

— Вообще-то, я еще не готова к тому, чтобы он умер, — нетерпеливо сказала Буккари. — Нам здесь нужны все, возможно, даже ты, Нэш. Не успеешь и глазом моргнуть,

как придет зима, и я... мы должны быть к ней готовы.

— Но почему бы нам всем не перебраться на юг? — спросил Хадсон. — Ведь крионцы только будут рады.

Буккари не отвечала. Она смотрела куда-то вдаль, на зеленеющую долину с тихо колышущимся озером и пенящимися водопадами.

— Хорошо, что ты вернулся, Нэш, — сказала она вместо ответа. — Сарж, отведи мистера Хадсона вниз, покажи, что сделали ребята, — взяв Хадсона за руку, лейтенант легонько подтолкнула его к тропинке. Шэннон кивнул и пошел первым. Буккари прошла за мужчинами несколько шагов, затем остановилась, любуясь величественным пейзажем, словно впервые видела его. Ее не оставляли сомнения.

Вопрос Хадсона, так и оставшийся без ответа, попал в цель. Ей вспомнилось, как не хотел командор Квинн уходить с плато в долину перед той первой, страшной зимой. Действительно, может быть, в долине было лучше? Или без помощи обитателей скал они все равно бы погибли? Может, это просто другой куплет одной и той же песни? Или стоит приказать всем улететь с крионцами на юг? А как быть со всем, что с таким трудом построено? Бросить? Или все же остаться и продолжать начатое? Возможно, тот же самый холод — их наилучший защитник? Ехать на юг — значит, вступить в более тесный контакт с крионцами, их правительством, а подобный контакт, в свою очередь, неизбежно ведет к новым проблемам. В этом она почему-то была уверена.

Ох уж эти решения! Бремя лидерства —

цена лидерства! Но Буккари в принципе уже решила. Они встретят зиму в долине, готовые к холодам и лишениям. Может быть, следующим летом переберутся поближе к теплему югу. Может быть. План этот по каким-то неясным причинам не был ей симпатичен; ей представлялось более важным находиться недалеко от обитателей скал — верных, проверенных союзников. Впрочем, кто знает, возможно, страдания долгой зимы заставят ее изменить свое мнение.

Она направилась к палатке крионцев. Катеос, увидев гостью, заулыбалась.

— Война на Крионе продолжается, Шал, — сообщила Катеос. — Мы не сможем сказать ничего нового, но мы обеспокоены. Никто не знает, что произойдет дальше. Известно, что стало с Эт Авианом, жив он или мертв. Эт Силмарн озабочен. Они как братья, — речь лилась из нее потоком, не сдерживаемая более оковами незнания человеческого языка.

Буккари поддержала разговор, рассчитывая выудить что-нибудь полезное.

— Из-за чего идет война, Катеос? Ради чего сражаются ваши соотечественники?

— Власть. Они бьются за власть. Как всегда, — Катеос сняла шлем и опустила на четвереньки. Теперь глаза обеих женщин находились на одном уровне.

— И много жертв? — спросила Буккари.

Крионка подавила вздох.

— Сообщения не ясны... но, очевидно, погибло много крионцев — миллионы.

— Миллионы! — воскликнула лейтенант. —

И никого это не волнует? Никому нет дела до жизней этих несчастных?

— Нет, нет. Крионцы ценятся только как топливо в ракетах или удобрения для полей. наших правителей не интересуют массы. Не-обученные крионцы — мы называем их тро-ды — просто цифры, статисты, по... потенциаль-ные солдаты или рабочие, — ответила Катеос, в ее голосе зазвучал гнев. — Хаасоон рассказы-вал мне о ваших семьях, о вашей свободе. Наша система плоха, она не терпит таких идей.

— В моем мире тоже много проблем, — заметила Буккари.

— Но посмотрите на себя! — восклик-нула Катеос. — Вы, хрупкая женщина... И Хаасоон сказал, что вы еще и пилот. Крион-ская женщина никогда, никогда не достигнет этого.

— Возможно, я не очень хороший пример.

— Да или нет, но вы достигли положже-ния, о котором крионка может только меч-тать, — грустно сказала Катеос. — И вы пу-тешествуете между звездами. Чудо! Это же просто чудо!

Невольное признание собеседницы застави-ло Буккари поднять голову.

— Вы хотите сказать, что ваш народ не вы-ходит за пределы этой системы? Вы не летаете к другим звездам?

Катеос заметно смутилась.

— Ахх, нет, мне нельзя об этом говорить. Это... это большой секрет. На нашу пла-нету напали из космоса. Мое правитель-ство опасается, что это может повториться. Мы

хотим знать, как вам удается летать между звездами. Мы спросим вас об этом.

— Мы не нападали на вас, — ответила Буккари. Крионцы не виноваты в трагедии на Шауле, вертелось у нее в голове. — Это вы напали на нас. Мы пришли с миром.

— Нам это неизвестно. На Крион уже нападали прежде, — бормотала Катеос, нервно озираясь. — Многие погибли. Мы считаем, что вы пришли напасть на нас.

— Нас здесь никогда не было, — попробовала убедить ее Буккари. — Мы не нападали на вас.

— Это случилось очень давно, — неуверенно сказала Катеос. — Возможно, ваши генералы хранят это в секрете от вас. Ради своей выгоды.

— И как давно это было, Катеос?

— Более четырехсот лет назад. Крионских лет, — тихо ответила Катеос.

Пятьсот земных лет! Пятьсот лет назад люди еще не достигли Марса, а до открытия гиперсветовой аномалии оставалось более века.

— Катеос, сколько лет вы летаете на Генеллан?

— Давно, более девятисот крионских лет.

Буккари недоверчиво посмотрела на собеседницу. Выходит, что крионцы, весьма развитая раса, осваивают космос вдвое дольше, чем люди. Но им так и не удалось преодолеть сверхсветовой барьер. Теперь до нее начал доходить смысл игры. Она сменила тему.

— Почему же вы говорите, что ваша система плоха? Ваша цивилизация многого достиг-

ла, и система работает хорошо. Вы разумны. Мне кажется, что вы добрые и отзывчивые. Плохой системе не удалось бы произвести таких существ.

Катеос немного подумала.

— Во многих отношениях наша система действует хорошо. Очень хорошо, — заметила она. — Но вы встречались только с учеными и инженерами. А вообще почти вся наука сводится к искусству применения ложки. Наша социальная система контролирует личность. Контролирует наш характер и интеллект. Нас выращивают для выполнения определенной задачи. Если мы добры и отзывчивы, то это потому, что данные качества помогают в работе. Нас выращивают для работы, закладывая и развивая те свойства, которые вы указали.

— Выращивают, чтобы сделать из вас ученых? Как?

Катеос немного помолчала, прежде чем ответить.

— Система эта старая, — начала она. — Многие поколения воспитывались в этом духе. Конечно, начинается все с детей. У простых, незнатных родителей забирают — иногда силой — детей еще при рождении. Отцы и матери никогда не видят своих детей. Только знати позволено воспитывать их.

— Как же так? И куда?..

— Да, детки... Сначала их отдают в государственные ясли, затем в школу. Школа — лучше ее называть «центр обучения» — это то место, где их рассортировывают и обучают. Если детки не имеют генетичес-

ских отклонений, то они через определенный срок становятся учеными, техниками, офицерами, администраторами, ремесленниками или фермерами. Остальные — большинство — обречены заниматься неквалифицированным трудом; это и есть троды. Тродов тоже рассортировывают в зависимости от личных качеств. Происходит это разделение в раннем возрасте. Из них готовят солдат, рабочих, крестьян.

— И так везде? На всей планете? — спросила Буккари.

— Да, да! На всей планете. Система работает хорошо. Никто не думает менять ее. Наши крестьяне — хорошие крестьяне, наши рабочие — хорошие рабочие, студенты усердно учатся. Солдаты — смелы и воинственны, хотя и не очень сообразительны. К несчастью, амбиции наших лидеров и их стремление к власти иногда перерастают все разумные границы, а сила в нашем обществе ставится выше ума.

— Похоже, ваша жизнь очень хорошо организована, — заметила Буккари.

Катеос покачала головой.

— Организована? Да, — она опустила глаза. — Это очень грустная жизнь. Я не думала об этом раньше, но когда увидела ваших детей, то поняла. Грустная жизнь... без детей... без семей.

— Как? У вас нет семьи?

— Так на Крионе решают проблему перенаселения. Давно-давно на планете было много-много крионцев. Слишком много. Продуктов не хватало.

— И ваше правительство ограничило рождаемость?

— В брак можно вступать только один раз. Иметь детей вне брака — преступление. Это позволено только семейным парам после получения соответствующего разрешения правительства. Вот как они контролируют население. Мне повезло — мой супруг ученый Доворнобб. Он добрый и умный, я буду счастлива с ним. Уверена, что нам удастся получить лицензию, тем более теперь, когда так много крионцев погибло в войне.

— Я рада за вас, Катеос, — сказала Буккари, заметив, как засияло лицо крионки.

— Когда-нибудь у меня будет ребенок, — громко и решительно заявила Катеос. — И я буду счастлива.

Буккари оглянулась — к ним подходили Эт Силмарн и еще два крионца. Катеос поднялась.

— Шал, я хочу представить вам ученого Х'Ааре и ученого Мирртиса, — сказала она. — Они эксперты по космическим двигателям.

Буккари внутренне напряглась. Крионцы не знали тайны гиперсветового движения. Она поняла, о чем сейчас пойдет речь.

— Нам хотелось бы знать, как вашими кораблями удается летать между звезд, — продолжала Катеос. — Мы тоже хотим это сделать и надеемся, что вы поможете нам.

Ученые начали что-то говорить переводчице.

— Они хотят знать, каков принцип... — начала переводить Катеос.

— Катеос! Эт Силмарн! Это очень трудные вопросы, — взмолилась Буккари.

— Да, Шал, но ученые будут работать сс

вами долго, столько, сколько нужно. Возможно, вы полетите сс нами на Океанскую станцию, где...

— Пожалуйста, Катеос, — медленно произнесла Буккари, тщательно подбирая слова. — Я понимаю ваш интерес, и, когда подойдет время, мы обсудим эти проблемы. Но никто из нас не является специалистом в данной области, — она прекрасно понимала, что, если дело дойдет до переговоров о разрешении остаться на Генеллане, то любая информация может послужить в качестве предмета торга. И кто знает, может быть, именно теория гиперсветовых скоростей даст им пропуск. Ей не очень-то нравилось говорить неправду, ведь она и Хадсон прекрасно знали и теорию и практику, но информация — это сила, и ей необходимо сохранить хотя бы то небольшое, что еще оставалось в их распоряжении.

Катеос что-то тихо сказала Эт Силмарну. Тот кивнул.

— Шал, — загремел густой бас крионца. — Мыы благодарим васс за то, что выы сделали. И ессли вы наам поможжете, отблагоддарим еще.

— Понимаю, — ответила Буккари.

Через три дня самолет крионцев поднялся в воздух и взял курс на станцию. Управлял им Эт Силмарн, а кроме него, на борту находились ученые Х'Ааре и Мирртис, которые сидели сзади с Хадсоном, и Доворнобб с Катеос.

— Та женщина, Голдберг, дала вам информацию? — спросил Эт Силмарн.

— Да, технического характера. Я мало что поняла, — грустно ответила Катеос. — Женщина уверяет, что знает о двигателях. Она техник по силовым установкам.

— Они допускают женщин к таким специальностям? — спросил второй пилот.

— Да, — ответ прозвучал излишне громко и резко. Крионцы-мужчины повернулись и уставились на нее. Женщина невольно опустила глаза.

— Шал лжет, — задумчиво произнес Эт Силмарн. — Она пытается сохранить то немногое, что у нее есть. После всего, что она сделала для нас, я не могу винить ее в этом и по-прежнему доверяю ей.

— А что Голдберг? — спросила Катеос. — Ее информация ценна, но я не могу уважать эту женщину. Она рассказала нам все только из зависти к Шал. Не понимаю, зачем ей это понадобилось. Как можно так поступать?

Эт Силмарн тяжело вздохнул.

— Не нам судить чужаков. В следующий раз надо осторожно записать все, что расскажет эта Голдберг, и предложить, чтобы она отправилась с нами на Океаническую станцию, хотя я сомневаюсь, что Шал разрешит. Мне не хочется делать что-то за ее спиной, но главной задачей Эт Авиана было как раз разузнать эти секреты.

— Люди не очень разговорчивы в нашем присутствии, — заметил второй пилот.

— Будь на их месте, мы тоже осторожничали бы, — ответила Катеос. — Они понима-

ют, что находятся в нашей власти, и боятся этого.

— Пока они еще ничего не видели, — сказал Эт Силмарн.

Звук самолета, уносившего крионцев, замер вдалеке. Проводив его глазами, Макартур сунул в рот кусочек стебля, так помогший ему во время охоты, и помахал Тонто и Синему Носу, показывая, чтобы они держались подальше. Шорох их крыльев мог бы спугнуть животных, а помощи от охотников ждать нечего. Удостоверившись, что наркотик оказал положительное воздействие на начавшую уже затуманиваться голову, капрал вынул изрядно пожеванный стебель изо рта и аккуратно положил его в свисавшую с шеи сумку. Только после этого он посмотрел по сторонам. Слева по краю оврага располагались Честен и Пети, справа — Шэннон и О'Тул, у каждого имелось лассо, сделанное из строп парашюта. Еще раз проверив веревку, Макартур отбросил в сторону кожаное пончо и стал подкрадываться к испуганным коням. Трех животных удалось загнать в узкую балку, выход из которой блокировала куча булыжников и завал из веток. На сооружение преграды ушло немало времени и сил, но труды не пропали даром — ловушка сработала.

Макартур поднял над головой лассо и подал знак О'Тулу, лучше других усвоившему уроки капрала. Бросать предстояло им двоим, остальные только помешали бы.

— Сначала того, что пониже, — предупредил Макартур. — Ты бросаешь на шею, я постараюсь спутать ноги. По моему сигналу!

О'Тул полз по краю балки, приближаясь к путливым коням. Макартур стоял внизу.

Самый крупный жеребец повернул гривастую голову в сторону капрала и фыркнул, зрачки его расширились от страха, длинный хвост нервно хлестал по бокам. С крутой грудью, ослиными ушами и мощными ногами с узловатыми коленями, конь не вполне соответствовал тому образу, который запал в память Макартура со времен его детства на ранчо у дедушки в Калгари, но все же это был конь. И ржание, и запах подтверждали это, и они были прекрасны. Макартур прижался к скале. Жеребец проскакал мимо с громким тревожным ржанием. За ним промчались лошади.

— Давай! — закричал Макартур. Сделав шаг навстречу последнему животному, он расчетливо метнул лассо, которое обвило заднюю ногу лошади. Упершись каблуками в землю, капрал быстро обмотал канат вокруг плеч. Вдохновленный успехом друга, О'Тул тоже метнул аркан, но промахнулся, взяв слишком высоко. Первая из кобыл пролетела рядом с охотником, зато вторая, сделав пару шагов, запуталась в веревке и отчаянно рванулась в сторону, увлекая за собой Макартура. Прежде чем петля затянулась, а животное упало, капрал успел проехаться в пыли и камнях два-три шага. Человек и лошадь поднялись одновременно; кобыла шарахнулась в одну сторону, землянин в другую. Макартур знал, что по-

следует, и приготовился, но все же уступил и в быстроте, и в силе. Веревка обожгла ладони и выскользнула из слабеющих пальцев. Чувствуя, что напряжение ослабевает, животное перешло на галоп, а Макартур, страдая от боли и бессилия, остался стоять на коленях, провожая его взглядом.

Не желая оставаться сторонним наблюдателем, Честен кинулся на помощь товарищу, пытаясь ухватить ускользающий конец лассо, и тоже промахнулся. Однако и лошадь внесла свою долю в общую сумятицу и, запутавшись в аркане, рухнула на землю. Не успела она подняться, как подоспевший О'Тул накиннул петлю на шею жертвы. Честен прыгнул за веревкой во второй раз, и теперь удачно. Совместные усилия двух охотников увенчались успехом — несчастная кобыла упала в третий раз. Страхнув с себя пыль, Макартур подоспел на помощь Честену и О'Тулу и набросил на шею пленнице еще одну петлю.

— Сарж! Держи конец! И давай мне свой! — заорал капрал, заметив, что на помощь спешит Шэннон. Сержант выполнил приказ, закрепив преимущество отважных охотников. Животное еще билось в поисках выхода, но Макартур, рискуя получить удар копытом, мастерски набросил петлю на задние ноги. Лошадь, еще раз отчаянно рванувшись, смирилась с судьбой и затихла, тяжело дыша и отфыркиваясь.

Макартур сплюнул и, не поднимаясь с колен, передал канат Пети. И сразу же, словно почувствовав, что силы капрала на исходе, боль, захватившая уже пальцы и руки, разошлась по всему телу, захлестнула мозг.

— Эй, Мак! — закричал Пети. — Веревка в крови! Ты как?

Макартур взглянул на ободранные ладони и моргнул.

— Мак просто балдеет, когда у него хлещет кровь, — проговорил О'Тул.

— Не тяни так, Терри, — выдохнул кап-рал. — Задушишь беднягу.

Он вынул из сумки путы и осторожно перевязал дрожащие ноги животного. Потом поднял меховое пончо и обернул им голову лошади. Силы покинули его и, опустившись на землю рядом с тяжело поднимающимся боком кобылы, Макартур прошептал:

— Ну, давайте поднимать. Приготовились!

ГЛАВА 35. ПАРОМ

Утро давно уже наступило, его мягкий теплый свет заливал долину, лаская мирно несущиеся воды большой реки, но, похоже, не радовал столь же волшебным, преображающим эффектом группу людей, тянувшихся вдоль потока с пустыми мешками и грубо сработанными ведрами. Впереди шел Шмидт, выделявшийся густой копной соломенных волос, за ним — Татум и Честен, чуть поотстав, брели Фенстермахер, Голдберг с ребенком и Уилсон. Одетые в лохмотья, мало чем напоминающие удобные корабельные костюмы, с накинутыми на плечи пончо из шкур, обутые в кожаные сандалии со шнуровкой, они не совсем вписывались в чудесный летний день и спокойный идиллический пейзаж — фуражиры, как назвал команду Макартур.

Земляне шли по каменистому, усеянному крупной галькой берегу, оставив позади ревущие водопады и молочные туманы. Вырываясь из долины Макартура, река смиряла свой бег, ее русло расширялось, течение замедлялось. Тут и там из-под воды виднелись крохотные

островки, облюбованные длинноногими речными птицами и выдрами. По сути дела, река здесь больше напоминала длинное широкое озеро, которое нетрудно было пересечь на выдолбленном каноэ. Именно это место оказалось наиболее пригодным для переправы. На другом берегу их ждали мех и мясо. Нужда в переправе воодушевила Фенстермахера на подвиг — создание парома.

Неуклюжий бревенчатый плот, закрепленный четырьмя упругими канатами, курсировал между двумя крупными булыжниками. Паром приводился в действие двумя большими веслами, расположенными на бортах, еще одно, поменьше — румпель, — было установлено на корме. Погрузившись на плот, фуражиры облегченно вздохнули. Честен и Фенстермахер, войдя в воду, подтащили его к берегу, чтобы Татум и Голдберг с малышкой не замочили ноги.

— Татум, станешь у руля? — спросил Фенстермахер, сталкивая плот с прибрежных камней.

— Нет, я могу грести, — уверенно ответил тот. Действительно, его правая рука вполне компенсировала отсутствие левой, развившись в мускулистый, с резко выступающими жилами бутор, размером с дыню.

— Да, ребята, если бы у вас еще и мозги... — Фенстермахер не договорил. — Белпо, присматривай за Татумом. Мне будет его не хватать, а оставаться с Уилсоном не хочется — от него толк только на камбузе.

— Да, это уж точно, — рассмеялся Шмидт, вскарабкиваясь на борт.

— Ты знаешь, Сэнди, — сказал Уилсон, —

если этот умник упадет в воду, мне будет жаль только одного — река протухнет.

— Эй, задницы, это уже мятеж! — закричал Фенстермахер. — Прекратить разговоры и по местам. Беритесь-ка за весла!

Добродушно посмеиваясь, Татум ухватился за весло, за другое взялся Уилсон. Честен и Фенстермахер встали у канатов.

— Эй, подождите! — воскликнул Шмидт. — Лейтенант Буккари идет, — он указал вверх по реке.

Буккари в обрезанном до колен костюме перепрыгнула через валун и подбежала к берегу. Фенстермахер задержал плот, и она успела как раз вовремя.

Восходящий поток был слабым, и Браппе приходилось часто работать крыльями. Краагу приходилось еще хуже, он то и дело терял высоту.

— Не вернуться ли нам на берег? — спросил Браппа, довольный тем, что ему удалось оказаться вверху, над опытным воином.

— Еще слишком рано, мой друг, воздух не прогрелся, — прохрипел ветеран, изо всех сил стараясь сохранить достоинство. Признать свое поражение он не мог, оставалось только найти хоть какую-то причину слабости. Внизу под ними величаво катила свои воды огромная река, в золотистых лучах она казалась темно-зеленой. Охотники преодолели примерно треть пути и приближались к тому месту, где можно будет рассчитывать только на силу крыльев.

Ниже по течению Браппа заметил длинноногих, загружающихся на деревянную платформу.

— Можно спуститься к реке и пролететь над длинноногими, — предложил Браппа, надеясь таким образом дать старому охотнику возможность выйти из неприятной для него ситуации. Ветерок усилился, парить стало легче.

— В этом нет необходимости, сын вождя, — ответил Крааг, резко взмывая вверх. — Этот поток даст нам высоту, достаточную, чтобы долететь до другого берега.

Юный охотник только кивнул. Поток подхватил обитателей скал и понес через реку. Они уже долетели до ее середины, когда Браппа заметил орлов.

— Спасибо, Фенстермахер, — приветствовала всех Буккари. Она вошла в холодную воду до бедер и легко взобралась на плот, ухватившись за протянутую руку Честена. За ней последовал Фенстермахер. Взявшись за румпель, он отдал последние указания, причем орал так, словно они тонули.

— Вы чуть было не опоздали, лейтенант, — заметил Уилсон.

— И это уже не в первый раз, шеф, — ответила Буккари. — Хочу посмотреть, что у них там с лошадьми. Тукманиян сказал, что вы хотите собрать этой травки.

— Главное — забрать мясо, — вздохнул Уилсон, поворачивая весло. — О'Тул говорит, что у них приготовлена целая туша.

Буккари оглядела плот, на бревнах еще оставались пятна крови от предыдущих перевозок. В самой середине платформы лежал трап, специально изготовленный для перехода лошадей с берега на паром. Голдберг с дочкой, весело агукающей у нее на руках, уселась на чурбан. Буккари ласково улыбнулась матери, но та лишь холодно кивнула в ответ.

— Как Хани? — не отступала лейтенант. Ребенок еще только выздоравливал от сильного кашля. Несколько дней назад садовники принесли кисловатое пюре, которым Голдберг насильно накормила дочку. Эффект превзошел все ожидания: кашель пропал, девочка лишь слегка посапывала.

— Лучше, спасибо, — не поднимая головы, ответила Голдберг тоном, в котором тепла было столько же, сколько в северном ветре. Буккари подняла голову и увидела, что на нее смотрит Татум, который недоуменно пожал плечами и отвернулся. Лейтенант поднялась и перешла на нос, где и устроилась, свесив ноги с плотa. В сияющих бликах воды — отражении солнечных лучей — мелькали рыбы спины, кружились насекомые. Что-то бормотал Фенстермахер, скрипели весла в кожаных уключинах. Буккари закрыла глаза и откинулась на спину, на время отбросив беспокойство, не покидавшее ее в последние дни.

Она так и не поняла, сколько времени пролежала в этой сладостной дреме, но очнулась от толчка и, открыв глаза, увидела, что паром вошел в небольшую бухту, удобно разместившуюся среди скал. Лейтенант села и потянулась. Берег был крутой, но невысокий. Честен

с причальным канатом уже соскочил на твердую землю. Песчаный обрыв постепенно переходил в пологий, поросший травой склон, еще дальше начинался лес, и в тени деревьев Буккари увидела чей-то силуэт. Так и есть — Макартур и две лошади.

— Доброе утро, лейтенант! — закричал капрал. — Неплохо вы там устроились, а? — у него на груди болтался бинокль.

Последнее время эта троица — Шэннон, О'Тул и Макартур — большую часть времени проводили с лошадьми, это частенько раздражало Буккари. Их длительное отсутствие в лагере казалось ей более нетерпимым, поэтому она хотела поскорее переправить лошадей через реку.

— Да, должно быть, на этом берегу есть что-то такое, от чего люди забывают о своей работе, — ответила она. — Я уж подумываю о том, чтобы самой остаться здесь.

— Ах, лейтенант, что вы такое говорите, — укоризненно сказал Макартур. — Нам здесь нелегко приходится. Но вообще вы правы, лошадей нужно переправлять на тот берег.

Удивительным казалось то, что оба животных вели себя смирно, и транспортировка их, казалось, не должна была представлять особых трудностей. Первая пойманная кобыла вела себя нервно и испуганно, долгое время не позволяла приблизиться к себе, не говоря уж о какой-то работе. Она ничего не ела, не пила и так лягалась, что Макартур начал беспокоиться за нее и даже собирался отпустить. Тем не менее, применяя ту же тактику, что и в первый раз, им удалось поймать жеребца. Когда

его поместили в загон вместе с первым животным, оба пленника успокоились, поели и напились, не проявляя ни малейшей враждебности к людям, словно давно привыкли к ним.

Макартур решился даже сесть на кобылу. К его удивлению, животное отреагировало весьма спокойно на присутствие другого существа на спине. Она немного побрыкалась и даже пару раз вставала на дыбы, но потом, как будто признав за человеком право на господствующее положение, смирилась и больше уже не протестовала. Через неделю оба животных уже выполняли основные команды. Вдохновленные успехом, новоявленные ранчero расширили конюшню и довольно скоро пополнили ее еще двумя животными. Макартур, Шэннон и О'Тул радовались им, как дети, и не отходили ни на шаг.

Резкий свист над головой оторвал Буккари от ее мыслей: два обитателя скал, сложив крылья, в панике неслись к земле. Высоко-высоко над ними в лазурном небе лениво парили два гигантских орла, но чуть ниже третий падал стремительно — черным комком на перхват.

Лейтенант вскочила на ноги. Пикирующий орел рос на глазах, выпущенные когти резали воздух. Хищник был прямо над ними. Буккари рефлекторно оттолкнула в сторону Голдберг с Хани и вслед за ними бросилась в глубокую холодную воду. За ней, поднимая фонтаны брызг, бросились Татум, Уилсон и Шмидт. Река действительно оказалась единственным относительно безопасным местом. На плоту остался один Фенстермахер — решительный капитан

парома схватил шест и выставил его навстречу птице наподобие копыя.

Охотники раскрыли крылья, замедлив свое рискованное падение. Орел повторил их маневр. Буккари, ухватившись одной рукой за выступ парома, другой смахнула с лица воду и подняла глаза. Макартур стоял на берегу, прижав к плечу винтовку. Охотники со свистом промчались над плотом, скользнули над головой Макартура и исчезли под кромками деревьев, недоступные своему страшному преследователю. Потеряв из вида добычу, орел мгновенно переориентировался. На долю секунды он словно застыл в воздухе, раскинув широкие крылья, скрывшие солнце и отбросившие тень на полберега, включая паром. Его желтые глаза сфокусировались на Фенстермахере, в них засияла древняя врожденная ненависть, смешанная, однако, со страхом.

Буккари невольно зажмурилась, ожидая выстрела Макартура, но тот стоял, не поднимая головы от приклада. Ему оставалось только нажать курок, и крылатый монстр рухнет на землю. Орел был почти недвижим, его могучие крылья колотили воздух, клюв опущен, лапы расставлены — отличная мишень. Буккари почувствовала неприятный холодок у основания шеи. Она видела, как капрал набрал в легкие воздуха и чуть опустил ствол. словно почувствовав исходящую от человека угрозу, орел начал подниматься.

— Уходи отсюда, малыш, — прошептала Буккари. Чувство облегчения переполнило ее. Еще несколько мгновений, и страшная птица уже была далеко.

— А кто это позволил вам купаться? — визжал Фенстермахер, хмуро оглядывая свою укрывшуюся в воде команду. — Чей приказ вы выполняете, парни? У нас еще куча дел. Паром к причалу! Установить трап! — он направился к носу. В воде громко захныкала Хани.

— Фен, ты сегодня даже не опоздал! — крикнул капрал. — Жаль только, что орел улетел.

— Держи конец, Мак! — Фенстермахер не мог перейти на нормальный тон. — Сегодня рано... и ты сам это знаешь. И перестань на меня орать. Если бы не мое копьё, достался бы ты птенчикам на обед. Надоело мне ради вас подвиги совершать, — он склонился к воде. — Шеф, ты что, собрался остаток жизни провести с рыбами? Хватит хвостом вертеть! Вылезай!

Фуражиры по одному вылезали из воды, Хани громко хныкала. Честен и Фенстермахер подтащили плот к берегу и надежно закрепили. Буккари отряхнулась и направилась вверх по склону. Голдберг потихоньку успокоила дочку, и та только икала. Остальные расселись на согретых солнцем камнях, чтобы хоть немного просохнуть и снять напряжение. Посыпались шутки, грубоватые, но не обидные, и вскоре все смеялись, может быть, излишне громко, но от души.

Буккари уже подошла к деревьям, когда из лесу появились обитатели скал. Двигались они осторожно, опасливо поглядывая в небо. Удостоверившись, что угроза миновала, воины

устроились на камнях, с любопытством разглядывая людей. Макартур изобразил знак, означающий «смерть рядом», и указал на небо. Военно оживленно зачирикали, и старый охотник ответил знаком «смерть всегда рядом».

Затем оба повернулись к Буккари и низко поклонились. Обитатели скал явно выделяли ее и Макартура из общей группы землян, относясь к ним с подчеркнутым уважением. Причем, с женщиной они были почтительны и сдержанны, внимательно выслушивали и вообще смотрели, как на маленькое солнце, всегда поворачиваясь к ней лицом. Отношение к Макартуру отличалось товарищеской привязанностью: куда бы ни направлялся капрал, охотники следовали за ним, если, конечно, находились рядом. Именно с ним обитатели скал искали при необходимости контакта, предпочитая его в таком случае даже Буккари. К остальным землянам они были равнодушны.

— Клоуны приехали, — прокомментировал Макартур, глядя сверху на веселящихся товарищей.

— Смех — великое дело, — заметила Буккари, снимая пояс с пистолетом и вешая его на ветку.

— Что-то я не слышал, чтобы вы смеялись, — сказал он.

Она взглянула на него без намека на улыбку.

— У меня в голове другое, капрал. Как бы заставить вас перебраться на тот берег и заняться делом.

— Ладно, ладно, — ответил он. — Вас понял! Но у вас, наверное, есть проблемы и по-

серьезней, чем эта. Теперь, когда у нас есть лошади, многое удастся облегчить.

Чувствуя, что собеседник не спускает с нее глаз, и зная, что сейчас она сама ответит ему тем же, лейтенант повернулась к реке.

— Эй, шеф! Давай-ка всех на берег! — прокричал Макартур. — И не отвлекайтесь, дел еще много.

Уилсон помахал в ответ, и фуражиры двинулись вверх по берегу.

Буккари обернулась, чтобы снять ремень с ветки, и снова наткнулась на пристальный взгляд Макартура. Оба промолчали. Тишину нарушили обитатели скал: они о чем-то защебетали, поглядывая за деревья. Прислушавшись, лейтенант разобрала какие-то звуки, доносящиеся из чащи. Похоже на довольно крупных животных. Вскоре на узкой каменистой тропинке появились Шэннон и О'Тул, ведущие двух лошадей, груженных тяжелыми на вид мешками. Выйдя на лужайку, они остановились и сняли с животных груз. Это оказались шкуры с завернутым в них мясом овцебыков. Расстелив их на траве, Шэннон и О'Тул присели рядом, отгоняя слетавшихся на кровь насекомых.

— Уинфред, мы ждем! — крикнул Макартур. — Как вы там?

— Готовы! — отозвался Фенстермахер. Вместе с Честеном они уже положили сходни и как следует закрепили плот у берега.

— О'кей, Терри. Давай! — взяв за поводья первую лошадь, Макартур стал спускаться к реке. За ним последовал О'Тул с жеребцом, а Шэннон остался с двумя другими на лужайке.

Буккари присела у дерева, наблюдая за погрузкой.

— Лейтенант? — обратился к ней Шэннон. — Вы не присмотрите за лошадьми?

— Конечно, Сарж, — ответила она, поднялась, подошла к сержанту и взяла у него поводья. Шэннон со вздохом поднял мешок с мясом, взвалил на плечи и затрусил вниз по тропинке. Лошади нервно зафыркали, обнюхивая своего нового хозяина и обмахиваясь длинными хвостами.

Погрузка прошла без происшествий. Прикрыв глаза первым двум лошадям, их осторожно ввели на плот. Сооружение выдержало вес, хотя и немного осело. Фенстермахер попросил подождать и чуть оттолкнул паром от берега, чтобы не сесть на мель. Макартур и Шэннон стали привязывать животных, не жалея веревок, а О'Тул и Честен поднялись вверх и забрали оставшиеся мешки с мясом. Когда все было закончено, капрал подошел к Буккари.

— Лейтенант, вы не против остаться с лошадьми? Мы отправим О'Тула на другой берег, а потом вернемся за вами. Так будет быстрее.

— Я могла бы грести, — ответила она, — а О'Тул присмотрел бы за лошадьми.

— Нет, — ответил Макартур. — Плот сильно перегружен. Лишние мускулы не помешают, а животные ведут себя смирно. Пусть пощиплют травку. Вы согласны?

Буккари перевела взгляд с Макартура на плот.

— Ладно. Только побыстрее!

Капрал спрыгнул в воду и помог Честену оттолкнуть паром от берега. Шэннон и О'Тул

стояли возле возбужденно озирающихся лошадей. Транспорт медленно тронулся в путь. Оба обитателя скал уселись на носу плота, похожие на причудливые украшения.

Оставшись одна, Буккари обошла небольшую полянку. Теперь, когда отсюда ушли люди, картина стала спокойной и тихой. В траве чуть слышно стрекотали насекомые, внизу неумолчно, но приглушенно шумела река. Где-то хныкала Хани. Солнце поднялось из-за деревьев, прогнав прохладную тень. Одежда оставалась еще сырой, и женщина поежилась.

Лошади мирно паслись неподалеку. Она подняла лежащий под деревом полевой бинокль и навела окуляры на паром. Плот — крохотная точка — уже достиг противоположного берега, две лошади шли по трапу. Буккари положила бинокль рядом с винтовкой и опустилась на траву. Она зевнула и закрыла глаза. Неплохо бы полчаса вздремнуть — время есть.

Идиллия продолжалась недолго. Тишину прорезали душераздирающие крики. Голдберг! Жалобный рев девочки поднялся до визга. Один за другим прогремели два выстрела, их эхо раскатилось по долине, смешавшись с криком Голдберг. Инстинктивно Буккари поняла, что произошло, и взглянула в небо. В когтях хищника — у Буккари замерло сердце! — маленький беспомощный комочек — девочка! Плач свидетельствовал о том, что ребенок еще жив.

Она метнулась к винтовке и перекатилась на колени. Уперев приклад в плечо, откинула предохранитель и перевела на автоматический огонь. Орел тяжело летел в двадцати-двадцати пяти метрах от нее на небольшой высоте. Девочка извивалась и не переставая кричала. В перекрестье прицела появилась грудь птицы, Буккари задержала дыхание и нажала на спусковой крючок. Голова хищника дернулась в сторону, крупнокалиберные пули разорвали его шею, и орел, завалившись на бок, выпустил добычу из когтей — оба существа, кувыряясь, полетели вниз.

Она бросила винтовку и помчалась по петляющей тропинке к реке, не спуская глаз с ребенка. Хани упала в воду недалеко от берега, и Буккари прыгнула вслед за ней в холодный поток — отчаянно гребла, но ничего, ничего не видела. Подняла голову и заставила себя спокойно оглядеться — хоть что-нибудь! Труп орла медленно плыл вниз по течению, и лейтенант устремилась к нему.

Пузырьки! Маленькие пузырьки в нескольких метрах справа от нее. Напряженно вглядываясь в зеленую воду, Буккари, отчаянно работая ногами и руками, добралась до места. Ей казалось, что она никогда не плавала медленнее.

Рассеянные солнечные лучи проникали вглубь, словно через мозаичные окна собора. Внизу что-то мелькнуло. Цепочка пузырьков устремилась к поверхности. Глотнув воздуха, Буккари нырнула в туманную пелену. Легкие уже требовали новой порции кислорода, когда она коснулась рукой гладкой кожи ребенка:

Лейтенант крепко ухватила за конечность — это оказалась нога — и рванулась вверх навстречу свету. Она боялась, что ее легкие не выдержат и разорвутся, но панику перевешивала и удерживала радость успеха. Подъем продолжался целую вечность, но даже вечность когда-нибудь кончается. Ее голова появилась на поверхности. Буккари выплюнула воду и вытащила наверх младенца: зрачки девочки закатились, глубокие царапины — следы ногтей — резко выделялись на белой коже, из носа струилась кровь. Женщина покрепче прижала к себе бездыханное тельце и огляделась. С берега ей уже кричали. Она повернулась — вдоль реки бежали Татум и Шмидт. Чуть выше Уилсон обнимал рыдающую мать.

Держа голову Хани над водой, Буккари перевернулась на спину и поплыла к берегу, работая ногами и свободной левой рукой. Татум, с перекошенным от горя лицом, уже ждал ее, стоя по шею в воде. Лейтенант передала ему ребенка, и отец, мыча от отчаяния, побрел к берегу. Она проплыла еще несколько ярдов, пока не коснулась ногами дна, а потом на четвереньках выбралась на сушу — ее била дрожь, кожа посинела. Буккари попыталась подняться, но колени не слушались, и она рухнула. Ее тут же вырвало.

Татум держал дочку вниз головой за ногу и судорожно дергал. Изо рта ребенка потекла вода.

— Беппо! Пошлепай ее по спине! — закричал он. Шмидт поспешил ему на помощь. — Сильнее! — в отчаянии завопил Татум. С одной рукой он почти ничего не мог сделать в

этой трагической ситуации и оттого страдал еще больше.

— Подними ей голову! — Шмидт перевернул ребенка, и Татум припал губами к маленькому роту. Сдерживая дыхание, он осторожно направил мощный поток воздуха в легкие девочки. При третьей попытке она шевельнулась, маленькие ручки дернулись, глаза открылись. Малышка кашлянула, срыгнула и снова закашлялась. А потом она закричала, сильно и недовольно, от страха и боли — вполне здоровая реакция! Татум в восторге заревел и прижал дочку к груди.

— Она жива, лейтенант! — он сел в воду рядом со стоящей на коленях Буккари, не выпуская ребенка. — Вы спасли мою малютку!

Женщина подняла голову и улыбнулась — лицо Татума светилось счастьем. Буккари протянула руку и похлопала его по колену. Он прижался к ней губами, а когда отстранился, по щекам текли слезы.

— Лошади, — прошептала она. — Где лошади?

Буккари взглянула на лужайку — животные стояли там же, где она их оставила, и смотрели вниз, не спеша пережевывая траву. Лейтенант облегченно вздохнула — очень не хотелось огорчать Макарура.

ГЛАВА 36. ШРАМЫ

— Старый дурак! Чего ты хочешь? Мы уже обсуждали это дело! — гремел голос Джуга.

Эт Каласс поспешно перебирал в уме возможные альтернативы и их последствия и решил придерживаться своего первоначального плана, по его мнению, совсем близкого к правде.

— Забота о судьбе Эт Авиана помешала мне принять верное решение, о Высочайший, — твердил министр. — Я обещал его умирающему отцу, что буду оберегать сына.

Джук мрачно посмотрел на него со своего трона.

— Вот как! Глупое обещание, министр. Ох, уж эта знать! Вечные проблемы! Отец и сын! Какая нежность! — Император саркастически усмехнулся.

Эт Каласс осмелился подать голос.

— Открытия Эт Авиана...

— Генерал Горрук требует твоей головы! — снова взревел Джук, брызжа слюной. — И я бы согласился с ним: пользоваться ракетами без разрешения... это грубейшее злоупотребление властью!

После катастрофы у реки Пенк дела шли плохо. Горрук едва успевал отбивать непрерыв-

ные контратаки противника. На северные территории все чаще падали ракеты врага.

— Но... — начал было Эт Каласс.

— Открытия! Ты говоришь об открытиях! — высокомерно перебил его Император. — Что мы знаем об этих чужаках? Говорят, что Эт Авиан захватил одного из них в плен.

— Верно, хотя...

— Ба! Да что я с тобой разговариваю? Где Авиан?

— Он серьезно ранен, предстоит множество операций и длительный период реабилитации.

— Однако он перенес межпланетный перелет со всеми его ускорениями. Ты что-то утаиваешь, — Джук поднялся и угрожающе навис над министром. — Доставь его ко мне.

Эт Каласс повернулся и устремился к выходу.

Через три дня Буккари ходила с трудом, бедра и ягодицы покрылись синяками и ссадинами. В дополнение ко всему, упрямая скотина больно укусила ее за руку.

— Вы как, лейтенант? — озабоченно спросил Макартур, пряча улыбку. Они не разговаривали несколько дней. Он подъехал к ней, легко соскочил с жеребца, удерживая его за повод. — К этой красавице лучше спиной не поворачиваться.

Буккари потеряла мягкое место, с трудом сдерживая закипающую злость. Идея отправиться за солью принадлежала ей — Макартур

не хотел брать ее с собой из соображений безопасности, но она настояла на своем.

— Кажется, этот пункт как-то выпал у меня из памяти, — хмуро ответила она.

— Извините, лейтенант.

— Ничего. Ничего, все в порядке. Подсадите меня, — она ухватила поводья, подошла сбоку к лошади, поправила кожаную попону, служившую седлом, затянула подпругу. Макартур подставил руку под ее левую ногу, и Буккари, подпрыгнув, перенесла правую через спину лошади — посадка далась с трудом, и она, не сдержавшись, застонала. Капрал повернулся к жеребцу и легко вскочил на него — его плечи слегка подрагивали.

— Перестаньте смеяться, капрал! — закричала Буккари, но ее голос прозвучал жалобно.

— Слушаюсь, лейтенант. Есть не смеяться, — он легко затрусил прочь.

Пытаясь забыть о своих болячках, она щелкнула языком и тронула поводья — лошадь наклонила голову и отщипнула пучок травы.

— Пошла, дура! — крикнула всадница.

— Что, лейтенант? Вы это не мне? — повернулся Макартур.

— Нет, — ответила она. — На этот раз нет.

— Н-но! — понукала ее Буккари, подкрепляя команду ударом каблука. Кобыла резко дернулась, и лейтенант едва сумела удержаться в седле. Лошадь помчалась вдогонку за жеребцом, а бедная наездница тряслась у нее на спине, закусив губу. Наконец погоня закончилась, оба животных затрусили рядом. Буккари, чувствуя себя не столько пилотом, сколько пассажиром, расслабилась и оглянулась по сторо-

нам. Стая птиц, похожих на белых куропаток, с шумом выпорхнула из прибрежных кустов и поднялась высоко в небо. Провожая их взглядом, Буккари заметила двух охотников, легко парящих в вышине. Она знала, что это Тонто и Синий Нос. Потянулись тяжелые облака, брызнули первые капли дождя — над горизонтом вспыхнула радуга. Тучи прошли, небо снова очистилось. Охотники по-прежнему висели над головой, почти неподвижно, но теперь они были не одни — на востоке кружили орлы, не внушая опасности, так как не приближались. На юго-востоке виднелось стадо овцебыков, занятых своим единственным делом — пощипыванием травы. По счастью, ветер дул в их сторону, и запах животных не мешал людям. Зато он же нес сладкий тяжеловатый аромат цветов — от него тоже кружилась голова.

Охотники снизились, подавая звуковые сигналы. Синий Нос замахал крыльями и понесся вперед, а Тонто остался, выписывая в небе замысловатые фигуры.

— Должно быть, приближаемся, — заметил Шэннон.

Тонто снова закричал, громко и требовательно.

— Не останавливаться! — закричал Макартур. — Что-то случилось! — он стегнул жеребца и поскакал вперед.

Тонто снова поднялся ввысь и устремился за своим товарищем, уже скрывшимся за гребнем.

Всадники поднялись на холм. Прерия раскинулась перед ними, уходя за горизонт. Там — соляные копи. Величие пейзажа нарушала не-

понятная суета: часть овцебыков неслась прочь от основного стада, поднимая тучи пыли. Миролюбивых великанов преследовали рыкуны. Их добычей уже стали несколько телят, они-то и привлекли орлов и канюков. Макартур мчался вниз по склону, остальные последовали за ним.

Через три часа они уже скакали по хрустящей земле, оставляя за собой тонкую цепочку следов. Сухие щепотки соли били из-под копыт в лицо, и всадникам пришлось растянуться в шеренгу. Над копиями висела белая пылевая завеса, но, приблизившись, люди, наконец, увидели плотно сгрудившуюся кучку обитателей скал. Что-то странное было в этой непонятной картине. Объяснение не заставило себя ждать — охотники отбивались от рыкунов! Сотни страшных хищников окружали крылатых существ.

Браан, вождь охотников, не знал, что делать. Обычно, оказавшись в подобном положении, он приказывал своим воинам бросить мешки с солью и подняться в воздух. На этот раз простое решение не годилось — к месту схватки спешили длинноногие. Это казалось ему странным, ведь они не могут спастись на крыльях!

Трупы рыкунов, павших от стрел воинов, валялись тут и там. Охотники отважно бросались к ним, вытаскивая из страшных зверей драгоценные снаряды. Многие получили ранения, но лишь один не мог подняться в воздух.

Если вождь примет решение улетать, то этот воин должен будет умереть.

— Твое решение, вождь? — осведомился Крааг. На шее старика зияла рана, след от лапы хищника. — Рыкуны сжимают кольцо.

Браан повернулся к приближающимся длинноногим. Хорошая мысль — использовать лошадей, чтобы снять бремя с плеч охотников, — но теперь, похоже, невыполнимая. Слишком рискованно.

— Оставить мешки! Всем в воздух! — командовал Браан. Крааг громко повторил приказ. Поднялся шум и гам. Все кричали, хлопали крылья. Те, кто еще не бросил мешки с солью, поспешно отвязывали их. Пространства не хватало, охотники сталкивались, мешая друг другу. Тем не менее, через несколько секунд все уже покинули поле боя, оставив внизу кучу мешков с солью и раненого юношу со сломанным плечом — его левое крыло беспомощно висело.

Вождь подлетел к истекающему кровью новичку и резко опустился. Страж стоял, выпрямившись, глаза его сияли: умереть от рук Браана — большая честь. Но вдруг голова юноши наклонилась, взгляд метнулся за спину вождя — раненый свистнул. Воин не успел оглянуться, но услышал сзади жуткий рев хищника. У вождя не оставалось времени, чтобы избавить соплеменника от мучительной смерти, но и оставить его он не мог. Браан крикнул, и юноша сделал шаг к нему — воины встали спиной к спине, готовые к последней битве. От стаи рычащих монстров отделился один хищник. Прыжок, блеснули жуткие клыки, хвост со свистом рассек воздух...

Браппа больно ударился о землю — тормозить было некогда. Запела стрела — хищник умер в полете, его мертвое тело рухнуло, не долетев до цели. Браан оглянулся через левое плечо — Крааг накладывал на тетиву новую стрелу.

— Улетайте! — закричал вождь. — Это приказ! Улетайте! Крааг, ты принимаешь командование! Все!

Ветеран не ответил, но и рыкуны не успели возобновить нападение.

Лошадь не слушалась Буккари, поводья не помогали, все попытки заставить животное свернуть оказались бесполезны. Кобыла неслась по соляной равнине с такой сумасшедшей скоростью, что лейтенант понимала: споткнись она, и, в лучшем случае, дело закончится сломанной шеей. Женщина двумя руками вцепилась в густую гриву, осмеливаясь лишь бросать мимолетные взгляды по сторонам. Остальные мчались во весь опор, не в силах укротить словно обезумевших животных, хотя Макаргуру все же удалось достать из-за спины винтовку. Буккари сжала зубы. Рыкуны были уже близко, они разбегались, поджав хвосты. Ее кобыла ворвалась в самую середину стаи, преследуя отступающих хищников.

Лейтенант сосредоточилась на одном — не упасть. Что происходит? Лошади, действуя сами по себе, сгоняли рыкунов в одно место. Они окружали их стремительно несущимся кольцом! Когда оказавшиеся в мешке твари уже начали сталкиваться друг с другом, обе-

зумеv от бешеной карусели, некоторые попы-
тались вырваться, но были безжалостно сби-
ты с ног и раздавлены. Вскоре под копытами
лошадей оказались еще несколько монстров.
Но тут случилось непредвиденное: О'Тул сва-
лился с коня. Буккари увидела, как он рухнул
на землю, и закрыла глаза, но золотисто-ко-
ричневый вихрь изогнулся, ни одно копыто
даже не задело лежащего в пыли человека.

Оставшиеся на земле охотники сбились в
кучу. Кони пронеслись мимо, копыта дроби-
ли камни и тела живых и мертвых рыкунов.
Браан, опустив бесполезный меч, со страхом
смотрел, как золотогривые скакуны с вцепив-
шимися в их гривы испуганными длинноно-
гими встают на дыбы и давят скулящих ры-
кунов. Мощные копыта сокрушали черепа,
острые зубы рвали плоть. Все вокруг превра-
тилось в кровавое месиво. Битва, точнее, по-
боище, подходила к концу. Кони остано-
вились, нервно дрожа, храпя, с их морд стекала
красная пена. Пораженные обитатели скал
стояли, не в силах сойти с места.

С неба, как сухие листья, опускались охот-
ники, подбирали брошенные мешки с солью и
строились в колонны. Крааг, придя, наконец, в
себя, поклонился вождю и отошел к воинам.
За ним двинулся Браппа, придерживая ранено-
го. И только Браан, маленький, но гордый сим-
вол крылатого народа, остался перед табуном
танцующих победителей.

О'Тул поднялся с земли, отряхнулся и за-
хромал к товарищам; на лице его застыла сму-
щеная улыбка.

— Святой дух! — воскликнул Шэннон. Его

лоб сиял от пота, волосы спутались, глаза ошалело бегали.

— Что случилось? Почему они так? — спросила Буккари. Ее сердце бешено стучало, все тело стонало от боли.

— Да, видно, эти зверьки им не нравятся, — сказал Макартур. — Вот только интересно, почему они притворялись, почему позволяли на себе ездить?

Животные уже успокоились, и Буккари осторожно слезла на землю и подошла к О'Тулу. Шэннон и Макартур тоже спешили, с тревогой поглядывая на могучих скакунов. Лошади опустили морды к земле, обнюхивая соль под ногами. Вождь охотников — такой маленький и хрупкий — смело, хотя и осторожно, приблизился к землянам. Лошади презрительно осмотрели его, фыркая и втягивая воздух. Воин вежливо поклонился, не затягивая, впрочем, церемонии. Буккари ответила, а Макартур тут же вступил с вождем в разговор, быстро жестикулируя. Браан внимательно смотрел и иногда тоже что-то показывал знаками.

— Они готовы отправляться, — сказал Макартур. — Только нас и дожидались.

Буккари знала, что лошадей нужно загружать солью, а следовательно, им всем придется идти до реки пешком. Все это Макартур объяснил ей достаточно ясно еще до похода, когда пытался отговорить от участия в нем. Но после четырехдневной непрекращающейся тряски, превратившей всю нижнюю половину ее тела в саднящий бифштекс, пешая прогулка представлялась ей довольно приятным занятием.

— И сколько до реки? Далеко? — спросила она.

— Он говорит, пять дней, может, шесть, — ответил Макартур.

Джук с подлинно королевским прискорбием смотрел, как Эт Авиан, заметно прихрамывая, подходит к его императорскому трону. Сам он вряд ли преодолел бы путь от входа, но Эт Каласс и адъютант, подхватив ученого под руки, помогли ему. Эт Авиан, казавшийся хилым и бледным, даже не пытался показать должное почтение, а только поднял голову, не мигая глядя на Верховного Лидера.

— Вы потребовали моего присутствия, — слабым голосом проговорил он.

— Так тебя чуть медведь не загрыз, а? — рычал Джук. — Доктора говорят, что тебе повезло остаться в живых, и что ты можешь потерять руку.

— Медведь мертв, о Высочайший, — уклонился от прямого ответа Эт Авиан. — Мертв благодаря отваге пришельцев.

— Так гласит твой доклад, — задумчиво произнес Джук. — Должно быть, они сильны. И хорошо вооружены.

— Если вы читали мой доклад, то знаете, что дело не в этом. Они хрупкого сложения, примерно в три раза уступают по массе крионцам. Оружие весьма скромное, так что опасности для нашей планеты чужаки не представляют, — разговор, по всей видимости, утомлял ученого.

— Весьма... Очень поспешное заключение. Что ты видел? Спасшуюся кучку существ. Так ли легко определить их подлинную мощь?

— Ваш скептицизм обоснован, о Высочайший, но я говорю о другом. Пришельцы рисковали своими жизнями, чтобы спасти мою. У них не было на это другой причины, кроме врожденного чувства доброты и сострадания.

— Сострадание и доброта. Доброта и сострадание! Опасные, ненадежные качества, чтобы строить на них союз. Что ты узнал об уровне их технологии? Вот что важно для нас! Вот основа взаимоотношений! — Джук спустился на несколько ступенек и уставился немигающим взглядом на своего измученного собеседника.

— О Высочайший! — вмешался Эт Каласс. — Эт Авиан не может ответить на ваши вопросы. Умоляю вас, позвольте нам удалиться, пока ему не стало хуже!

— Я ничего не знаю об их технологиях... пока, — прошептал раненый. — Моя научная группа работает над этим вопросом. Я получил несколько сообщений, очень кратких, о том, что контакт продолжается. Если бы работали спутники связи, мы могли бы иметь текущую информацию, даже видеоматериалы.

— Ты знаешь, мой благородный ученый, — ответил Джук, спускаясь по ступенькам, — что мы воюем. А во время войны информация становится первой жертвой..

— Умоляю вас, о Высочайший! Этому крионцу требуется немедленная помощь! Его здо-

ровью и даже жизни угрожает опасность! — взмолился Эт Каласс.

— Хорошо, Министр, — кивнул Джук. — Но смотрите, чтобы он не уехал уж очень далеко.

Эт Каласс взял Эт Авиана за плечи, повернул к выходу и повел. Джук, снова устроившись на троне, молча наблюдал за ними. Из-за портьеры позади возвышения неслышно вылез на четвереньках офицер и засеменил к правителю. Когда он предстал перед Верховным Лидером, тот кивнул ему.

— Ты понял свою задачу, полковник Лонго?

— Мой долг служить вам, о Высочайший, — вкрадчиво ответил офицер.

— Твой долг, полковник, захватить чужаков. Они представляют собой стратегический объект первостепенной важности. Мы должны пленить их и сделать своими союзниками. Если это невозможно, мы убьем их. Ты понял?

— Ваши приказы ясны, — Лонго наклонил голову.

— Отправляйся, — приказал Джук, — и не возвращайся с плохими вестями.

Лонго низко поклонился, повернулся и живо затрусил к выходу. Джук сидел молча, сосредоточенно размышляя. Власть уплывала, в его руках оставалось все меньше нитей, которые он мог удерживать. Армия Горрука стала ненадежна, а милиция, находившаяся под контролем знати, представляла скорее угрозу, чем средство борьбы против недовольных. Слабеющий правитель откинулся на спинку трона. В нем нарастала злоба, и он ждал от нее спасительной подсказки.

Главный ученый Самамкоок и генерал Эт Ралфкра встречали Эт Авиана и Эт Каласса у парадного входа в Министерство общественной безопасности. Вышедшего из машины Эт Авиана сразу же окружила взволнованная толпа докторов и медсестер.

— Отведите его в мои апартаменты, — распорядился Эт Каласс, озабоченно качая головой. Процессия быстро проследовала к лифтам, а затем поднялась на этаж, где располагались кабинеты Министра. Больного уложили на кровать. Старому Самамкооку тоже предложили сесть, оказав большое почтение. Министр Эт Каласс с выражением отчаяния на лице склонился к раненому. Генерал Эт Ралфкра тем временем взял бразды правления в свои руки и постарался выпроводить многочисленных посетителей. Постепенно взбудораженные сотрудники и медицинский персонал покинули приемную, и генерал тщательно закрыл все двери.

— Какое представление! — произнес он.

Эт Авиан спустил ноги с кровати. Поднявшись, он расстегнул сковывавший его массивное тело корсаж и отбросил его на кресло. Лицо крионца исказила гримаса боли. Плечо и грудь больного были испещрены паутиной шрамов.

— Ваш доклад, генерал, — сказал он, накидывая мантию. — Мы готовы?

— Пока нет, — ответил Эт Ралфкра. — Цель близка, но нам требуется немного времени.

— Время! Снова время! И когда же? —

спросил Самамкоок. Голос старца звучал тихо, но в нем слышались упорство и решительность. Он даже слегка пристукнул сухонькой ручкой по подлокотнику кресла.

— Спокойнее! Спокойнее, мой старый друг, — предупредил Эт Каласс. — Нужно выбрать правильный момент, иначе все пойдет насмарку. Мы...

— Раз уж я стал частью вашего грандиозного плана, то постарайтесь ускорить дело, — прервал его Самамкоок. Ученый откинулся в кресле и совсем невежливо вздохнул.

— Поспешности быть не может, — уважительно ответил Эт Каласс. — Не беспокойтесь, вы не умрете... по крайней мере, до тех пор, пока не выполните свою работу.

— Благодарю вас, Ласси, — пробормотал Самамкоок. — Но вы играете во всем этом не самую главную роль.

Эт Авиан молчал. Он только положил руку на плечо старца.

После четырех дней прекрасной ясной погоды, устав от дороги, экспедиция вышла к долине большой реки. У моста ее уже встречали стражи, готовые помочь утомленным охотникам преодолеть последний подъем. Носильщики едва двигались, но лошади все же значительно облегчили путешествие. Шестнадцать воинов, включая раненого новичка, были освобождены от необходимости тащить тяжелые мешки. Они помогали своим товарищам, меняя их время от времени. Во многом благодаря это-

му, экспедиция возвращалась без потерь. Обитатели скал направились к мосту, люди остались.

Погода испортилась, облака ползли все ниже, обещая дождь. Проводив взглядами охотников, земляне тронулись на юг параллельно реке. Впереди лежала долина вулканов, за ней паромная переправа, а там уже рукой подать до дома. По прикидкам Макартура, не более двух дней.

Буккари подошла к своей лошади.

— Между прочим, а чья вообще это идея отправиться за солью? — спросила она, ни на кого не глядя.

— Вы только меня не заводите! — хмуро проворчал через плечо Макатур. Буккари пригнулась и, встретившись взглядами с О'Тулом, подмигнула ему. Пошел дождь.

Он шел весь день и с перерывами всю ночь, так что вулканов почти не было видно. Путешественники обошли изгиб реки и миновали то место, где когда-то высадились Честен и Макатур. Туман становился все гуще, и единственным признаком близости вулканов являлся сильный запах серы. На второй день подул пронизывающий северный ветер. Идти стало труднее, промокшие шкуры изрядно потерлись на спинах лошадей.

Маленькая группа поднялась на гребень, тянувшийся на несколько километров. Слева виднелась долина реки, справа расстиралась степь. Макатур скакал впереди, за ним тянулись О'Тул, Буккари и Шэннон. Разговоров давно уже не вели, даже лошади, похоже, устали от долгого пути.

— А вообще, чья это идея отправиться за солью? — внезапно громко спросил О'Тул.

Буккари кисло улыбнулась.

— Вы только меня не заводите! — напыщенно ответила она и кивнула в сторону Макартура.

— И меня тоже! — пробасил сзади Шэннон.

Все рассмеялись. До переправы оставалось всего несколько часов. Мысль о крыше над головой, тепле костра, сытном ужине проливала бальзам на души измученных людей.

Буккари с надеждой всматривалась в пелену тумана, но пока ничего похожего на паром видно не было. Внезапно ее лошадь напряглась и заржала. Тревога одной передалась и остальным, они нервно озирались, встряхивали гривами.

— Что там, Мак? — спросила Буккари. Капрал остановился.

— Ветер меняется, — сказал Шэннон. — Запах овцебыков.

— Поехали, — приказал Макартур и прищиприл своего жеребца. Шэннон и О'Тул последовали за ним, а Буккари задержалась, ее лошадь никак не хотела сходить с места, пока всадница не стегнула ее поводьями. Кобыла дернулась, лейтенант не удержалась и съехала набок. Она уже собиралась позвать на помощь, когда заметила в скалах какое-то движение.

— Ого! Да у нас компания! — прорычал Шэннон.

Из-за камней выпрыгнула огромная рептилия. Поднявшись на задние лапы, она злобно

зашипела, открыв похожую на пилу пасть. Передние лапы с когтями-стилетами угрожающе шевелились в воздухе. Лошадь Буккари отступила и повернулась, чтобы встретить врага, но дракон оказался быстрее. Удар пришелся по крупу животного, один коготь скользнул над ухом женщины. Голову будто обожгло, кобыла шарахнулась в сторону, сбросив ошеломленную всадницу на землю. Она упала, больно ударившись плечом, и покатилась вниз по склону, теряя сознание.

Вверху прозвучала очередь, замигали огоньки выстрелов. Подняв голову, Буккари увидела, что рептилия все-таки повалила лошадь на землю, ухватив ее за бедро зубами. Еще одна очередь, и громадное чудовище, состоящее, похоже, только из чешуи, когтей и зубов, издало пронзительный писк и рухнуло. Хвост монстра дважды дернулся, разбрасывая камни, и замер. Туман в голове Буккари сгустился...

Когда она очнулась — вероятно, через несколько секунд, — возле ее лошади уже стоял Макартур. Бедное животное пыталось подняться, но каждый раз падало, издавая жалобное ржание. Капрал приставил к уху кобылы винтовку и нажал на спусковой крючок. Лейтенант зажмурилась. Через несколько мгновений она попыталась подняться, но ставшие резиновыми ноги не слушались, голова кружилась, и ей снова пришлось лечь, чтобы не потерять сознание.

Тишина длилась недолго. Из ушей словно вынули тампоны, и в ее сознание хлынули какие-то ужасные первобытные звуки. Влажный

тяжелый воздух быстро погасил эхо, но оно гремело в голове Буккари, раскалывая ее на части.

Лейтенант кое-как села и подняла глаза — с холма спускался Макартур. Она обхватила раскалывающуюся голову и попыталась сконцентрироваться на том большом и непонятном, что двигалось в тумане. Оно остановилось, отступило, а потом растаяло в серой мгле. Макартур замер, вероятно, тоже услышав нечто, потом снял с плеча винтовку и наугад выстрелил. Такого ужасающего визга Буккари никогда не слышала, волосы дыбом поднялись на голове. По скале что-то побежало, тяжелые шаги прогрохотали слева от нее и затихли.

— Не двигайтесь, лейтенант! — закричал капрал, возобновляя спуск.

Буккари почувствовала, как по щеке ползет что-то теплое, но смахнув рукой назойливое насекомое, увидела, что ее пальцы в крови. Макартур, беспрестанно озираясь по сторонам, опустился рядом с ней.

— У меня кровь на лице, — слабым голосом произнесла она, все еще тупо глядя на окровавленную руку. — Шрам будет, как у тебя.

— Хорошо еще, что вообще лицо осталось, — прошептал Макартур, вглядываясь в туман. — Черт, что это было? Вы можете идти?

— Не знаю, — ответила она, пытаясь подняться, но колени подломились, и Буккари опустилась на камни. Капрал, вероятно, успокоившись, повесил винтовку за плечо.

— Эй, прикройте меня! — крикнул он оставшимся наверху. Потом наклонился и поднял

ее на руки. Буккари нахмурилась, но делать было нечего.

— Только полегче, — сказала она. — У меня голова болит.

— Я знаю, что это такое, — успокоил ее Макартур.

Буккари уже собиралась съязвить по этому поводу, но дискуссии не получилось — все тот же мерзкий вой, перешедший в рев и завершившийся рыком, заставил ее втянуть голову в плечи. Макартур прибавил шаг, при этом он пару раз спотыкался и падал на колени, отчего боль пронзала ее голову, отдаваясь во всем теле. Когда они добрались, наконец, до середины гребня, по лицу капрала катился пот. Шэннон и О'Тул встретили их около лошадей. О'Тул не спускал глаз с поверженной рептилии и не переставая ругался.

— Кажется, я уже могу встать, — сказала Буккари.

— Подождите, — удержал ее Макартур. — Надо остановить кровотечение, — Шэннон протянул ему замасленную тряпку. Капрал разорвал ее на несколько полосок и наложил на рану.

— Прижмите, — приказал он.

— Надо трогаться, — произнес Шэннон. — Эта пададь должна их отвлечь. Патронов осталось совсем немного.

— Согласен, — кивнул Макартур. — Помогите мне.

Капрал вскочил на своего жеребца. Буккари посадили у него за спиной.

— Держитесь крепче. И говорите что-нибудь.

— Я... я о'кей, — пробормотала она, обняв Макартура за талию и прижавшись к его широкой спине. Они тронулись. Буккари застонала.

— Извините, — ласково сказал капрал.

Лошади шли довольно резво, вероятно, как и люди, стремясь поскорее уйти подальше от этого жуткого места. Удалившись примерно на километр, они сбавили ход. К этому времени дождь уже прекратился, зато ветер заметно усилился. Туман рассеялся, и видимость резко улучшилась. В просветах между облаками выглядывало солнце. Вскоре показалась река. Все успокоились и даже повеселели.

— Черт возьми, это, наверное, был динозавр, — сказала Буккари, переводя дыхание.

— Черта с два, — ответил Макартур, улыбаясь ей через плечо. Боль в щеке заставила женщину на мгновение зажмуриться. Она осторожно потрогала повязку, стараясь определить длину раны, и вздохнула. Шрам будет приличный: почти от макушки к уху, через всю щеку, и до самого носа.

— Вы только станете больше походить на морского волка, лейтенант, — успокоил ее капрал, догадавшись, о чем она думает. — Чтобы испортить вам внешность, требуется нечто более серьезное.

— Спасибо, Мак, — ей действительно стало легче. Она снова обняла его двумя руками.

— И вы знаете, лейтенант, я рад, что вы с нами поехали, — продолжал он.

— Вот теперь вы точно лжете! — воскликнула Буккари. — Я же потеряла лошадь.

— Не вы потеряли лошадь, это могло слу-

читься с любым из нас, так что не корите себя. Дракону было все равно. Нет, правда, я рад, что вы с нами. Ведь теперь вы понимаете, как нужны нам эти животные. Они решили вопрос о нашем выживании здесь, на этой планете. Но мне, конечно, очень жаль, что вам больно.

— Мне тоже, — ответила она. Несколько минут они ехали молча. До переправы оставалось всего несколько сотен метров.

— Да, Мак, вы, вероятно, правы относительно лошадей, — сказала, наконец, Буккари.

— Конечно, прав, — откликнулся капрал.

— Высокомерный болван!

— Вот как? Большое спасибо! — он похлопал ее по бедру.

— От тебя пахнет, — тихо сказала она, посмотрев на его руку, но не убрал ее со своей ноги.

— От вас тоже.

— Нет, неправда. Я офицер и леди.

— Что же, одно из двух не так уж плохо.

— Что это значит?

— Ничего, ничего... так, солдатский юмор. Буккари ущипнула его за плечо.

— А-ах! — громко воскликнул он.

— Жаль, что у меня нет ножа.

ГЛАВА 37. ОСЕНЬ

Команда корабля-носителя работала четко и слаженно, подтверждая, что межпланетные перелеты для крионцев — дело обычное. Специально для Хадсона, занявшего кресло пилота, подобрали и модифицировали скафандр и шлем, но все это не придало землянину элегантного вида.

— Полет займетт сооррокк минутт, Хаасон, — сказала Катеос, опускаясь в соседнее кресло. — Ессли возникнут прроблемы, обращайтесь ко ммне, — разговаривала крионка бегло, изумляя всех своими способностями. Правда, и сам Хадсон понемногу продвигался в освоении языка чужаков. Он занимался с Катеос каждый день, и та компьютерная программа, которую разрабатывала женщина, тоже облегчила его учебу.

Договорились, что Хадсон проведет всю зиму на Золотом Прииске: саму идею выдвинула Катеос, а Буккари сразу же ее поддержала, так что знание языка было крайне необходимо — без надежного способа общения какого-либо согласия между двумя расами достичь было невозможно, — и ему предстояло выступать в двух ролях: посла и переводчика.

Скромное жилище — продуваемое ветрами, холодное, не защищенное от нашествия хищников, да и вдобавок расположенное высоко, — но зато свое: он в нем хозяин. Браппа, сын Браана, спустился на террасу своего нового дома. Глисс уже ждала его, завернувшись в темную шкуру рыкуна. При виде жены сердце Браппы унеслось туда, куда сам он никогда не поднимался. Глисс раскинула руки, и Браппа обнял ее — неприличное, даже вызывающее поведение, — но по молодости лет все простительно.

— Муж, — сказала она. — Пища готова, и в твоей комнате тепло.

— Мне нужно только тепло твоих глаз, — ответил Браппа, и слова его прозвучали вечной мелодией любви. — Я скучал по тебе, Теперь мы вместе, а наши жизни слились в одну.

Прекрасные слова. Ящики наполнены солью, охотничьи походы закончились. Пришла другая пора — воины вернулись домой, их жены и дети были счастливы. Год заканчивался хорошо, лишь несколько охотников погибли или получили серьезные ранения. Многие обитатели скал отдавали должное длинноногим за удачную судьбу колонии.

Глисс сияла; Браппа знал, что она хочет иметь много детей. Радостная пара направилась ко входу и остановилась — ветер донес эхо звуков, знакомых и дружественных.

Что ж, придется подождать, у них еще будет время побыть вдвоем. Браппа взглянул вниз.

— Они идут, — сказал он. Влюбленные вернулись на террасу. Первыми появились два двоюродных брата Браппы — щегольски скользнув над самой головой юного воина, они с шумом сложили крылья и уселись на камнях. За ними прилетели Браан и Ки в сопровождении Краага и его товарищей. После них явился почтенный патриарх Веер, дед Глисс. Вскоре всю террасу заполнили гости и родственники, другие любопытствующие расселись на соседних скалах.

— Не забывай о приличиях, сын мой. Ты должен пригласить своих гостей в дом, — мягко напомнила Ки, как того и требовал обычай. — Невежливо держать друзей на террасе.

— Наш дом — ваш, — немного нервничая, ответила Глисс, пользуясь составленным многопоколений назад шаблоном. — Входите и пойте, — она повернулась и, едва скрывая слезы растерянности, поспешила внутрь. Браппа последовал за ней, а уже за ним в скромное трехкомнатное помещение хлынули все остальные.

Принесли напитки и еду, зазвенели песни. Что может быть лучше, чем новоселье? А если его соединить с другим праздником, приходом зимы? Шум веселья вылился за пределы дома Браппы. Соседи бросали дела, чтобы поздравить виновников торжества и присоединить свои голоса к славному хору.

Веселье продолжалось всю ночь.

С наступлением осени долина изменилась, как по мановению волшебной палочки. Лес,

река, небо как будто сбросили стершиеся за лето краски и засияли по-новому — чисто и ярко. Сухие листья, тронутые ночным морозцем, устлали землю, а воды озера по утрам уже покрывала тонкая пленка льда. Заметно похолодало, но по мере того, как дни становились короче, солнце сияло все ярче.

Приближался вечер, долина погрузилась в сумерки, на темном бархате небес вспыхнули звезды. Стоя у порога своего домика, Буккари увидела Доусон. Та возвращалась к себе, неся закутанного в меха сынишку. Заметив, что лейтенант смотрит на них, мать улыбнулась и приветливо помахала рукой.

Из конюшни донеслось ржание: это О'Тул, как обычно, кормил лошадей, не забывая при этом рассказать животным о прожитом дне. В небо потянулись струйки белого дыма, пахло теплом очага — приближалось время ужина. По периметру поселок окружал частокол из крепких сосновых бревен, достаточно надежных, чтобы остановить медведей и драконов. Единственные ворота выходили к озеру, две маленькие калитки почти не открывались и считались запасными ходами на случай опасности. В четырех из пяти углов форта стояли караульные будки, и Шэннон, по настоянию Буккари, постоянно следил за тем, чтобы по меньшей мере в двух из них находились караульные.

Осень принесла богатый урожай. Возле конюшни соорудили зернохранилище. Тукмания построил печь для выпечки хлеба, а обитатели скал принесли землянам соль и мед, хотя и в небольшом количестве. Вообще-то, голод коло-

нистам не грозил: хлеб, дикий картофель, травы, ягоды, солонина и практически неограниченные запасы рыбы позволяли встречать зиму с оптимизмом.

Буккари с гордостью осмотрела свои мозолистые руки. Она была довольна и собой, и экипажем. Большинство ее товарищей собрались сейчас в самом большом домике, кают-компании, где у печи хлопотал Уилсон с помощниками, готовя ужин. Заступающая караульная смена уже получила свои порции и, оттягивая выход, неторопливо потягивала чай. Она еще постояла, решая, стоит ли принять душ — в домике была и холодная, и горячая вода: от источника, возле которого и возник поселок, она поступала через систему каменных и кожаных акведуков и нагревалась в большом котле, подвешенном над огнем в комнатке рядом с кухней. Горячую воду использовали для стирки, мытья посуды и душа. Фенстермахер сконструировал нечто вроде смесителя, так что потребитель мог выбирать температуру по своему вкусу.

Правда, в душ всегда стояла очередь, и воды в котле частенько не хватало. Взвесив все «за» и «против», Буккари отказалась от этого варианта. Помыться, точнее, обтереться горячей водой можно и у себя в домике.

Она вошла, затворила за собой тяжелые двери. Кожаные петли тихонько скрипнули. Ставни уже были опущены, от камина по комнате волнами шло тепло, потрескивали поленья.

Единственная комната, не более шести квадратных метров с полом из тесаных досок, но

для Буккари — замок. У задней стены камин с широкой плитой для нескольких вязанок дров. В середине противоположной стены дверь и два окна, по одному на каждой из боковых стен. Низкий потолок образовывал нечто вроде верхнего этажа, где Буккари устроила себе постель. Чтобы подняться, достаточно сделать два шага по ступенькам у стены.

На плите перед камином грелась в котле вода. Сам котел подарили ей обитатели скал. Она потрогала воду, довольно кивнула и наполнила чашу, стоявшую на приземистом деревянном столике. Потом сняла одежду — несколько слоев меха и накидку из шкуры рыкуна — и подошла к огню. Мочалкой служил кусок грубого полотна. Растирая обветренную кожу, Буккари с удивлением заметила, что на теле у нее появились черные волосики. Закончив туалет, она насухо вытерлась чистой тряпичей. Воздух в комнате был сухой, кожа натянулась. Пальцы скользнули по щеке, задержались на шероховатой линии шрама. Она поднесла к лицу чудом пережившее все передряги зеркальце — ничего не поделаешь. Вздохнув, Буккари облачилась в оленьи кожи.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнула она, присаживаясь на табуретку, чтобы обуть отороченные мехом сапожки, изготовленные Тукманяном. Немногословный техник и ее научил выделять кожу. Дверь открылась, на пороге стояла Голдберг, кутаясь в меха. Огонь выхватил из темноты ее встревоженное лицо.

— Входи, а то напустишь холода, — Буккари поднялась. Голдберг, даже будучи выше рос-

том, казалась в ее присутствии ребенком. — Садись к огню, — лейтенант указала на покрытую шкурами скамью, вделанную в предкаминную плиту. Гостя послушно села, не поднимая глаз от пола.

— Только что помылась, — сказала Буккари. — В большом доме так трудно дожидаться воды, да еще наши мужчины вечно сидят у печи. Слушать их шуточки...

Голдберг нехотя улыбнулась.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она. — Но вам-то легче, вы офицер. С вами они себе многого не позволяют. Вы бы послушали, что приходится выносить нам с Нэнси. Черт побери, это же настоящие... ой, извините.

Буккари усмехнулась.

— Ничего. Я иногда сама испытываю такие чувства.

Голдберг перевела дыхание и откашлялась, а потом опустила голову, и лейтенант услышала странные, похожие на всхлипывания звуки. Она уже собралась было подойти, когда гостя заговорила.

— Извините, лейтенант. Мне очень жаль, — Голдберг шмыгнула носом. — Я давно уже хотела извиниться.

— В чем дело? — недоуменно спросила Буккари, чувствуя внезапное беспокойство.

Голдберг осмелилась, наконец, поднять голову.

— Я рассказала крионцам о гиперсветовых двигателях, — всхлипывание возобновилось, но теперь интенсивнее, затряслись даже плечи. — Извините.

Буккари тяжело опустилась на скамью, шокированная неожиданным признанием. Но почему? Голдберг плакала, не переставая.

— Что-то я не понимаю. О чем ты им рассказала? Зачем? — спросила, наконец, лейтенант. Голос ее задрожал от гнева. Она встала, стиснув кулаки, сделав шаг к этой несчастной. Ей хотелось ударить ее. Буккари остановилась и отвернулась, закусив губу.

— Я... я хотела как-то навредить вам, — выдохнула Голдберг. — Завидовала вам. С вами никогда не обращались так, как с нами. Вы не испытali... Вам не приходилось чистить рыбу... или делать что-то другое... С вами...

— Хватит! — оборвала ее лейтенант. Все. В ее голосе зазвучал металл: — Я не желаю это слушать. Не сейчас. Поговорим об этом позже. О'кей? Что ты им рассказала?

Голдберг выпрямилась, слотнула и отвернулась к окну.

— Генератор модуляции. И еще энергокоэффициенты, — сказала она, постепенно успокаиваясь. — Матрицы... я никогда их особенно не понимала, но объяснила...

— Вы говорили об алгоритмах? Об уравнениях Перкинса?

— Я их не понимаю. Нам не преподавали на таком уровне.

Буккари облегченно вздохнула и пододвинула табурет поближе к огню. Допрос начался. Лейтенант не щадила собеседницу. Через час, решив, что техник устала и не может сообщить ничего нового, она поднялась и направилась к двери.

— Может быть, все обойдется. То, что ты

рассказала им о генераторах и энергокоэффициентах, конечно, важно, но без уравнений они далеко не уйдут. Ты сообщила им, кто еще располагает техническими знаниями? Ты называла Хадсона, Уилсона или Мендосу? С кем ты общалась?

— Я только сказала им, что вы знаете намного больше, чем говорите.

— С кем? С кем ты общалась?

— С Катеос и Доворноббом. И еще с теми двумя, что прилетели потом.

— С Мирртисом и Х'Ааре?

— Наверное, я их имен не запомнила. Но с тех пор, как вы спасли Хани, мои встречи с ними прекратились. Честно! Я их избегала. Пожалуйста, простите меня! Мне так жаль!

Буккари сурово взглянула на нее, рассказывая по комнате.

— Я очень огорчена тем, что ты сделала. Не знаю, смогу ли я объяснить тебе, насколько все серьезно. Смертельно серьезно. То, что ты натворила, карается смертью — неисполнение приказа и передача секретной информации потенциальному врагу. Нет, явному врагу! Люди — мужчины и женщины — были казнены за гораздо меньшее.

Голдберг снова жалобно захныкала и опустила голову. Буккари собралась с мыслями. Взвесила возможные варианты развития событий.

— Что сделано, то сделано. Назад не вернешь. Ты поступила правильно, рассказав обо всем мне, и я не стану тебя наказывать. В данных обстоятельствах это не имеет смысла. У нас есть другие проблемы, и твоя помощь тоже

нужна, если мы хотим выжить. Мне очень нужна твоя помощь. Ты меня понимаешь?

Голдберг кивнула.

— Все, спокойной ночи, — сказала Буккари.

Голдберг встала.

— Что же дальше? — спросила она. — Я имею в виду крионцев.

— Мне надо обо всем как следует подумать, — ответила лейтенант. — Спешить некуда, так ведь? Уже почти зима. Мы их не увидим еще месяцев пять, возможно, больше. Это будет наш секрет, — она выдавила из себя улыбку и отворила дверь. Не поднимая глаз и не попрощавшись, Голдберг выскочила из дома.

Буккари отошла к камину и опустилась на скамью. Все так же весело играло пламя, но прежнее спокойствие и умиротворенность ушли, сменившись ощущением подавленности и беспомощности. Сколько времени просидела она, глядя на огонь, думая, не чувствуя, что в комнате похолодало, Буккари и сама не знала. Наконец она устало поднялась, подбросила в камин еще одну вязанку дров, набросила на плечи серебристую меховую накидку и зевнула. В дверь тихонько постучали. Лейтенант вздрогнула.

Покачав головой, она подошла к двери и резко распахнула ее — Макартур. Значит, его группа уже вернулась. Капрал стоял, застенчиво улыбаясь, в серых глазах дрожали отблески пламени. Она заметила, что лицо его покраснело от ветра, а борода порыжела от солнца. Улыбка растворилась, сменившись выражением озабоченности.

— Вас не было на ужине, лейтенант, — медленно произнес Макартур. Вслед за ним в комнату проник аромат жареного мяса. — Ганнер думает, что вы, возможно, не откажетесь от кусочка горной козы. Просил отнести вам.

Она хотела ответить, но не смогла открыть рот и опустила глаза.

— Подождите, вот увидите, какую мы сделали вешалку из этого чудовища, — несколько неуверенно продолжал капрал. — Рога толщиной с мое бедро. Мы обнаружили стадо в конце долины. Там есть ледник и озеро. Татум нашел пещеру. Огромную. Можно устроить охотничий лагерь. И мясо там неплохо сохранится, даже летом. Лед ведь.

У нее заурчало в желудке, и она смущенно посмотрела на него — оба рассмеялись.

— Да входите же, Мак, — Буккари отступила. — Рада, что вы вернулись. Расскажите мне, что вы еще видели. Кроме горных коз?

— Так вот... еще встретились с такой большой кошкой. Шли долго. И все вверх... вверх... — он, не отрываясь, смотрел на нее. Она опять отвернулась. — У вас все о'кей, лейтенант?

— Да, полный порядок, капрал, — по-прежнему избегая встречаться с ним взглядом, Буккари натянуто улыбнулась. — Я проголодалась. Ну, и как это... похоже на мясо?

— Не буду врать, — с невозмутимым видом ответил он. — Таким, наверное, получился бы Фенстермахер, если бы его зажарили. Только еще жестче. Тукманиян думает использовать кожу для ботинок, — капрал обошел ее и по-

ставил деревянное блюдо на стол, сняв прикрывающее его полотенце. Затем отступил на шаг и поклонился.

Она взяла кусочек и попробовала. Жесткое, шероховатое мясо — теплое и вкусное. Буккари взглянула на Макартура и улыбнулась, но потом, поднеся палец к губам, чтобы облизать жир, внезапно расплакалась — рыдания вырвались из нее, горькие, отчаянные, она ничего не могла с собой поделать и, устыдившись слез, отвернулась. Волосы упали на лицо.

Шли минуты, в комнате было тихо, только потрескивал огонь. Она слышала, даже скорее чувствовала, как Макартур подошел ближе и нежным движением убрал ее волосы с лица. Его мозолистые пальцы осторожно погладили ее шею. Буккари попыталась отодвинуться, но капрал сжал ее подбородок. Другая его рука коснулась ее щеки. Она зажмурила глаза — слезы сбегали теплым ручейком к уголкам рта.

— Лейтенант, что случилось? — прошептал Макартур.

Буккари моргнула и снова попыталась отвернуться, но он не отпускал. Обняв за шею, заставил поднять лицо. Она утерла нос тыльной стороной ладони, вдохнула и открыла глаза. Макартур грустно смотрел на нее. В его взгляде, в его печальных серых глазах было столько чувства, что у нее невольно снова выступили слезы. Признавая свое поражение, она шагнула к нему, положив руки на его широкую грудь. Он бережно обнял ее за шею, и меховая накидка сползла с плеч. Макартур ловко подхватил ее и обернул вокруг них обоих,

обняв двумя руками за талию. Даже сквозь кожаное платье Буккари ощутила его тепло — она вздрогнула и взглянула на него.

— Капрал, — ей казалось, что ее голос звучит твердо.

— Да, лейтенант, — хрипло ответил он.

— Сегодня, — прошептала она, — пожалуйста, забудьте, что я лейтенант.

— Есть, — он наклонился и нежно поцеловал ее в губы. Она ответила страстно, отчаянно. Его руки на ее талии вдруг налились силой, сжали, вызывая в ней дрожь. Меховая накидка снова скользнула вниз и на этот раз упала на пол. По ее щекам побежали слезы.

Макартур отстранился и снова заглянул в ее глаза.

— В чем дело... Шал? Что случилось?

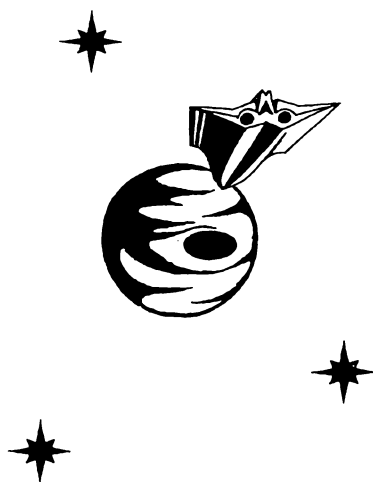
— Ничего, Мак. Это мои проблемы.

— Шал, давай я помогу тебе.

— Ты уже помогаешь, Мак. Даже сам не знаешь, как мне нужна эта помощь. Обними... поцелуй меня.

Часть IV

РАЗВЯЗКА

ГЛАВА 38. ВТОРАЯ ЗИМА

Хадсон проснулся, чувствуя себя отдохнувшим. Отбросив спальный мешок, он выкатился из палатки. Землю покрывал тонкий слой снега, порывы ветра взметали легкие пушинки. Ему стало холодно, потому что на нем ничего не было. Отвернувшись от прозрачной стены, он вернулся в палатку и достал защитный костюм — специально подогнанный для него, хотя и не очень умело. Прорезиненный материал — плотный и толстый — защищал от холода, но в нем астронавт всегда страдал от духоты. Он предпочел бы брюки и безрукавку, но лучше жить в теплице, чем на снегу.

Доворнобб принес завтрак. Хадсон не знал, что там у него, но сразу понял, что, во всяком случае, не рыба. После долгих мучений он попросил, наконец, сменить однообразную диету, чем вызвал недоумение, а потом смех крионцев, считавших, что ему нравится рыба.

Доворнобб сидел молча, его обычно оживленное лицо застыло в напряжении.

— Вы обеспокоены чем-то? — спросил покрионски Хадсон.

— Я жду, когда придет Катеос, потом все

расскажу, — ответил ученый. — Прошлой ночью на орбиту Генеллана вышла ракета с Криона — военная ракета.

Рука Хадсона замерла с не донесенной до рта вилкой. Вошла Катеос с завтраком для себя и Доворнобба. Молча села. Оба крионца не начинали есть, словно чего-то ожидая.

— Они не дружелюбны к людям, хотят нам плохого? — спросил Хадсон.

— Мы не знаем, каковы их планы. Возможно, они прибыли с дурными намерениями, — сказал Доворнобб, — но возможно, и нет. Вам нужно укрыться, пока мы не поймем, чего...

— Нет, — резко оборвала его Катеос, переходя на язык землян. — Они знают, что вы здесь. Знают, — она кивнула в небо и печально добавила: — Уже спрашивали о вас и хотят видеть.

Разгоревшийся было аппетит Хадсона несколько поостыл. Высоко над головой зародился какой-то звук, постепенно усиливающийся. Через несколько секунд от грохота затряслась земля.

— Вот и они, — сказала Катеос. — Прибыли.

Хадсон поднял голову к прозрачному куполу: раскаленный добела столб пламени пробил серую завесу туч, открыв голубое небо. В следующее мгновение вслед за пламенем из-за облаков появился черный цилиндр, медленно спускающийся по вертикали. Самого приземления Хадсон не видел, но обратил внимание на то, как резко затихли мощные двигатели, оборвав свой рев. Наступившая тишина показалась астронавту еще более напряженной и мрачной.

— Мы должны оставить вас, — сказала Катеос.

Торсаливо пробежав по переходам, соединяющим купола станции, Доворнобб и Катеос нашли Эт Силмарна уже возле шлюзового отсека. Индикатор указывал, что давление близко к норме.

— Какие новости? — спросил Доворнобб. — Доставили припасы?

— Это не грузовой корабль, — резко ответил начальник станции, — а боевой — тяжелый перехватчик. Сомневаюсь, что он доставил нам что-либо, кроме проблем и неприятностей.

Двери шлюзовой камеры зашипели и разошлись в стороны. Из нее хлынула толпа прибывших. Все они были в военной форме, многие вооружены. Лицо одного из визитеров показалось Доворноббу странно знакомым.

— Лонго! — вырвалось у него.

— Полковник Лонго, с вашего позволения, — ровным, невыразительным голосом ответил командир подразделения. — Хочу, чтобы вы осознали, с кем имеете дело, — только теперь ученый обратил внимание, что старый знакомый одет в темно-красный мундир, указывающий на принадлежность к секретной службе.

— Шпион! — громко произнесла Катеос.

Лонго смерил ее холодным, жестким взглядом, лучше всяких слов определившим его отношение к женщине — сквозь легкую накидку

дипломата проступили черты палача. Он грубо повернулся к ней спиной.

— Я в курсе того, что происходит на Генеллане, — обратился Лонго к начальнику станции, — и прибыл сюда продолжать расследование, — он огляделся, словно высматривая кого-то. — Сообщалось, что вы держите здесь одного из чужаков. Я хочу его видеть.

— Они называют себя людьми, — ответил Эт Силмарн, — и один из них гостит у нас, полковник, — знатный крионец с трудом скрывал свою антипатию к военному. — Люди продемонстрировали свои дружелюбные намерения.

Лонго в упор посмотрел на него и улыбнулся.

— Конечно. Но, как официальный представитель правительства, я должен удостовериться в этих... дружелюбных намерениях. Формальность. Так где это миролюбивое создание? Почему оно не здесь?

— Наши условия не подходят им, полковник, — объяснил начальник станции. — При повышенном давлении газы у них в крови растворяются, и для декомпрессии требуется несколько часов. Кроме того, люди находят слишком высокой температуру воздуха в наших куполах. Они весьма хрупкие создания... с физиологической точки зрения, хотя очень хорошо переносят холод.

— Уж не хотите ли вы сказать, что я должен выходить из-под купола в этот жуткий холод, чтобы встретиться с чужаком? — возмутился Лонго.

— Нет, снаружи холодно даже для них, —

успокоил его Эт Силмарн. — Он — его имя Хадсон — живет в тепличном куполе.

Доворнобб ощутил слабый запах страха, исходящий от Лонго.

— Конечно, — бесстрастно продолжал начальник станции, — если вы желаете избежать столь неприятной для вас встречи, то можете вместо этого изучить имеющиеся у нас документальные материалы, включая видео и фотографии, собранные нашей научной группой.

Полковник проглотил оскорбление.

— Ваше предложение вполне меня устраивает, — ответил он.

При окончательном анализе выяснилось, что наивысшим достижением генерала Горрука в чисто военном плане стало именно отступление, осуществленное просто мастерски, если иметь в виду, что другого решения у него не могло быть: передовые части оторвались от тыла, пути снабжения оказались перерезанными, армиям угрожало окружение, а следовательно, полное уничтожение. Это был вопрос времени.

План Горрука состоял в демонстрации крупного наступления, подготовка к которому позволяла сосредоточить тысячи грузовых самолетов и сотни вагонов. О возможности отступления никто и подумать не мог, а потому обе стороны готовились к решающей схватке, должной решить исход войны. Миллионы солдат перебрашивались через истерзанные боями территории, зная, что их ожидает смерть. У северян не было

другого выхода: отступление или наступление, бегство или сражение — результат один. Гибель на поле битвы, лицом к врагу представлялась им более легкой, и северные армии, преисполнившись решимости отчаяния, шагали навстречу противнику.

Вдохновленные Горруком войска бросились вперед с мужеством обреченных, но когда защитники Юга подались назад, нанося при этом огромные потери наступающим, генерал приказал начать погрузку личного состава и техники, используя пехоту для прикрытия терминалов и аэродромов. Правда, угрозу для них представляли главным образом свои собственные части, охваченные паникой и дезорганизованные. В итоге примерно треть экспедиционных сил полегла в бою или попала в плен к неприятелю — не меньше двух миллионов крионцев. То, что ему удалось вообще спастись, да еще со значительной частью армии, служило убедительным доказательством военного гения Горрука и вознесло его к вершинам славы.

Впрочем, для самого генерала это не имело такого значения. Не добившись победы над одним врагом, он быстро нашел другого: свое собственное правительство. В течение нескольких секунд двадцать шесть ракет одна за другой обрушились на императорский дворец и здания министерств, уничтожая все, включая Императора Джукка I и его гвардию. В разрушенный город вступила колонна штурмовиков, тщательно оберегаемая от случайностей войны. Во главе ее, естественно, шел сам Горрук.

Однако даже столь стремительная операция не принесла полного успеха: все знатные крионцы заблаговременно покинули столицу. Получив известие об этом, генерал пришел в ярость, приказав казнить ответственных за столь явный промах. Через некоторое время знать вернулась в свои кабинеты, за исключением высшего руководства милиции. Сие обстоятельство оказалось за пределами понимания Горрука, но вмешиваться он не стал, прекрасно зная, что ни одно правительство не может функционировать без экономической поддержки, которую способна дать только знать. Неохотно выслушав критические оценки своего кратковременного успеха, Император Горрук I принялся за создание нового руководящего центра, благоразумно выбрав для этой цели северные пригороды столицы, где уже разместилось военное командование. Строительные бригады приступили к созданию дворца, не уступающего другим дворцам, и бункера, достойного других бункеров.

Придет время, и он, Горрук, займется этой знатью. Правительство теперь состоит из его приверженцев, и править будет Император.

Хадсон смотрел в спину Лонго и его солдат, покидающих купол теплицы.

— Полковник был вежлив, — сказал он и облегченно вздохнул, радуясь тому, что встреча закончилась. Она не затянулась, в помещении было довольно прохладно для крионцев, хотя землянину сообщили о визите заранее, и

Хадсон перенервничал. Эт Силмарн, Катеос и Доворнобб молчали, ожидая, пока Лонго с подчиненными не выйдут из купола.

— Пуссть этто тебя не обманывает, — сказал Доворнобб. — Полковник Лонго — опытный офицер службы безопасности, а значит, искусный лжец. Ты должен быть внимателен.

— Но рано или поздно нам придется иметь дело с вашим правительством, — заметил Хадсон. — Нас так мало. Почему бы им не разрешить нам обосноваться на Генеллане? На Крione мы жить не сможем. Какие еще могут быть варианты?

— По крайней мере еще оддин, Хаасон, — ответил Эт Силмарн. — И онн не обррадуует теббя.

Лонго отпустил солдат. Обойдя свое аскетично оборудованное помещение, предназначенное для важных персон, он подошел к окну. По белому покрову бежали сероватые тени — солнце и ветер разогнали тучи. Лонго поежился и отступил к креслу. На этой заброшенной планете ему не нравилось все.

— Отвратительное место, — произнес он вслух, однако настроение у него было не столь уж плохое. Встреча с чужаком прошла неплохо. Лонго был поражен способностью человека говорить на их языке. Зазвенел звонок.

— Войдите, — сказал полковник.

Посыльный стоял на четвереньках.

— Полковник Лонго! Мы получили сооб-

шение, что генерал Горрук взял на себя руководство правительством. Джук I мертв.

У Лонго даже челюсть отвисла от такого известия, но уже через секунду выражение удивления сменилось более соответствующей случаю усмешкой. Генерал Горрук — страшная личность, но в то же время известная величина. Он, несомненно, заинтересуется его, Лонго, миссией. Офицер составил проект послания, в котором подтверждал свою лояльность новому лидеру и коротко сообщал о достигнутом.

— Пошлите это самым надежным способом. Приложите необходимые материалы, включая видеозапись беседы с чужаком, — приказал Лонго.

Ответ Императора пришел через четыре часа:

Кому: полковнику безопасности Лонго

От: Императора

Код секретности класс один. Только для Лонго.

Уведомлен о вашей деятельности, чужаки представляют угрозу. Обнаружить всех, используя любые средства. Докладывать ежедневно. Сообщить о необходимости дополнительной помощи.

Горрук.

Лонго долго смотрел на послание. В его сознании забрезжила новая идея. Риск есть, но все же стоит выступить с контрпредложением. Он уселся с шифровальной таблицей и набросал ответ:

Кому: Императору Горруку

От: полковника безопасности Лонго

Код секретности класс один. Только для Горрука.

Дополнительная помощь не требуется.

Предлагаю вашему вниманию следующий план: сохранить одного чужака под моим контролем, использовать его, чтобы подобраться к остальным. Сейчас зима, и для операций в районе местопребывания чужаков слишком холодно. С наступлением весны послать экспедицию для уничтожения или захвата чужаков, как вы прикажете.

Лонго.

Лонго перечел рапорт и сам отправил его, пользуясь личным передатчиком. Через два часа поступил ответ Горрука:

Кому: полковнику безопасности Лонго

От: Императора

Код секретности класс один. Только для Лонго.

Уничтожить чужаков. Выбор средств исполнения за вами. Об исполнении доложить.

Горрук.

— Эта зима когда-нибудь закончится? — Буккари поежилась, хотя стояла перед раскаленным камином. У нее промокли ноги, и снега были обморожены пальцы.

— Уже почти, — пробормотал Макартур, стуча зубами. Они только что рискнули совершить обход поселка по периметру. Колочая рука холода заставила обоих вернуться прежде, чем им удалось дойти до частокола. — Даю ей не больше месяца, но зато какая здоровая погода.

Буккари посмотрела на покрасневшее от ветра и мороза лицо, заметила под носом капала сосульку и тихонько рассмеялась. Пока они обогревались, Тукманиян несколько раз выходил за дровами для камбуза. Никто не удивился и тому, что этот всегда мрачный человек взялся принимать роды. Часть комнаты отделили занавеской, и там лежала сейчас Ли. По крыше стучал ветер, в камине трещали сухие поленья. Тукманиян исчез за занавеской.

— Как там дела у Лесли? — спросила Буккари.

Доусон прилегла отдохнуть у огня. Вместе с Голдберг она провела у постели подруги всю ночь. Воды отошли еще утром, и с тех пор Лесли мучили схватки.

— Не знаю, лейтенант, — Доусон зевнула. — Сейчас она спит, и я не знаю, хорошо это или плохо. Но, по крайней мере, Уинни спокоен.

Фенстермахер скорчился в углу и слегка похрапывал. Сон давался не всем, и большинство сейчас бодрствовало. Мендоса и Шмидт помогали Татуму и Шэннону с малышами. Ко всеобщему удивлению, оба ребенка скоро уснули. Предшествующие сутки они попеременно хныкали, плакали и капризничали. Холод и роды Ли согнали всех в одно место, так что домик, казалось, стал меньше.

Разговоры давно прекратились. Несколько минут стояла тишина, как вдруг из-за занавески послышались громкие стоны.

Фенстермахер очнулся ото сна и мигом нырнул в родильное отделение. За ним — с меньшей торопливостью и большим достоинством — про-

следовала Доусон. Следующие несколько минут прошли в мучительном ожидании.

— О'кей! О'кей! — послышался густой бас Тукманияна. Ли закричала.

— Давай, давай, Лесли, — сказала Доусон. — Напрягись! И кричи, не стесняйся!

— О'кей, мамаша. Ну! — рычал Тукманиян. — О'кей! О'кей! О'кей! О'кей!

— Ну же, Лесли! Еще! — подбадривала роженицу Голдберг. — Еще немного!

Ли закричала глухим горловым криком, совершенно нехарактерным для застенчивой медсестры. Все члены экипажа замерли, уставились на занавеску. На их лицах застыли самые разнообразные чувства. Деться было некуда. Все они оказались в тюрьме. И жуткий холод за стенами дома не выпускал их из нее. Попались! И вынуждены разделить на всех!

Если не боль, то неопределенность и ужас страдающей матери. Это испытание объединило их всех и заставило вспомнить давно забытые молитвы.

— О'кееей! — объявил Тукманиян полным триумфа голосом. Обитатели домика открыли глаза и посмотрели друг на друга. Ими вновь овладели отвага и надежда. Крик новорожденного провозгласил новую жизнь, и она была встречена приветственными возгласами. Уснувшие было младенцы поддержали общий переполох испуганными воплями.

Из-за занавески вышла Доусон, прижав к губам палец.

— Ш-ш! Это девочка. Ш-ш! — она погрозила всем пальцем и пошла за водой.

Буккари огляделась. Она оставалась един-

ственной женщиной, не вовлеченной в естественный процесс деторождения, и осознание этого факта почему-то доставляло ей ощущение дискомфорта. Однако времени анализировать чувства не было. Доусон в перепачканном кровью кожаном переднике возвратилась с двумя горшками.

— Наберите снега и закипятите воды! Быстро! Нам нужно побольше горячей воды! — распорядилась она, не обращая ни к кому лично. Мендоса и Шмидт поспешили исполнить ее приказ.

— Все в порядке? — спросил Татум.

— У нее кровоизлияние, — пробормотала Доусон, скрываясь за занавеской.

В спешке она неплотно закрыла полог, и перед глазами присутствующих предстало впечатляющее зрелище. Тукманиян с выражением стойкой решимости на обветренном лице склонился над распростертой матерью, его руки были по локоть в крови. У изголовья кровати замерла перепуганная Голдберг, держа голого младенца. Доусон со спутанными волосами стояла выпрямившись, с чистыми полотенцами в руках, и смело ожидала новых распоряжений. Спиной к зрителям, стоя на коленях, застыл Фенстермахер.

— Лесли. У нас ребенок, Лесли. У нас ребенок, — всхлипывал мужчина. Прижавшись щекой к кровати, он гладил ее руки: — Я люблю тебя, Лесли. О, Лес, я так тебя люблю. Не уходи.

ГЛАВА 39. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЛОТА

Адмирал Рунакрес построил свои кораблениосители зигзагообразными колоннами: впереди «Тасмания» и «Эйр», на котором находился он сам, — никаких сигналов, только лазерные коммуникаторы; пока все системы оповещения подтверждали то, что их прибытие прошло незаметно.

Р-К-2 — планета возможного противника — находилась на своей орбите в противоположной точке системы, а звезда-солнце Рекс-Калиф маскировал их приближение к Р-К-3. Рунакрес приказал выслать три корвета для разведки и обследования планеты.

После трехдневного перехода «Перегрин-1» вышел на орбиту. Два других корвета держались поодаль, выполняя роль пикетов и коммуникационных станций для прямых лазерных передач. Столпившись в исследовательском отсеке, вся научная группа внимательно изучала планету, используя все доступные пассивные средства. После десяти витков никаких радарных или коммуникационных сигналов обнаружено не было.

— Похоже, там холодновато, — заметил Кармайкл, пилот корвета.

— Да уж точно, командор, — сказал Годунов, помощник Квинн по геологии. — У планеты эксцентричная орбита. Сейчас почти на всей ее территории зима. А вот и хорошая новость: приближается весна.

— Надо сказать Квинн — пусть побыстрее отыскивает что-нибудь, — пожаловался Кармайкл. — Сколько можно сидеть без дела.

— Я сразу же сообщу о находке, ты узнаешь первым, Джейк, — вмешалась Квинн.

— Да уж так будет лучше. Удачи тебе, Кэсси.

— Спасибо, — вздохнула Квинн и еще раз посмотрела на консоль. — Черт возьми, — тихо выругалась она.

— Что-то не так? — спросил Годунов.

— Нет, Нестор. Просто я хочу, чтобы что-нибудь, ну, хоть что-то появилось. Ничего! — в ее голосе явно прозвучало раздражение.

— Успокойтесь, — посоветовал Годунов. — Из всех известных планет эта наиболее перспективная, несомненно альфа-зет.

Квинн промолчала.

— Мы их найдем, командор, — продолжал Годунов. — Пока что обследовано не более тридцати процентов суши.

— И ничего, кроме вулканов, а уж их-то хватает, — вздохнула Квинн.

В отсеке прозвучал сигнал тревоги. Офицеры вздрогнули.

— Нас поймали! — прозвучал напряженный голос Кармайкла. — Сигналы радара. Они определяют наше местонахождение!

Квинн перешла к главной консоли и взглянула на данные.

— Поняла, контакт, — ответила она. — Наши системы обнаружили пульсирующие сигналы. Похоже, это обычный поисковый радар, работающий в автоматическом режиме. Сейчас мы их зафиксируем.

— Хассон, мы считаем — вааши корабли вернулись, — сообщил Доворнобб.

Хадсону потребовалось время, чтобы понять, о чем идет речь. Постепенно до него дошло. Он уже смирился с тем, что их никогда не спасут.

— Что вы говорите? — землянин перешел на язык хозяев.

— Ваши люди вернулись, — Доворнобб благодарно кивнул, язык землян требовал от него большого напряжения. — Мы обнаружили объект на орбите. Это не крионский корабль.

— Не крионский корабль? — переспросил Хадсон. — Полковник Лонго уже знает?

— Трудно сказать, но в любом случае рано или поздно узнает. В контрольном пункте его солдаты. Катеос проверяет сейчас.

— Я мог бы поговорить с ними по радио, — разволновался Хадсон. Только теперь он все понял. Боже, флот вернулся!

Доворнобб слегка отстранился.

— Да, вы могли бы, — раздался голос Лонго. С непокрытой головой, но в защитном костюме, полковник стремительно прошел в купол. Следом за ним ворвались четверо солдат в

полном боевом облачении и с бластерами наизготовку. — Но я этого не хотел бы.

Хадсон задумался. Почему — нет? Вот он, тот кошмар, о котором его предупреждали. В горле застрял комок. Землянин сглотнул и поднял голову — Лонго в упор смотрел на него.

— Добрый день, полковник! Конечно, как гость, я могу только надеяться на ваше любезное согласие вступить в контакт с... э... — нужное крионское слово никак не находилось. — С... э... неизвестным кораблем.

— Мы ценим вашу готовность к сотрудничеству, — ответил Лонго. — Что касается неустановленного корабля, то в соответствующее время с ним вступят в контакт. И тогда мы, конечно, обратимся к вам за помощью. Сейчас же я требую, чтобы вы остались в этом куполе. Мои солдаты составят вам компанию. Уверен, что вы понимаете мои намерения, — не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел. Солдаты расположились у входа.

Катеос и Эт Силмарн незаметно проследовали за Лонго в тепличный купол. Как и положено, женщина склонила голову и опустила глаза. Когда полковник прошествовал мимо, она сделала в его сторону неприличный жест, вызвавший удивление и плохо скрытую радость начальника станции.

— Супруга! — умоляюще произнес Доворнобб, бросая взволнованные взгляды на часовых. — Не вступайте в конфликт с властями.

О вашем неуважительном отношении будет сообщено.

— Извините, супруг, — сказала Катеос. — Вы, конечно, правы. Я постараюсь сдержать свои чувства.

— Рада за вас, Хадсон, — продолжала женщина. — Они спасут людей.

— К сожалению, я не столь уверен в этом, — Хадсон прошелся по куполу и возвратился к окну. — У полковника Лонго могут появиться другие идеи.

— Что делать дальше? — спросил Эт Силмарн.

— Кому-то из нас нужно добраться до передатчика, — сказал Хадсон.

Зазвенел сигнал радиоперехвата. Квинн метнулась к своей рубке и увидела, что Годунов уже подошел к мониторинговой системе и отключил звонок. Что он там делает? Командор чувствовала, как ее охватывает тревожное беспокойство. Она подлетела поближе.

Годунов так резко повернулся, что они столкнулись.

— Контакт! — воскликнул он и возвратился к консоли. — Что это? Всего лишь серия импульсов? Интересно, что об этом думает компьютер. Нужно провести логический анализ, — он замолчал, глядя на результат. — Вы только посмотрите! Это же код Морзе!

— Что там? — нетерпеливо вопрошала Квинн, чувствуя, как похолодело в груди.

— Я его не помню и не могу прочесть. Подождите, сейчас пропущу через конвертер.

Он склонился к пульту. Квинн отвернулась, она боялась читать. Закрыв глаза, женщина помолилась. Казалось, прошла уже целая вечность.

— Что там, Нес? Ты можешь что-нибудь сказать? — не выдержала она.

Годунов нажал клавишу. По экрану побежали слова сообщения.

СОБЛЮДАЙТЕ КРАЙНЮЮ ОСТОРОЖНОСТЬ - ПАССИВНЫЙ РЕЖИМ - ВЫ ПОДВЕРГАЕТЕСЬ ОПАСНОСТИ - СЕЛНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК С ХАРРИЕР ОДИН ЖИВЫ - ПРОВЕРЬТЕ ШИРОТУ ЧЕТЫРЕ ТРИ. ПЯТЬ ЧЕТЫРЕ СЕВЕР И ЛИНИЮ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ БОЛЬШОЙ СЕВЕР-ЮГ РЕКИ - ХАДСОН.

— Нэш! — прошептала Квинн.

— Командор? — Годунов вопросительно посмотрел на нее.

— Нэшуа Хадсон. Второй офицер моего мужа. Что-нибудь еще? — отрывисто спросила она и подошла к консоли. Пальцы ее дрожали.

— Это все. Повторено несколько раз.

— Передайте сообщение командору Кармайклу. Пусть приготовится к переходу на более низкую орбиту и выходу на указанную широту. Остальных пригласите сюда.

Квинн чувствовала, как в ней зарождается паника.

Доворнобб закончил передачу программы, состоящей из весьма необычной последовательности точек и тире. Он опасался, что солдаты Лонго будут охранять вход в радиорубку, но

все оказалось намного легче. Передача прошла через станционную компьютерную сеть. Ученый беззаботно вышел из центра наблюдения.

В коридоре толпились солдаты во главе с полковником. Бежать бессмысленно — выхода нет. Он попытался пройти в другой, более широкий коридор, но один из подручных Лонго преградил ему путь и даже оттолкнул к стене. Толстое стекло завибрировало от удара.

— Ученый! — окликнул его полковник. — Что это вы здесь делали? — в голосе Лонго звучала едва сдерживаемая ярость.

— Э... я... да... я... — никакого вразумительного объяснения на ум не приходило.

— Он передавал информацию на наш спутник связи, по моему распоряжению! — прокричал Эт Силмарн, которого не подпускали ближе солдаты. — Наша исследовательская программа продолжается. У нас много научных проектов, впрочем, вы, полковник, и сами об этом знаете, — начальник станции все же пробился через заслон солдат. За ним, опустив голову, следовала Катеос.

Лонго нетерпеливо отмахнулся и позвал одного из солдат.

— Ну?

— Это не были сигналы вызова спутника, — отпартортовал тот.

— Э... Это из-за того, что линия связи не функционирует, — запинаясь, произнес Доворнобб, пытаясь придать хоть какое-то правдоподобие объяснению Эт Силмарна. — Пришлось переходить на другой канал вызова, так что вряд ли ваш техник знаком с этим сигналом, — он продолжал в таком духе еще с минуту, ус-

ложняя свое объяснение техническим жаргоном, пока Лонго, наконец, не поднял руку.

— Довольно! — рявкнул он и повернулся к технику. — Ну?

— Я всего лишь техник по коммуникационным системам. То, что говорит ученый, мне не совсем понятно. Звучит, по-моему, вполне убедительно.

Лонго кивнул, отпуская солдата, и обратился к Эт Силмарну.

— Не буду спорить по поводу вашего объяснения, но я отдал приказ, запрещающий радиосвязь вообще. Мне крайне неприятно, что вы, похоже, не стремитесь к сотрудничеству. Для подтверждения своего недовольства я приказываю арестовать ученого Доворнобба. Он будет находиться в заключении, пока я не приму другого решения.

Катеос рванулась вперед.

— Вы не имеете такого права. Он ничего не...

— Арестуйте также и женщину. Мне надоели ее выходки, — Лонго повернулся спиной к обескураженным ученым. — Уведите их.

— Полковник! — Эт Силмарн едва сдерживал эмоции. — Хочу напомнить вам, что эти двое ученых имеют опыт общения с чужаками, которого нет ни у кого другого. Без них не обойтись даже вам.

— Вы слишком скромны, Эт Силмарн, — усмехнулся Лонго. — У нас есть компьютер с лингвистической программой. Есть вы. И вы достаточно умны, чтобы понимать все возможные последствия некоторых необдуманных действий, чего не понимают ваши пылкие товари-

щи. И еще, мы забыли о самом чужаке! Он очень неплохо говорит на нашем языке. Так что, как видите, мне совершенно не нужны эти не умеющие себя вести интеллектуалы. Могу только посоветовать вам: если вы желаете, чтобы они, скажем так, остались в добром здравии, то проявите благоразумие и не вступайте в конфликт с властями. Вы меня понимаете? А теперь уведите этих!

Солдаты задвигались. Доворнобба сбили с ног и попинали.

— Какие дикари! — закричала Катеос, бросаясь к своему супругу. Один из солдат грубо оттолкнул ее.

— Нет, Катеос! Не-е-ет! — Доворнобб рванулся к ней, но удар дубинкой по голове погрузил его в беспамятство.

— О Высочайший, полковник Лонго сообщает о присутствии неопознанного космического корабля на орбите Генеллана, — доложил Горруку один из его адъютантов.

— Что? — Император оторвался от обеда.

— Полковник Лонго уверен, что флот чужаков вернулся, — офицер вжался в пол, ожидая гнева хозяина.

Горрук встал из-за стола.

— Флот чужаков вернулся! Сколько кораблей?

— Три корабля в пределах видимости с Генеллана, о Высочайший. Полковник относит их к категории сопровождающих, а не межзвездных. Вражеский флот пока не обнаружен, но

полковник дает информацию о предполагаемом секторе его местонахождения. По приказу Лонго запущены два разведывательных зонда для сбора данных, необходимых для активизации системы планетной обороны. Он рекомендует выслать первый перехватчик незамедлительно.

Итак, вражеский флот вернулся! У Горрука не было выбора, необходимо созывать Совет глобальной обороны. Защита планеты входила в компетенцию этого международного органа и определялась статьями договора, хотя Горрук, будучи главой ведущей военной державы, мог сам предпринимать первые шаги. А вот потом все уже решалось Высшим Командованием Планетарной обороны, нейтральным органом, с согласия и одобрения правительств. При мысли о необходимости вести переговоры с недавними врагами у Горрука испортилось настроение, пропал аппетит, но он подумал, что вряд ли кто-то будет чинить препятствия его намерениям. Память о прошлом вторжении чужаков еще жила в сознании крионцев.

— Объявить состояние готовности планетарной обороны! — приказал Горрук. — То, что советует Лонго, вполне разумно. Первая волна перехватчиков пойдет по моему приказу. Сообщите Лонго, пусть атакует вражеские корабли на орбите.

— У полковника есть еще одна рекомендация.

— Что там? — нетерпеливо рявкнул Император.

— Он говорит, что прежде, чем наши перехватчики войдут в указанный сектор, пройдет целых два лунных цикла. А потому предлагает

скоординированную атаку на противника. Преждевременное нападение на орбите только насторожит их главные силы.

Горрук ненадолго задумался.

— Передайте полковнику Лонго, что наши мнения совпадают.

— «Перегрин» обнаружил вероятный лагерь экипажа «Харриера», — докладывал командир группы. — У командора Квинн есть хорошее фото поселка, хотя из-за облачности и снега определить со стопроцентной уверенностью, что это искусственное строение, нельзя. Сейчас мы работаем над увеличением.

Пока шел устный доклад, на экране возникло изображение поверхности планеты. Огромное пространство занесенного снегом озера пересекала прерывистая линия следов. Следы вели к воротам форта. Сам частокол представлял из себя ряд прямых линий, образующих неправильный пятиугольник. Темные прямоугольники сооружений с трубами каминов подтверждали, что это обитаемый поселок.

— Почему вы считаете, что это наши люди? — спросил Рунакрес.

— Мы не уверены в этом, адмирал, — ответил офицер штабной разведки. — При максимальном увеличении видны двуногие существа, но они одеты в какие-то громоздкие одежды, вероятно, шкуры. Наши выводы базируются в первую очередь на близости поселения к тем координатам, что были названы в

сообщении мичмана Хадсона. И еще, адмирал: ничего другого не обнаружено.

— Насколько это близко к купольной станции? — спросил Уэллс.

— Даже не на одном континенте, капитан, — ответил командир группы. — Хотя у меня есть отчет еще об одном строении. Сейчас...

На экране появилось абстрактное голографическое изображение планеты. Образ вращался, давая возможность увидеть оба объекта, о которых шла речь.

— Недавно обнаруженный объект находится здесь, около устья той самой большой реки, возле которой расположен предполагаемый поселок экипажа «Харриера». У нас есть фотографии...

Изображение на экране снова сменилось.

— Как ни странно, при инфракрасной съемке «картинки» нет. Мы полагаем, что это холодное железо.

— Дайте еще раз фото поселка, — сказал Рунакрес.

На этот раз командир группы дал максимальное увеличение и передвинул лазерный указатель на экране.

— Обратите внимание, лошади. По крайней мере, очень похоже.

— Лошади! — воскликнул Рунакрес. — Одомашненные животные скорее указывают на наличие туземного населения, вы не считаете? Было ли у наших время приручить диких животных?

— Я не могу на это ответить, адмирал, —

офицер разведки пожал плечами. — У нас здесь нет никого, кто знал бы хоть что-то о лошадях. Только замечу, что, если бы на планете были другие поселения туземцев, мы должны были их обнаружить.

— Какие еще известия о спутниках? — спросила Мерривезер.

— Наши сенсоры нашли семь спутников, капитан, — ответил разведчик. — Из них пять, похоже, ведут наблюдение за планетой, а два следят за нами с помощью радаров, причем, один проявляет особую коммуникационную активность. Мы считаем, что это пилотируемый корабль.

— Кажется, наше прибытие уже ни для кого не секрет, — заметила Мерривезер. В рубке повисла похоронная тишина.

— Командор Квинн запрашивает разрешение на посадку спускаемого аппарата, — сказал, наконец, командир группы. — Модуль совершит посадку возле поселка. Место это изучено, все необходимые данные по характеру рельефа имеются. Правда, погода не вполне способствует. Значительная облачность, сильные ветры.

— Отказать, — ответил Рунакрес. — Сначала нужно собрать побольше информации и дожидаться лучших погодных условий.

На пульте у Уэллса зазвенел коммуникатор. Дежурный офицер внимательно выслушал сообщение.

— Адмирал, обнаружены радары в режиме поиска. Что-то направляется к нам.

Рунакрес поднялся.

— Франклин, это штаб. Вызываем «Тасма-

нию». Командир группы, прекратить все контакты. Любые приближающиеся объекты перехватывать и уничтожать.

— Стандартное предупреждение, адмирал? — спросила капитан корвета.

— Вы слышали, капитан, перехватывать и уничтожать! — повысил голос Рунакрес.

— Полковник Лонго, — доложил техник, — телеметрия оборвалась. Вероятно, наши зонды уничтожены. Радары противника не работают.

Для Лонго это уже не имело значения. Он обнаружил вражеский флот. От шести до восьми космолетов. Их местонахождение было зафиксировано, и теперь перехватчики шли к цели, не нуждаясь в радарх.

Полковник взглянул на ученых, стоящих перед ним на коленях.

— Ваша преданность будет вознаграждена, а ваши услуги потребуются в ближайшем будущем.

Ученые Мирртис и Х'Ааре подобострастно поклонились и вышли. Лонго смотрел, как они уползают прочь, прекрасно понимая, что нарушает инструкции Императора Горрука. Нет, всех чужаков он не убьет, но дорога к власти уже открыта.

ГЛАВА 40. СНОВА ВЕСНА

Ребенка Ли называли Хоуп — Надежда. Девочка росла крепкой и здоровой. Ли не умерла — она отчаянно цеплялась за жизнь, но оставалась слабой всю оставшуюся часть зимы. Фенстермахер не отходил от нее ни на шаг, исключение составляли только часы дежурства. Буккари сквозь пальцы смотрела на некоторые его нарушения, зная, что без его помощи молодой матери не обойтись. Скромная и непритязательная, Ли была всеобщей любимицей, и все переживали за нее. А пока ее болезнь только усугубляла чувство всеобщей беспомощности, нарастающее с каждым днем непрекращающейся зимы. Весна... да придет ли она когда-нибудь?

Постепенно, однако, появлялись первые признаки смены времени года: снег оседал, ветер уже не обжигал лицо, на ветках запрыгали энергичные птички, из норок выскакивали на солнышко любопытные грызуны; зелень еще не появилась, но голые стволы и ветки уже набухали соком.

Но по-настоящему весна возвестила о себе однажды утром нестройной, но мощной сим-

фонией великой реки — огромные льдины со скрежетом напозали друг на друга, сокрушая все на своем пути; неодолимая сила могучего потока, ломая хрупкую броню, заставляла дрожать землю и вибрировать воздух. Напуганные земляне поначалу решили, что судьба испытывает их очередным землетрясением — они пережили их немало, — но в этих звуках было что-то необычное, живое.

— Река! — закричал Макартур, в котором дремали детские воспоминания о канадской весне. — Река! Ледоход! Зиме конец!

И пошел дождь.

— Интересно, что происходит, — размышлял Хадсон. Охрана чем-то обеспокоена, персонал почему-то волнуется и возбужден, военные модули совершили несколько рейсов на орбиту и обратно. Он уже знал — там транспортный корабль, стало быть, что-то случилось или должно вот-вот случиться.

Охрана затихла: Хадсон обернулся — по проходу в сопровождении солдат шел Эт Силмарн. В руках начальника станции был знакомый сверток. Землянин вежливо поклонился, ученый протянул ему защитный костюм, который Хадсон надевал во время суборбитального полета на Золотой Прииск.

— Одевайтесь. Пришло время вернуться. Возьмите костюм, — приказал Эт Силмарн. Хадсон заметил, что у крионца включен передатчик — должно быть, Лонго прослушивает все

их разговоры. Им овладело беспокойство. Собираются ли его отпустить или используют как приманку?

— Мне потребуется немного времени, — ответил он по-крионски.

— Полковник приказал поторопиться, — сказал Эт Силмарн. — Вам нужно одеться потеплее. Отправляемся сейчас же.

— Надеюсь, мое пребывание здесь не оказалось для вас бесполезным, — Хадсон принялся складывать свои вещи, стараясь максимально выиграть время. — Я доволен вашими успехами в освоении нашего языка. Кстати, как действует компьютерная программа, разработанная Катеос? Вы не хотите ее проверить?

Эт Силмарн неловко улыбнулся.

— Спасибо за комплимент. Вы очень добры, но не надо больше вопросов. Пожалуйста, поторопитесь.

— Кэсси, — Кармайкл перешел на командную линию связи. — Флот принял ваши рекомендации, разрешил посадку. Переходим на более низкую орбиту. Как только выйдем на расчетное место, то сразу же отправим модуль на планету.

— Поняла, Джейк, — ответила она. — Наконец-то.

— Нет, ты только посмотри на эту штуковину! Ну и громадина! — Годунов не отрывался от оптического телескопа, наводя резкость вручную.

— Что там такое, Нес? — спросила Квинн.

— Пилотируемая платформа чужаков. Та, которую мы отслеживали, большая. Должно быть, это межпланетный корабль, — продолжал Годунов. — Маневрирует на низкой орбите. Надо сообщить командору Кармайклу. Вот! Посмотри! Не поверишь.

Квинн прильнула к окуляру. Годунов не ошибся в своей оценке. Спутник — космический корабль — был не менее тысячи метров в длину! Индикатор движения замигал. Она до максимума увеличила изображение и как раз вовремя: от большого корабля отделялись какие-то объекты — вспыхнули огоньки.

— Скажите командору Кармайклу, что от корабля чужаков отделились два объекта, предположительно — спускаемые модули. Что-то подсказывает мне: они ищут то же, что и мы.

Дождь шел несколько дней без перерыва, и снега почти не осталось — с гор понеслись вниз бесчисленные ручейки, и большая река, обычно не слышная в поселке, загремела, заревела и забурлила, словно хвастая приобретенной силой. Солнце, выглядывавшее все чаще из-за облаков, спешило наполнить своей неистощимой энергией почки и цветы. Из едва прогретой земли торопливо проклюнулась первая травка, как по волшебству, превратившая унылый, серый и грязный пейзаж в зеленый и по-весеннему веселый; в тени, под защитой деревьев, появились цветы, смело раскинув фиолетовые лепестки и наполнив воздух свежим дерзким ароматом.

Закутавшись в меха, Ли сидела на солнышке, с завистью наблюдая за ожившими обитателями поселка. Хоуп спала на груди матери. На пороге командной избышки стоял Фенстермахер, прислонившись к деревянному косяку двери.

— Тебе не холодно? — спросил он. — Я могу принести еще мехов.

— Все нормально, Уинни, — ответила Ли. Судя по голосу, она уже достаточно окрепла. — Надо и мне подниматься на ноги — много работы, скоро настанет время посадок.

— Буккари приказала мне заботиться о тебе: побольше лежи на спине, — заявил Фенстермахер. — Я ее приказы нарушать не собираюсь, так что остаток жизни...

— Что? Ты собираешься заботиться обо мне или держать меня на спине? Не думаю, что лейтенант имела в виду именно это.

Глуповато улыбаясь, Фенстермахер опустил голову, рассматривая свои башмаки.

— Иди на рыбалку, — предложила Ли. — Вон идет Нэнси, она составит мне компанию. Уходи отсюда. Убирайся. Проваливай, — к ним, осторожно обходя лужи, направлялась Доусон.

— Намек понял, — сказал Фенстермахер, снимая со стены рыболовные принадлежности и радуясь предоставленной ему свободе. Лесли наконец-то выздоровела и теперь быстро набиралась сил. Он не хотел больше сидеть возле нее, как на привязи, — гордый отец, счастливый мужчина, но особое удовольствие доставляло ему то, что сейчас он идет на рыбалку.

Внимание его привлекли крики — пример-

но в сотне метров вниз по склону из своей берлоги вылезал медведь: его шкура взлохматилась и свалаялась; животное, не отойдя еще от зимней спячки, медленно брело, поглядывая по сторонам. Хищника преследовали Честен и О'Тул, криками и прыжками отгоняя в нужную сторону. Шэннон, прижав к плечу приклад винтовки, терпеливо ждал. Медведю эти наскоки, вероятно, надоели. Решив, что двуногие существа слишком уж осмелели, он повернулся к своим преследователям и перешел в контрнаступление — О'Тул и Честен обратились было в бегство, но, столкнувшись друг с другом, упали на землю. Подняться оказалось не так-то просто — ноги разъезжались по грязи. Перепуганные охотники рванули от опасности на четвереньках. Положение спас Шэннон: он ринулся к месту происшествия, крича и размахивая винтовкой. Когда до медведя оставалось не более пятнадцати шагов, сержант остановился и, почти не целясь, выстрелил. Хищник, втянув голову в плечи, помчался в лес.

Воцарившуюся было тишину нарушил хохот Фенстермахера, потешавшегося над незадачливыми охотниками, барахтающимися в грязи. Узнав его голос, они досадливо поморщились и погрозили кулаками.

— Вы бы сами на себя посмотрели, парни! — потешался Фенстермахер. — Ну и вид! Ребята, а чистое белье не надо? Вот почему там так скользко было! Какой рассказ вечером у костра!

— Эй, Уинни, перестань, — умоляюще пробормотал Честен.

— Что-то я не видел, Фен, как ты охотился на медведей, — попробовал зацепить насмешника О'Тул.

— Я не такой рогатый, — парировал Фенстермахер, — и не такой тупой.

— Успокойся, друг, и полегче, — посоветовал ему Шэннон, приближаясь с винтовкой в руке и с обезоруживающей улыбкой на лице. — Эти джентльмены всего лишь выполняли мои указания. Ты же не хочешь посмеяться и надо мной, а?

— Черт, да! Ты попал в точку! Это же будет легенда! Вы, ребята, прославитесь, к тому... а-а-а! — сильные пальцы сержанта обхватили шею Фенстермахера, он почувствовал, как пятки отрываются от земли, и выронил снасти, пытаясь обеими руками разжать железную хватку.

— Ну, а теперь, Уинни, старина, расскажи все еще разок, — ласково произнес Шэннон. — Расскажи, какие это смелые ребята, какие герои, как тебе до них далеко. Ну! — пальцы слегка разжались.

— Смелые... как моя задница, — прохрипел отважный Фенстермахер. — Просто... пара клоунов.

Покачивая головой, сержант передал пленника Честену. Тот сгреб беднягу своими крепкими руками так, словно это был не помощник боцмана, а мешок муки.

— Он ваш, парни, — сказал Шэннон. — Поступайте с ним по справедливости.

Честен, улыбаясь, повернулся к озеру, но внезапно остановился. Улыбка исчезла с его лица. Он запрокинул голову вверх.

— Что это?

Руки его разжались, и Фенстермахер возвратился на землю.

— Что там, Джокко? — спросил сержант, подбирая винтовку.

— Какой-то шум... — но теперь необходимости в объяснениях уже не было, все слышали... чувствовали. Звук приближался, но это не был уже привычный шум двигателей самолета.

— Там! Там! — закричал Фенстермахер, указывая вверх. Все задрали головы.

Серую пелену облаков прорезало раскаленное лезвие пламени. В воздухе стоял вой, а вскоре показался и его источник — черный цилиндр спускаемого модуля чужаков. Через секунду — второй! Два черных цилиндра на огненных столбах спускались из-за туч. Вот они скользнули к северному горизонту и исчезли из виду. Приземлились! Причем, совсем рядом, в долине. Вой двигателей достиг предела и, когда уже казалось, что барабанные перепонки не выдержат, резко оборвался. Люди отняли руки от ушей, вслушиваясь в наступившую тишину. И в ней, этой новой тишине, пришедшей на смену хаосу первого, по-настоящему весеннего дня, было что-то пугающее.

Когда земляне поднялись, все уже закончилось. Модули стояли совсем близко, но шок пережитого только начал сказываться: нервные окончания, оглушенные сенсорной перегрузкой, отреагировали на тишину судорожными действиями, гудящие уши и ослепленные глаза послали в мозг запоздалые импульсы, мускулы задргались, желудок, железы, кишечник отреагировали на контроль нервной системы — ло-

гику мыслей затмила паника, мужчины и женщины закричали.

Первое узнаваемое ощущение — это жар, нахлынувший на поселок; за ним последовал запах горящего дерева. Ощущения — нити, ведущие к здравомыслию — именно они пробудили людей от гипноза ужаса. Фенстермахер первым пришел в себя и огляделся: Шэннон, прищурившись, схватил винтовку и приготовился открыть огонь, Честен, поблескивая расширившимися зрачками, пригнулся. Сержант что-то кричал, но Фенстермахер не понимал его, слыша только гудение в голове. О'Тул ходил по кругу, не воспринимая окружающего. Шэннон схватил его за локоть и ударил ладонью по щеке. Только тут Фенстермахер понял, что сержант обращается к нему. Напрягшись изо всех сил, он услышал его голос, шепот на фоне водопада.

— ... возвращайтесь в поселок! — надрывался Шэннон.

Фенстермахер тупо кивнул, довольный, что смог, наконец, что-то понять. Он повернулся к поселку и побрел вверх по склону — навстречу им бежала Буккари.

— Что нам делать? — спросил Шэннон.

— Дай подумать! — крикнула она, все еще прижимая ладонь к ушам.

Фенстермахеру казалось, что едкий запах жженого дерева впитался во все его поры. Ярκο-оранжевые языки пламени уже лизали верхушки деревьев, в небо поднимались черные клубы дыма. К собравшимся на берегу уже бежали из поселка Макартур и Уилсон.

— Сарж! — закричала Буккари. — Соби-

райте женщин и детей и уходите отсюда! Возьмите лошадей и скрывайтесь в лесу. Мак, — продолжала она, все еще говоря громче, чем требовалось. — Обойдите всех остальных и возвращайтесь. С оружием! Когда Шэннон уйдет, следуйте по берегу, пока не увидите меня или Уилсона — ожидайте сигнала. Рассейтесь и не приближайтесь, пока я не позову. Если нас не увидите, действуйте по своему усмотрению, но только не наглумите. Уходите и постарайтесь остаться в живых.

— Есть, лейтенант, — решительно ответил Макартур, но в глазах у него промелькнула тревога. Она кивнула ему и повернулась к Уилсону.

— Канонир, мы с вами — комитет по встрече! Пошли!

— Мечты сбываются, — пробормотал Уилсон, играя желваками.

Группа людей распалась. Фенстермахер первым добежал до ворот форта, забыв валявшуюся в грязи удочку.

Весенние потоки слабы. Два дня понадобилось Браппе и Киббе, чтобы добраться до цели. Вполне оперившиеся воины, они были избраны для первого после зимы контакта с длинноногими — великая честь. Еще не долетев до поселка, они услышали грохот, расколовший небо, и увидели черные стрелы, прожегшие облака. Браппа подал предупредительный сигнал и сильнее заработал крыльями. Свежий ветер понес их к югу. Зловещие черные ци-

линдры опустились в лесу, неподалеку от берега озера. Все вокруг в радиусе полета стрелы превратилось в пепел.

У самой границы этой выжженной зоны стояли длинноногие. Браппа узнал Ту-которая-командует и Того-который-готовит-пищу. Еще два длинноногих бежали с оружием к месту посадки. Воин перенес свое внимание в другое место. В обоих цилиндрах уже открылись выходные отверстия, и пришельцы, одетые в одинаковую форму и с оружием, спускались на землю.

— Люди-медведи! Длинноногим грозит опасность! — просвистел Браппа. — Воин Кибба, возвращайся и сообщи обо всем, что мы видели, вождю Браану. Нам придется воевать!

Кибба замахал крыльями, набирая высоту. Ему предстоял тяжелый путь домой. Браппа остался парить над потревоженной долиной.

Буккари и Уилсон шли, обходя обгоревшие деревья. В задымленном воздухе висел тяжелый запах пепла и тлеющей древесины, под ногами скрипела почерневшая земля. Корабли чужаков были видны издали, они превосходили высотой любые модули землян. Мощные двигатели вырыли в земле огромные воронки, над которыми и возвышались инопланетные гиганты, опираясь на шарнирные опоры. Буккари оглянулась — далеко на берегу она заметила Макартура и Честена. Уилсон потянул ее за рукав. К ним приближались три крионца, одетые в темно-красную форму.

— Останься здесь, канонир, — приказала

Буккари. — Не выпускай Макартура из вида. Возьми вот это, — она передала Уилсону пистолет и стала подниматься вверх от озера. Раскалившиеся камни обжигали ноги даже через толстую кожу ботинок.

Когда до чужаков, все ещедвигающихся на четвереньках, оставалось шагов сорок, она остановилась. Буккари надеялась увидеть Хадсона, но его в группе не оказалось. Зато среди тех, кто стоял у модулей, лейтенант узнала Эт Силмарна, его светлый костюм выделялся на фоне остальных, облаченных в серое, крионцев — их было двадцать.

Трое в красном, наконец, приблизились к ней. Их главный поднялся на ноги и несколько обеспокоенно огляделся. Затем он снял шлем и кивнул. Два других крионца остались в шлемах. Один из них, вооруженный бластером, достал из объемистого кармана черный ящичек и положил на землю.

Главный громко произнес что-то по-крионски. После короткой паузы из электронного переводчика раздался безжизненный голос.

— Я приветствую вас.

Что все это означает? Буккари с отвращением посмотрела на коробку. Где Катеос? Где Хадсон?

— Эт Силмарн! — крикнула она, оставляя приветствие без ответа. — Где Хадсон?

Солдаты, окружавшие ученого, поднялись на ноги и заслонили его.

— Говорите со мной, — сказал тот же крионец; механический монотонный голос не давал ни малейшего намека на чувства или интонации. — Говорите медленно.

Буккари расправила плечи и твердо посмотрела на возвышавшегося перед ней гиганта.

— У вас один из моих людей. Где Хадсон?

Крионец подождал перевода. Отчаяние и злость овладели Буккари, страх совершенно исчез. Шок от потрясшего ее приземления чужаков прошел, и теперь при мысли о том, что случилось, в ней закипала ярость. Зачем им было нужно садиться так близко? Была ли в этом какая-нибудь необходимость? Еще несколько метров, и все земляне были бы искалечены или погибли.

— Да, Хадсон у нас, — ответила коробка. — Он...

— Где? — закричала Буккари, перекрывая его ответ. — Если он с вами, приведите его сюда! Немедленно! — коробочка забулькала.

Крионец заговорил снова, медленно, но более громко.

— Пожалуйста, подождите, пока я закончу.

Буккари вскинула голову и в упор посмотрела на чужака, потом шагнула к электронному переводчику и отбросила его ногой в сторону. Ящик оказался неожиданно тяжелым, и она больно ушибла палец.

— Хадсон! — снова закричала она, смелея от собственного гнева. — Хадсон!

Гигант отступил на полшага. Один из сопровождавших его солдат наклонился к аппарату, поднял и внимательно осмотрел, отыскивая повреждения. Крионцы заговорили между собой. Один из них побежал назад, туда, где толпились остальные. Главный уставился на

Буккари со странным выражением на лице. Она ощущала его страх.

Конечно, их разница в размерах была комичной. Буккари думала, что со стороны кажется рассерженной мышкой. Громадному крионцу совершенно нечего пугаться, но он напуган, и причиной тому ее ярость, благодаря которой ей удавалось контролировать ситуацию. Что из этого выйдет? Возле Эт Силмарна появилась маленькая фигурка — Хадсон! — и направилась в ее сторону, сопровождаемая четырьмя крионцами.

Лейтенант молча ждала, чувствуя, как успокаивается, как затихает злость. Подошедшие остановились в нескольких шагах от нее, один из солдат выскочил вперед с другим электронным переводчиком, идентичным первому. Соединив коробку шнуром с разъемом в шлеме главного, он встал рядом с ним, держа аппарат в руках и зорко наблюдая за Буккари. Старший крионец надел шлем.

Она взглянула на Хадсона, тот попытался улыбнуться в ответ, но у него вышла лишь беспокойная гримаса. Буккари помахала ему. Он нерешительно поднял руку, указывая пальцем в небо. Появление Хадсона смягчило ее, она стала увереннее, решительнее, сама удивляясь своей смелости.

— Почему вы приземлились так близко? — спросила лейтенант, решив перехватить инициативу. — У нас есть раненые, — металлический голос компьютера передал ее слова. Главный крионец выслушал перевод и сам сказал несколько предложений..

— Мы приносим извинения, — сообщил ящик. Крионец старался говорить покороче: — Мы хотели опуститься за рекой... Мне очень жаль... Мы не смогли изменить траекторию.

Его ответ прозвучал довольно правдоподобно. Спуск с орбиты на планету с такой плотной атмосферой — сложный маневр, особенно для машин вертикальной посадки, не обладающих аэродинамическим качеством. Приятного мало, но этот вопрос можно считать закрытым. Она еще раз напомнила себе, что воевать с крионцами бессмысленно, что наиболее верный путь к спасению лежит через сотрудничество, значит, нужно подавлять негодование и злость.

— Почему Хадсон и Эл Силмарн под стражей? Разве Хадсон не может возвратиться к своим товарищам? Где Катеос?

— Вас зовут Шал, — раздалось из коробки. — У нас о вас самые лучшие отзывы... Правда ли... что вы женщина?

— Я старший офицер, — раздраженно ответила она и закусил губу, чтобы сдержаться. — Да! Я Шал! Дайте мне поговорить с Хадсоном.

— Сейчас его подведут, — сказал крионец. — Простите за задержку... но мы хотели... проверить этот прибор... он хорошо работает... да?

— Этот — да, — ответила она, невольно поджимая все еще ноющие пальцы.

Крионец бесстрастно взирал на нее. Буккари уже не ощущала его страха.

— Я полковник Лонго... официальный представитель Северной Гегемонии... мне приказа-

но... установить контакт... с вашей расой... и определить предварительные условия... будущих взаимоотношений.

Взаимоотношения! Это звучало обнадеживающе!

— Я лейтенант Шал Буккари, — сдержанно ответила она, — из космических сил Теллурианского Легиона. Наше желание состоит в том, чтобы сотрудничать с вашим правительством.

— Очень хорошо, лейтенант Шал, — крионек отвернулся и что-то сказал одному из подчиненных; на этот раз перевода не последовало. Адъютант подал знак, и стража подвела Хадсона. Что же, ее сотрудничество принесло первые плоды.

— Хэлло, Нэш! — крикнула она, как только он подошел ближе.

— Флот вернулся, Шал, — ответил Хадсон, но крионек тут же поднял руку и сказал что-то громко и отрывисто. Пилот, вероятно, понял.

Флот вернулся! Пораженная этим известием, она не сразу обратила внимание на слова Лонго.

— Повторяю, — говорил полковник, — вы должны произносить слова разборчиво и поочередно... чтобы переводчик мог эффективно действовать... — он посмотрел на землян. — Позвольте мне продолжить. Лейтенант Шал выразила желание сотрудничать с моим правительством, — Лонго повернулся к Хадсону. — Это и ваше желание? Да?

Тот что-то быстро ответил на чужом языке. Прибор медленно перевел.

— Чего вы хотите от нас?

Полковник сердито посмотрел на Хадсона, потом перевел взгляд на Буккари.

— Это место мало способствует... оформлению... таких отношений... которые мое правительство... желает с вами установить. Холодно и далеко... Мне приказано... перевезти людей... на станцию Золотой Рудник... Там общаться легче... Вам будет удобнее... Вы найдете все необходимое... Хадсон подтвердит мои слова.

Буккари пыталась обдумать ситуацию, но одна мысль доминировала над всем, не давая сосредоточиться. Флот вернулся! Флот вернулся! Она заставила себя почувствовать реальность. Сейчас нужно решить нынешние проблемы, а мечты... мечты потом! Лонго повторил свое предложение. Лейтенант знала, что крионцы попросят их об этом. С их точки зрения, это имело смысл. Она посмотрела, стараясь определить его выражение. Как много еще не сказано!

— Когда и каким образом будет осуществлена полная передислокация? — в груди снова шевельнулось беспокойство. Флот вернулся. Все изменилось.

— Вас девятнадцать, так?

— Да, девятнадцать... э, нет! Двадцать! — поправились Буккари. — У Ли родилась девочка.

Хадсон улыбнулся. Лонго внимательно слушал, склонив голову.

— Сейчас! Сегодня. Мы все осуществим в один день, — оживился крионец. — У меня есть средства... для транспортировки всей вашей группы... нужно лишь спустить второй мо-

дуль... Будет шумно... но вы все перейдете... в первый модуль... Они звуконепроницаемые.

Компьютер выплевывал слова Лонго, лишённые интонаций, акцента, тона, но сами по себе они прозвучали зловеще — паук говорил с мухой. Буккари молча слушала. Как же все сложно! Насколько легче было в космосе! Под ее ногой прополз по черной корке обгоревшей земли жучок. Жизнь и смерть идут рядом, одно движение ее ноги, и... Женщина подняла голову.

— Полковник, — голос ее был тверд. — Мы согласны выполнить ваши рекомендации.

Лонго кивнул и отвернулся с выражением удовлетворения на лице. Но Буккари не дала ему возможности отдать соответствующие распоряжения.

— Однако, — продолжала она, лихорадочно обдумывая план, — ваша посадка вызвала некоторый переполох. Кое-кто убежал. Потребуется несколько часов, а может быть, и дней, чтобы собрать их всех. Давайте условимся — перенести встречу на завтрашнее утро. К этому времени все будут на месте... или, по крайней мере, мы сможем точно определить срок готовности.

Лонго обдумал ее ответ.

Хадсон быстро сказал что-то по-крионски.

— Полковник, — заговорила коробка-транслятор, — Эт Силмарн может оказать содействие. Его здесь знают и ему доверяют. Позвольте ему пойти с нами.

Буккари кивком показала, что согласна с Хадсоном. Они перехватили инициативу.

Квинн почувствовала, как модуль выскользнул в бездну космоса и отошел в сторону. Она сжала свой блокнот, стиснула зубы и постаралась прогнать страх. ВПМ плыл по орбите неподалеку от корвета. Вместе с ней в пассажирском отсеке находились Годунов и двое военных. Теперь уже недолго.

— Модуль отошел, — доложил пилот.

— Понял, — ответил Кармайкл. — Расчетное время десять минут. Не прозевайте. У нас может не появиться другой такой возможности опуститься на эту планету. Можете включать двигатель.

— Есть, капитан, — откликнулся пилот. — У нас все в порядке.

— Командор Квинн, — продолжал Кармайкл, — у вашего пилота приказ возвратиться на корабль через пять витков. Если понадобится больше времени, предупредите меня. Сами знаете, особенно развернуться нам не дадут. Всего вам хорошего! Желаю удачи.

— Я поняла вас, командор, — ответила она. — Спасибо.

— Я настаиваю на осторожности, — говорил Эт Силмарн. Они шли к поселку по обугленной земле, чувствуя на себе пристальный взгляд полковника. — Лонго хочет, чтобы вы погрузились в модуль. Он отпустил меня и Хассона... это игра. Он хочет казаться чес-

стным. Не доверряю. И куда я пойду без топлива для компрессора?

Буккари оглянулась через плечо. Полковник все еще смотрел им вслед.

— Где флот, Нэш? — спросила она. — На орбите? Сколько кораблей?

— Я ничего точно не знаю, Шал, — ответил Хадсон. — Катеос говорит, что на орбите, по меньшей мере, один корвет. Пробовал послать им сообщение, но получили ли они его — неизвестно.

По мере приближения к поселку радость Буккари по поводу возвращения флота ослабевала. Перед ними стояли другие проблемы, требующие незамедлительного решения.

— Не верю я этому Лонго, — сказала она, упрямо выпятив подбородок. Положение изменилось. В этих условиях нельзя особенно рисковать. Спасение возможно.

— Лонго что-то задумал, Шал, — предупредил Хадсон. — Он упрятал Катеос и Доворноба под замок и пытался помешать мне связаться с тобой. Опасный парень.

— Полковник говорит от имени правительства, — сказал Эт Силмарн. — Для правительства вы угроза. Они нападут на вас.

— Но мы же ни на кого не нападали! — Хадсон почти кричал.

— Но вы не можете доказать это! — ответил крионец.

— Нет, не можем, — сказала Буккари. — Для этого требуется время и связь с флотом.

— Этого не будет, — ученый покачал головой. — Правительства не будут ждать. Они

покаялись уничтожить всех, кто угрожает Криону.

Слова ученого встревожили Буккари. На берегу их встретил Уилсон. Дальше пошли быстрее. Крионские корабли исчезли за деревьями. Через несколько минут они увидели Честена и Макартура. Лейтенант подбежала к ним. Над ее головой вдруг захлопали крылья — с ближайшего дерева взлетел охотник.

— Это Тонто, — сказал Макартур, обнимая Хадсона. — Он тоже встревожен.

— Мак, флот вернулся, — сообщила Буккари, чувствуя, как к глазам подступают слезы, и отвернулась.

Но этого никто не заметил.

ГЛАВА 41. КОНФРОНТАЦИЯ

Рунакрес сидел перед погасшим контрольным пультом: радары включены, а детекторы, работающие в пассивном режиме, не обнаружили ничего — ни радаров, ни лазеров, ни направленных электромагнитных излучений. Ничего — молчание на всех диапазонах, и так уже несколько недель. Ему хотелось только одного: как можно быстрее отправить на планету спускаемый модуль. Только тогда, забрав своих людей, можно будет думать о другом, о том, стоит ли сражаться за эту планету, насколько нужен землянам новый дом?

— Адмирал, «Перегрин» отмечает активность на визуальных сенсорах, — доложил дежурный офицер. — Они сообщают о движущихся объектах.

— Идентификация проведена? Траектория движения? — спросил Рунакрес.

— Нет, сэр. Они сейчас пытаются провести параллаксую триангуляцию.

— «Перегрин» уже отправил ВПМ?

— Только что, сэр. Модуль готовится к спуску.

— Держите меня в курсе, — распорядился адмирал.

— Есть, сэр.

Рунакрес снова бросил взгляд на молчащую панель — ждать больше нельзя. Лучшая стратегия — это вступить в бой раньше, атаковав противника на дальних подступах.

— «Тасмания», переходите в активный режим. Связаться с оперативным центром флота, — приказал он.

— Есть, адмирал, — отозвался Уэлс. — «Тасмании» немедленно перейти в активный режим! Передать информацию на центральный пункт. «Тасмания», поняли?

Радары «Тасмании» включились в режим поиска. Электромагнитные импульсы, посланные по всем направлениям, устремились к возможным целям — тактический экран замерцал голубым светом.

И вот лучи радаров вернулись, отразившись от встреченных препятствий, и на экране появились точки света. И сколько! Боевые компьютеры мгновенно проанализировали цели и дали их характеристику: корабли-носители и корветы. Загорелся и кружок, обозначающий положение Р-К-3: чуть в стороне два из трех корветов флота со знакомыми опознавательными кодами, третий огибал планету по орбите.

Компьютер подал сигнал тревоги, автоматически приводивший в состояние готовности все системы обнаружения. Целей было много, ближайшие из них войдут в зону поражения через три-четыре дня, естественно, при сохранении данных характеристик полета.

— О Боже! — вздохнул кто-то. Адмирал не узнал голос, но про себя согласился с мнением неизвестного офицера: сотни, нет, тысячи це-

лей заполнили экран — целое созвездие атакующих перехватчиков, ракет и, несомненно, макетов.

— Молитвами делу не поможешь. Объявить готовность номер один, — спокойно приказал Рунакрес. — Сигнализируйте боевой порядок 1-1-дельта. Всем кораблям перейти в активный режим. Для начала попробуем их расколоть, а?

— Все корабли в активном режиме, — доложил дежурный офицер.

— Отменить высадку модуля. «Перегрину-1» забрать ВПМ на борт, — распорядился адмирал. — Командир группы, отзовите корветы.

Из-за береговых утесов медленно вставало солнце. Лонго выглянул из открытого люка корабля. Людей не было: он пришел в ярость — все пошло не так. Корветы чужаков внезапно покинули орбиту, сбежали. Он слишком долго ждал. Горрук будет недоволен, нет, взбешен! Его главная задача — захватить и убить чужаков на Генеллане — приобретала дополнительную значимость. Полковник поежился, воздух был сырой и холодный, и усилил обогрев защитного костюма.

— Полковник Лонго! — закричал часовой. — Чужаки идут!

Лонго облегченно вздохнул. Он подошел к люку и стал спускаться по трапу, вдыхая отвратительный запах сырого пепла, проникающий даже через фильтры шлема. По черному полю двигались две фигурки. Не доходя нескольких десятков метров, визитеры останови-

лись — дальше пошел один, другой остался на месте, оба высокие. Шал среди них не было, не вернулся и Эт Силмарн. Отсутствие крионца не беспокоило полковника, рано или поздно необходимость восполнить запасы топлива для дыхательного аппарата заставит его вернуться, иначе — смерть. В приближающемся чужаке Лонго узнал Хадсона.

— Приветствую вас, Хадсон! — закричал он, с трудом скрывая свое отвращение к этому хрупкому созданию.

— И я приветствую вас, полковник, — ответил землянин.

— Какие новости вы принесли? Я смотрю — Шал с вами нет. Что с ней?

— Лейтенант Шал передает извинения, но она не смогла прийти, — сказал Хадсон. — Растянула связки, когда искала по лесу своих людей. Ничего серьезного, но придется полежать несколько дней.

— Несколько дней! Какое несчастье! Но ведь мы можем перенести ее на корабль и оказать помощь здесь?

— Дело не только в этом, — ответил Хадсон. — К сожалению, не все прошло успешно, половина наших людей еще не найдена.

— Что вы говорите?

— Мы очень хотим воспользоваться вашим предложением, полковник. Здесь холодно. Лейтенант Бук... лейтенант Шал предлагает вам возвратиться на орбиту и не ждать нас здесь в холоде. Через два-три дня мы будем готовы. Если вы оставите нам передатчик, то можно будет ежедневно связываться. Эт Силмарн

вполне обладает опытом работы с радио и согласен остаться с нами для этой цели. Конечно, ему потребуется еще запас топлива для дыхательного аппарата.

«Они обманывают меня», — подумал Лонго, молча выслушивая тщедушного чужака.

— Очень жаль, — проворчал он, с трудом сдерживая закипающую ярость. — Не такое уж это простое дело — вернуться на орбиту. Топливо, да и много еще чего. Почему бы не привести сюда тех, кто отыскался? — может, среди них окажется и Голдберг.

— Но нам требуются люди для поисков, — возразил Хадсон.

— Хорошо, мы подождем еще один день. Сообщите Эт Силмарну, что я требую его возвращения, — прорычал Лонго. — Немедленно! — полковник отбросил маску дипломата. Теперь это было ни к чему — выбор сделан.

Хадсон кивнул, повернулся и медленно пошел прочь.

Утро следующего дня выдалось ясным и холодным. Макартур глубоко вдохнул морозный чистый воздух. Хороший будет денек, теплый. При этой мысли он скорчил гримасу. Уж чего-чего, а тепла хватит, даже, наверное, с избытком, но только не от солнца! То, что Буккари приказала устроить засаду, удивило его, но и внушило уважение к женщине. Он не предполагал, что она решится на такой шаг, но открыть первыми боевые действия значило пере-

хватить инициативу у хорошо вооруженных крионцев, а от этого зависело их выживание. Ход сделан — назад дороги нет.

Стоя перед домиком, капрал не сводил глаз с Тонто. Охотник расположился в ветвях самого высокого на полуострове дерева, откуда можно было вести наблюдение за всем прилегающим к поселку районом.

Тонто вскрикнул. Крионцы уже на берегу и приближаются к форту! Макартур свистнул в ответ, давая знать, что сигнал принят. Потом перебежал к сторожевой вышке, расположенной на той стороне, откуда вероятнее всего появятся враги. Сверху на него смотрели Честен и Пети.

— Еще раз. Когда я начну стрелять, вы, ребята, делаете по два выстрела каждый! На поражение! — добавил он. — Два точных одиночных выстрела. Никаких очередей. Быстро стреляете и сразу же убираетесь отсюда! Без геройства! Поняли меня?

Оба кивнули, Макартур собрался уходить.

— Мак! — крикнул Честен. Макартур обернулся.

— Ты тоже, Мак, без геройства, — умоляюще сказал Честен.

Капрал махнул рукой, но ничего не сказал. Потом побежал к другой вышке, чуть дальше по склону. Ее занимали О'Тул и Гордон. Дав им такие же инструкции, Макартур метнулся к домику. Он быстро взбежал по ступенькам, переступил порог и вошел внутрь.

В помещении было холодно, три ночи в камине не разводили огня. Капрал поднялся по лестнице на чердак. Здесь было посветлее, че-

рез три проделанных в бревнах бойницы проникали лучи утреннего солнца, выхватывая из темноты три фигуры: Буккари, Шэннон и Хадсон ждали его. Поляна с южной стороны частного сада лежала внизу, как на ладони. Лейтенант просунула в бойницу карабин.

— Они идут, — сообщил Макартур и, подойдя к стене, выглянул наружу через узкое отверстие. Вдали тускло блестели корабли неприятеля. Видимость прекрасная, свежий ветерок... Снова крикнул Тонто. Охотник сорвался с дерева и, поймав воздушный поток, устремился вверх.

— Они уже в лесу, — сказал Макартур. — Пора за работу.

— Шал! Я пойду с Маком к воротам, — сказал Хадсон.

— Да, отсюда из пистолета стрелять бесполезно, — согласился Шэннон.

— О'кей, будьте осторожны, — сказала Буккари, не отрываясь от бойницы.

— И вы тоже, лейтенант, — ответил Макартур. — Как только они начнут палить из лазеров по этой избушке, вы нам позавидуете. Не задерживайтесь тут.

Буккари повернулась и улыбнулась ему. В улыбке не было радости, но он все понял.

Макартур кивнул и направился к лестнице, Хадсон последовал за ним. Они спустились, выскочили за дверь и побежали через двор к главным воротам. Ждать оставалось недолго. Оба расположились за приоткрытой дверью, с пистолетами в руках. Первый залп — их.

Когда они отстреляются, придется отступать через задние ворота: общий сбор в лесу,

примерно в километре от поселка, где их уже ждет Эт Силмарн. Там же и лошади с грузом, Татум и Уилсон отвели всех в горы, к одной из обнаруженных О'Тулом пещер. Цель засады, задуманной Буккари, состояла в том, чтобы задержать крионцев и дать возможность женщинам с детьми уйти подальше.

Ожидание затягивалось. Внезапно Тонто пронзительно свистнул. Макартур прильнул к щели — в кустах что-то шевелилось. Он замер. Крионские солдаты, растянувшиеся цепью, появились на опушке. Они шли осторожно, огромные, с лазерными бластерами наизготовку. Впереди катилась короткоствольная пушка. Позади солдат были видны офицеры в темно-красных мундирах.

Выйдя на поляну, цепь остановилась, а трое разведчиков поползли через открытое пространство к главным воротам. В руках солдаты держали инфракрасные детекторы. Их командир тоже выдвинулся вперед и почти поравнялся с передовой шеренгой. Он указал налево, и трое солдат побежали на фланг, в то время, как остальные медленно двинулись к воротам. Макартур покачал головой — как бы крионцы не обошли их с тыла, тогда путь к отступлению будет отрезан. Метрах в пятидесяти от частокола один из разведчиков что-то крикнул офицеру, указывая на свой тепловой детектор. Следующие за ним солдаты остановились, а затем опустили на землю.

— На счет «три», — прошептал Макартур. — Раз... Два... Три!

Хадсон выстрелил через узкую щель в заборе, а Макартур, пригнувшись пониже, при-

жался к дверному проему и трижды нажал на курок. Расстояние было небольшое, и он видел, как крионский разведчик, пошатнувшись, упал на землю.

Почти одновременно пульсирующие лучи лазерных бластеров метнулись к воротам, за которыми укрылся капрал. Раскаленные голубые молнии ударили по деревянной преграде. Пехотная пушка, стреляющая очередями, присоединила свой голос к этому смертельному урагану: разрывные снаряды размели ворота в щепки, но Макартура там уже не было, — откатившись в сторону, он вскочил на ноги и кинулся к задним воротам. Ни лазеры, ни снаряды не причинили Хадсону ни малейшего вреда, но взрывная волна отбросила его к стене, а упавшее сверху бревно ударило по голове.

Обернувшись на бегу, Макартур бросил взгляд на офицера и понял, что положение того безнадежно. В грохоте разрывов он различил выстрелы своих товарищей — громкий треск винтовок и сухие щелчки карабина Буккари. Последних он насчитал не менее пяти, слишком много! Из домика еще стреляли, когда крионцы перенесли огонь на жилое строение и над головой капрала запели снаряды. Он знал, что дом долго не устоит, огонь уже охватил крышу. Во все стороны летели камни и куски дерева. Бросив взгляд через плечо, Макартур не увидел сторожевых вышек. Их попросту не стало. Поддерживающий их частокол представлял из себя стену пламени, но четверо землян уже соскочили на землю и неслись ему наперерез. Они пробегали около домика, когда рухнула охваченная огнем крыша

и над жилищем взметнулся столб искр и дыма. Макартур остановился, охваченный ужасом. Неужели не выбралась?

К нему бросился Честен и, крепко ухватив за локоть, потащил за собой. Капрал пробежал шагов двадцать и опять остановился: ноги онемели, голова кружилась, но в ней было одно — Буккари погибла, Шал больше нет. Еще одна очередь из пушки, и южная стена рухнула, но зато из клубов пыли и дыма выбрались две фигуры и помчались к ним. Макартура словно пронзило током, в кровь хлынул адреналин, все его существо, казалось, взлетело на крыльях невыразимой радости. Он повернулся и побежал вслед за товарищами. Все целы, кроме мичмана Хадсона.

Лонго достиг частокола как раз вовремя, чтобы увидеть убегающих людей. Солдаты еще успели выстрелить им в спины, но заплечные ранцы уже опустели, отдав свою огневую мощь штурму. Пушка тоже промахнулась. Полковник прошел через догорающие ворота, нырнул в их дымовую завесу и вышел из нее около разрушенного строения. Осмотрев развалины, он с удовлетворением отметил, что вряд ли кто-то мог выбраться отсюда живым. Огонь еще ревел, пожирая деревянные останки. К Лонго на четвереньках подбежал адъютант.

— Четверо наших солдат убиты или умирают, полковник. Шестеро ранены, из них двое серьезно. Все бластеры нуждаются в перезарядке.

— По крайней мере, здесь тепло, верно? — пошутил полковник, но тут же нахмурился. Чужаки оказались таким противником, с которым приходилось считаться. Да, он их явно недооценил.

— Да, полковник, — адъютант огляделся. — Если на нас нападут, мы окажемся в тяжелом положении.

— Какие у них потери?

— Намного меньше, — доложил подчиненный. — Один ранен. Он у ворот. Может умереть. Это тот, кого зовут Хадсон.

Полковник Лонго улыбнулся.

— А! Небольшая, но победа! Пусть солдаты с бластерами отойдут к кораблям и займутся перезарядкой. Возвратиться как можно скорее. Вызовите подкрепление, с пушкой. Бластеров у нас хватает. Раненого чужака отнесите к кораблю, нужно, чтобы он остался в живых — заложник может пригодиться.

Поддерживаемый теплыми потоками, Браппа парил высоко в небе. Когда начался бой, он опустился ниже. Схватка оказалась короткой, но весь поселок уже горел, не осталось ни одного целого здания. Колонна людей-медведей бежала по берегу к своим кораблям. За ними медленно брела группа раненых. Те солдаты, которые остались в поселке, заняли позиции вдоль частокола сохранившейся задней стены. Двое из них протиснулись через узкую дверь и осторожно осматривали местность.

Браппа поднялся выше. Длинноногие уже

вышли к месту встречи и отходили в боевом порядке. Браппа увидел тяжело нагруженных лошадей и большую фигуру человека-медведя. Охотник сомневался в мудрости такого решения, ведь из-за лошадей длинноногих будет легче проследить.

Снова раздались выстрелы. Над краем леса поднялись дымки. Один из преследователей упал, а люди-медведи ответили настоящим ураганом огня. Загорелись деревья, но Браппа заметил, как двое длинноногих перебежали открытое место и укрылись в кустах. Он узнал своих друзей.

Татум беспомощно наблюдал, как над поселком поднимается черное облако дыма. Из-за холмов он ничего больше не видел и не мог судить о масштабе разрушений. Татум сполз вниз и возвратился к пещере. Один большой вход, но внутри места хватало всем — неплохое укрытие, но сколько им придется здесь просидеть?

Татум перелез через валуны, прикрывавшие довольно высокий, по пояс, лаз. Рядом шумел ручей — ледники начали таять, ближайший к ним находился метрах в трехстах. От его внушительной голубовато-зеленой руки, распростершейся чуть выше, веяло холодом. Сам ледник во всем его великолепии отражался в мореновом озере, чьи прозрачные изумрудные воды застыли пониже. Там же, но южнее, гремел целый каскад водопадов, и шум

падающей воды заставлял людей говорить громче обычного.

— Ну что там, Сэнди? Что ты видел? — тревожно спросила Доусон. — Еще горит? — она отступила от входа.

— Еще горит, — раздраженно бросил Татум. — Уже четыре часа, — он сделал несколько шагов, пригнувшись, затем выпрямился — потолок резко поднимался, и в пещере можно было стоять. Татум, однако, тяжело опустился рядом с Голдберг и забрал у нее дочку. Все старались держаться поближе друг к другу, чтобы хоть чуточку согреться. Татум не разрешил разводить огонь, пока не стемнеет и мрак не замаскирует дым.

— Что мы будем делать? — спросил Фенстермахер. Ли с девочкой лежали рядом с ним, укутанные в меха. Обе спали.

— Сидеть и ждать, — ответил Татум. — Сами мы ничего не решим.

— А что, если мы проиграем? — не унимался Фенстермахер.

— Не бывать этому! — вскинулся Татум. — Мы их на кусочки разорвем!

— Что ты говоришь? У них преимущество в огневой мощи. Не знаю, зачем только Буккари решила остановиться на этом варианте.

— Потому что флот вернулся, и, судя по тому, что произошло, она выбрала верно, — сказал Уилсон. — Пока нас не поймали, остается шанс спастись.

— Но как долго? — спросила Доусон. — Сколько это будет продолжаться? Хватит ли у нас сил?

— Это наша планета, — неожиданно вмешался обычно молчаливый Тукманиян. — Крионцы этого не знают, но она наша. Это... это наше моральное право.

— Моральное право, Тукс? — хмыкнул Фенстермахер. — Занимайся лучше своим шитьем. Нитка да иголка — вот твое моральное право!

— Мораль здесь не при чем, — сказал Уилсон. — Это называется выживанием.

— В конце концов, это одно и то же, — ни на кого не глядя, ответил Тукманиян. В пещере стало тихо.

У Буккари ныла спина, болела старая рана, словно в плечо насыпали горячего песка. Лазер опалил волосы, а щека покрылась волдырями, но все это было мелочью по сравнению с тем, что они потеряли Хадсона. Буккари не могла с этим смириться.

— Тонто говорит, что они потеряли шесть или семь солдат, — сказал Макартур. — Значит, их осталось пятнадцать или шестнадцать. Неплохо для начала.

— Элемент внезапности, — ответила Буккари. — Вот в чем дело. Дальше будет не так, — она обвела взглядом уставшие серые лица. Серебристый свет луны придавал им какое-то зловещее выражение. Что же делать дальше? Лейтенант не знала.

— Что у нас с патронами? — спросил Шэннон.

— Двести восемьдесят и тридцать пистолетных, — ответил О'Тул.

— Да-а, — протянул Макартур. — Пора переходить к штыкам.

— А мы не можем пожить с оружием у них? — предложил О'Тул.

— Нам нужна еще канистра с топливом для Эт Силмарна, — сказала Буккари и посмотрела на крионца. Эт Силмарн зашевелился, сбросил с себя шкуры.

— Мне лучше вернуться, — сказал он. — Слишком холодно, Шал. Топлива хватит на пять или шесть дней. Я для вас... ноша... нетт... обуза, — он стоял на четвереньках, глядя на людей, и лунный свет отражался от визора шлема. — Даже если вы добудете топливо, это вопрос времени. Я умру, — ученый отвернулся и медленно побрел по склону.

— Эт Силмарн, — резко окликнула его Буккари. Крионец остановился. — Нас спасут. Мы заберем вас с собой. И раздобудем топливо для вас.

— Но успеют ли они? — спросил крионец.

— Топливо... топливо... — мрачно бормотала Буккари. — Мы добудем топливо, — она повернулась к Шэннону. — Сарж! Сегодня наша ночь. Для них слишком холодно, но часовых они поставят. Вернемся к озеру и попробуем раздобыть топливо и оружие.

Все одобрительно закивали.

— Да, — согласился Шэннон, щурясь на бледный полумесяц.

— Да, — сказал Макартур. Он сидел молча, что-то обдумывая. — При всем уважении к

вам, лейтенант... — капрал поднял голову, но тучи затянули луну, и выражение его лица осталось для нее тайной. — При всем уважении, я думаю... рекомендую... вам передать карабин кому-то из нас, а вы с нашим крионским другом берите лошадей и отправляйтесь в лагерь. Нужно же отвезти это все туда, где в нем нуждаются. И пусть войной занимаются солдаты, а не генералы, — последние слова он проговорил поспешно, словно опасаясь, что она не даст ему закончить.

Буккари подавила вспышку гнева. В ее представлении план выглядел несколько иначе, но в предложении Макартура был смысл. Боеприпасов оставалось мало, а груз нужно доставить в лагерь. Все правильно. И кроме того, он произвел ее в генералы.

— О'кей, Сарж. Мне это не нравится, но Мак прав. Ты старший, — произнесла она. — Удачи вам, успешной охоты, главное, возвращайтесь все, — лейтенант обернулась к крионцу. — Эт Силмарн, боюсь, что у вас небольшой выбор. Сержант Шэннон постарается добыть топливо, если ему не повезет, вам придется решать, где умереть.

Крионец взглянул на нее и ответил.

— Вы правы. В любом случае я умру... Я умру свободным. Идите, а я пойду за вами, Шал.

Буккари в последний раз обвела взглядом мужчин, задержавшись на Макартуре.

— Мы задолжали им за Нэша Хадсона и боцмана Джонса, — мрачно сказала она. — И за командора Квинна, и за Вирджила Родса. Мы должны им.

Она собрала лошадей и повела их вниз по склону. Эт Силмарн последовал за ней.

Они шли всю ночь. Дважды тишину разрывали звуки выстрелов, но перестрелка каждый раз длилась недолго, что обнадеживало Буккари. Крионец и женщина шли, не останавливаясь. Дорога уходила все выше.

Станный дуэт и лошади продолжали идти все утро. Иногда, когда они поднимались на холм, лейтенант бросала взгляд на разрушенный поселок, и ее сердце сжималось. Солнце уже подходило к зениту, когда путники достигли хребта у дальнего края долины. Миновав небольшую хвойную рощицу, они услышали шум падающей воды и увидели небольшое озерцо, двумя потоками изливавшееся в долину.

— Подождем до заката, — вытирая лоб, сказала Буккари. Бросив взгляд на крутой подъем, она определила, что потребуется не менее двух часов, чтобы выйти на гребень хребта. Вести лошадей по открытому пространству слишком опасно; крионцы, несомненно, ведут наблюдение за окрестностями, и подвергать себя и груз дополнительному риску ей не хотелось.

— Вы споспособны на значительные усилия, — заметил Эт Силмарн. Ученый еще держался, но последние сотни метров восхождения отняли у него много сил.

— Страх толкает, — ответила она. — Легче работать, чем сидеть и ждать.

— А, да... страх. Медленная смерть. Трудно встречать ее, когда она не спешит, — пожаловался крионец. Он сел на залитую солнцем гранитную плиту. — Слишком много

времени... чтобы подумать... о смысле жизни. Мне страшно, и я очень устал.

— У вас есть смелость, — возразила Буккари. — Не разговаривайте, берегите силы.

— Вы тоже... смелы, — ответил ученый. — Я не так... смел. Я боюсь уснуть... Боюсь, что уже никогда не открою глаза. Так холодно.

— Мы раздобудем топливо, — попыталась успокоить его Буккари. — Спите. Ложитесь. Когда проснетесь, будете чувствовать себя лучше, — она сняла с лошадей мешки с припасами, вытащила несколько шкур. Укрыв ими улегшегося на солнце спутника, женщина привязала животных. Бросив еще раз взгляд на крионца, покачала головой. Как только можно спать под таким покрывалом! Сама она решила расположиться в тени. Хотя горный воздух был свеж и прохладен, Буккари согрелась за время пути и даже вспотела.

— А-а! — донеслось из-под груды меха. — Наконец-то тепло. Спассибо. Спассибо тебе, Шал.

— Спите.

Через несколько секунд ученый затих, и по его ровному дыханию она поняла, что усталость взяла свое. Они не спали больше суток, и все это время прошло в постоянном физическом и психологическом напряжении. Буккари бросила на землю пару шкур, завернулась поплотнее и почти мгновенно провалилась в бездну сна.

Глаза щекотали солнечные лучи. Мокрая от пота, она зажмурилась. Сколько часов они

проспали? Солнце описало в небе широкую дугу — не менее трех часов, а ей казалось, что прошло не больше трех минут. Буккари с трудом поднялась на ватных ногах и подошла ко все еще спящему крионцу. Голова болела, во рту стоял отвратительный привкус. Оглядевшись, она с удивлением заметила обитателя скал: Тонто сидел на скале неподалеку от ученого, зорко посматривая по сторонам. В руках охотник держал лук со стрелой, нацеленной на Эт Силмарна. Увидев, что женщина проснулась, Тонто соскочил с камня, убрал стрелу в колчан и отошел от ученого.

Буккари проверила лошадей, пасущихся на крохотной лужайке, убедилась, что все в порядке, и направилась к Тонто. Тот спокойно наблюдал за ней. Она заметила старые шрамы на сломанном когда-то предплечье, вспомнила тот день, когда это случилось. «Да, во время землетрясения на плато, как давно!» — и вздохнула. Земляне многим обязаны этим странным маленьким существам.

— Приветствую тебя, воин, — она сопровождала эти слова соответствующим знаком, и Тонто поклонился в ответ.

Буккари указала на крионца и так же знаком спросила:

— Зачем его охранять?

Охотник бросил настороженный взгляд на чужака.

— Опасность. Они убивают.

Женщина кивнула. Потом указала на себя и на охотника.

— Мы тоже убиваем. Мы друзья. Он — друг.

Тонто сделал протестующий жест.

— Не друг. Они убивают вас.

— Что? — воскликнула Буккари. — Что случилось?

Эт Силмарн зашевелился. Лейтенант принялась отчаянно жестикулировать, пытаясь выяснить, что произошло. Какова судьба ее товарищей? Смущенный ее волнением, обитатель скал молчал.

— Спокойнее, парнишка не все понимает.

При звуке этого голоса Буккари обернулась, не веря своим ушам. Шесть человек. Какое-то незнакомое оружие. Две большие канистры для дыхательного аппарата. Эт Силмарн моментально вскочил на ноги. Его опухшие от сна глаза не мигая смотрели на металлические емкости с драгоценным топливом. Смерть замедлила свои шаги.

— Все... все в порядке? — спросила Буккари. Шэннон, идущий позади, помахал ей рукой. Честен помогал Гордону.

— Сарж поранил спину, а Гордону обожгло плечо, — доложил Макартур. Его голос звучал бодро, но по всему было видно, что капрал держится из последних сил. — Двоих мы уложили, и это обошлось нам всего в восемь пуль. Неплохое соотношение.

— Да еще прихватили вот эти базуки с боекомплектом, — крикнул Пети. — Отличное дельце!

— Точно! — добавил О'Тул. — За один день мы сократили их численность наполовину. Как вам это нравится? Нет, война — это по мне!

Тонто резко свистнул и, проковыляв через лужайку, взобрался на валун. А потом они услышали шум, знакомый, выворачивающий наизнанку рокот, перешедший в гром. Замерев, земляне подняли головы — с неба падали на них две яркие раскаленные искры, они росли, и вместе с ними нарастал грохот. Пламя, казалось, опускалось прямо на людей, но по мере приближения становилось ясно: два адских столба огня, два модуля коснутся земли в нескольких километрах от них, неподалеку от места первой посадки. Охваченные ужасом, люди зажали уши, в смятении наблюдая, как загораются деревья, как тревожно вздымаются воды озера.

Оглушительный рев двигателей внезапно оборвался, беглецы опустили руки, постепенно приходя в себя. Воцарившаяся тишина оглушила их, и некоторое время никто не решался вымолвить ни слова. С того места, где сели крионские корабли, потянулся в небо густой маслянистый дым. Сверху посыпались камни.

— А, вот как! — простонал О'Тул.

— Черт! Подкрепление! Они получили подкрепление! — воскликнул Пети.

— И что мы теперь будем делать? — не выдержал Гордон, сжимая здоровой рукой раненое плечо. Кожаное пончо потемнело от крови. Буккари заметила, что оно прострелено в нескольких местах. «Повезло, — подумала она, — что еще жив».

Макартур повернулся к товарищу.

— Ну, так что? Чего ты разнюнился? Их стало больше? Все равно, — он обвел рукой

зеленеющую долину. — Нам что, негде спрятаться? Мы будем драться! У нас есть оружие, будут руки и стрелы! Копья!

Капрал посмотрел на Буккари. На потемневшем от усталости, осунувшемся лице горели серо-стальные глаза: в них светилась и ненависть, и страсть борьбы, и непреклонная решимость, и любовь.

Лейтенант почувствовала, как всю ее охватывают эти же чувства. Нет, борьба только начинается.

— Мак прав, — сказала она. — И не забывайте — флот уже рядом. Я рассчитываю на то, что нас спасут, но если обстоятельства помешают этому, то... будем драться!

— Лейтенант, — тихо сказал Шэннон, подходя к группе. — Я с вами, но сейчас, если вы не против, мне бы хотелось уложить куда-нибудь это старое ноющее тело. Рекомендую и всем остальным последовать моему примеру. Силы нам скоро понадобятся.

ГЛАВА 42. КОНФЛИКТ

Рунакрес в полном боевом снаряжении еще раз просмотрел все возможные варианты оборонительных действий флота — моделирование закончилось. Он повернулся к тактическому экрану, с удовлетворением наблюдая, как последний корвет занял свою позицию. На панели вспыхнул сигнал вызова.

— Да, командир группы? — адмирал отключил экран.

— Оборонительный заслон построен, все корабли на позициях. Приводим в действие план Бета-2. Противник приближается.

— Хорошо, — адмирал подтянул ремни. — Всем приготовиться к бою, Франклин.

— Есть, адмирал, — ответил Уэллс. Дежурный офицер нажал кнопку, и дисплей вспыхнул зловещим синеватым сиянием.

— Все корветы сообщают о максимальной готовности, — сказал командир группы. — Без исключений.

— Хорошо, — коротко ответил Рунакрес, переключаясь на тактический экран. На рабочих частотах царило оживление, но радиодисциплина соблюдалась: корабли обменивались

информацией о целях, распределяли сектора. С мрачной гордостью наблюдая за тем, как разворачивается его флот, готовясь встретить приближающегося противника, он думал о том, что вся эта мощь подвергнется сейчас самому суровому испытанию.

Острые атаки приходилось как раз в сердце оборонительного щита корветов. Первое столкновение — капли дождя по металлической крыше. Флагманский корвет «Орел-1» принял удар на себя. В тот же момент приборы отметили выброс кинетических ракет в направлении первых целей — «Объект поражен». Рунакрес услышал одобрителный гул, но радость была недолгой; на крышу обрушился настоящий ливень — в бой вступили уже все корветы, эфир наполнился треском разрядов, взволнованными возгласами.

Направленные пучки энергии, кинетические ракеты, пульсирующие трассы лазерных лучей пронзили пространство со скоростью света, сталкиваясь с градом боеголовок, вспыхивая взрывами маленьких комет, но весь этот грандиозный фейерверк был не более чем искоркой в громадной пустыне космоса.

Широкая сеть корветов, раскинутая, чтобы не пропустить врага к кораблям-носителям, все же оказалась недостаточно прочной и широкой: поток атакующих ракет был столь стремителен, что земляне не успевали их уничтожать, хотя командир группы и предпринял все необходимое, увеличив, в частности, вектор прогиба экрана.

— Противник прошел линию обороны. Тридцать целей уничтожено, — доложил дежурный

офицер. — Преследование продолжается. Тридцать три цели... тридцать четыре...

Более шестидесяти ракет миновали защитный экран. Рунакрес наблюдал за ними на дисплее. Каждый объект, отмеченный компьютером, снабжался всеми необходимыми данными: скорость, время подлета, расстояние, размер, возможная цель. Две такие цели уже светились — «Тасмания» и «Эйр», первый и второй корабли колонны.

— У них на мушке «Тасмания», — сказал Рунакрес. — Пусть отойдет на пол-интервала. Выдвинуть вперед «Баффин» и «Новую». Закрывать бреши.

— Есть, адмирал, — откликнулся Уэллс, не отрываясь от консоли.

— Сорок две цели уничтожены, адмирал, — сообщил дежурный офицер.

— «Тасмания» открыла огонь, адмирал, — сказал Уэллс.

Теперь уже корабли-носители обрушились на врага всей своей мощью. Счетчик пораженных целей жизнерадостно мигал, но радиосвязь почти прекратилась. Из пятидесяти восьми перехватчиков, преодолевших первую линию обороны, уцелел лишь один.

Оборонительная система «Тасмании» работала на пределе возможностей в условиях крайней насыщенности ее защитного сектора ракетами и успешно выполнила свою задачу. Лишь последний снаряд, строго следуя заложенной в него программе, пробил решетку кинетических иглоков и раскаленных лучей. Скользя метеором в опасной близости от корабля, он исчез с экрана радара. Рунакрес

все еще не отрывался от панели. И так, первая волна атаки отбита.

— Сэр, «Тасмания» получила повереждения, — доложил дежурный офицер. — Сейчас мы получим подробный рапорт. Уровень радиации держится в допустимых пределах. Повреждены внешняя обшивка и гиперсветовой генератор. Ее сносит.

— Капитан Уэллс, дайте мне связь с «Тасманией», как только это будет возможно, — приказал Рунакрес. — Пусть ее место займет «Эйр».

Отложив на время споры, члены Совета Планетарной обороны все же собрались для обсуждения проблемы первостепенной важности.

— Наша первая волна только что встрети-лась с флотом чужаков, — доложил секретарь Совета, старший офицер с заметным южным акцентом.

По залу, в котором находились представители всех тридцати трех наций планеты, прокатилась волна возбуждения. Император Горрук и десять других правителей Севера, входивших в Северную Гегемонию, занимали левую половину зала вместе с многочисленным штатом и свитой. Позади Императора сидел главный ученый Самамкоок, мрачный и молчаливый. Справа от центрального прохода расположились лидеры южного полушария. Южане постоянно спорили — то из-за протокольных мелочей, то по повестке дня, — и Горруку оставалось

только в раздражении скрипеть зубами. И этот сброд одолел его армии! Как могло такое случиться? Особенно терзало и мучило присутствие в составе делегации Юга маршала Эт Барблуса, его недавнего соперника на поле боя. Чуть ниже возвышения для секретаря помещался полукруглый стол, вокруг которого сидели члены штаба Командования Планетарной обороны, включая и назначенных недавно Горруком. Входы и выходы из аудитории охранялись вооруженными солдатами из подразделения службы безопасности СПО. Горрука раздражала необходимость подчиняться решениям Совета, но он находил утешение в том, что сумел уже добиться небольшой победы. Заседание проходило в новом командном бункере Императора, весьма впечатляющем сооружении. Правление Горрука было недолгим, но он бросил все имевшиеся в его распоряжении ресурсы на то, чтобы завершить реконструкцию столицы и придать ей милый его нраву воинственный стиль, для чего здания укреплялись с особой тщательностью. Присутствие солдат СПО вызывало у Императора смех. Стоило ему сделать знак, и здесь появлялись его закаленные в боях ветераны. Всего в городе их насчитывалось десять тысяч. При желании Горрук мог бы собрать и в десять раз больше, но значительную часть своих сил он был вынужден бросить для поддержания контроля над мятежными территориями.

Конечно, делегации Юга возражали против такого выбора места для заседания Совета, но Горрук воспользовался своими прерогативами как лидер самого большого государства и ис-

полнительный секретарь СПО. Его противники оказались бессильны. Необходимость достижения общего согласия в критической ситуации перевешивала страх и недоверие, которые питали все остальные к лидеру северного полушария.

Внимание Горрука снова привлек докладчик. На огромном экране — во всю стену — позади секретаря была представлена вся звездная система. Светящиеся точки обозначали две планеты — Крион и Генеллан — с их орбитами, солнце-звезда в центре сияла оранжевым шаром. В данный период планеты оказались на противоположных концах дисплея.

— Одна из наших ракет прорвала вражескую оборону, — продолжал секретарь. — Пока у нас еще нет сообщений о потерях противника, но, похоже, мы, как минимум, разрушили их дозорный щит, — докладчик нажал кнопку на панели, и зрители как бы устремились в район конфликта. Планеты и звезды исчезли, на экране возникла схема расположения флота чужаков.

— Нами получены данные радарной разведки на момент начала атаки. Они подтверждают наличие восьми межзвездных кораблей и по меньшей мере тридцати более мелких — сторожевых или разведывательных. Сейчас начала поступать информация от второй и третьей волн. Как видите, их дозорный экран находится в дезорганизованном состоянии. Для восстановления положения им потребуется топливо и время. Каждая последующая атака будет углублять развал системы обороны противника.

Изображение на экране опять сменилось.

На этот раз флот чужаков отодвинулся вглубь, а от Криона к нему устремились сверкающие красные стрелки. Учитывая огромные расстояния системы, они находились уже недалеко от цели.

— Вторая волна — двадцать пилотируемых перехватчиков и восемьдесят управляемых ракет — войдут в соприкосновение с противником примерно через сутки. Третья и четвертая — в таком же составе — подойдут одновременно через четыре часа после этого. Начата подготовка для последующих атак, если, конечно, они потребуются, — докладчик остановился, просматривая записи, а слушатели зашевелились.

Не спрашивая разрешения у секретаря, Император Горрук поднялся со своего места и обратился к собравшимся.

— Мы ломаем их оборону и уничтожим флот чужаков, — громко заявил он. — Агрессор будет обращен в бегство, мы выполним свою клятву, — собравшиеся изумленно уставились на него, по залу прокатилась волна негодующих криков и свиста.

— Благодарю вас, Император, — прогремел голос генерала Толсали, начальника штаба обороны. Постучав молоточком, он подавил зародившийся было мятеж и продолжил:

— Думаю, что будет благоразумно проявлять осторожность, пока исход сражения еще не определен.

Генерал Толсали, будучи урожденным северянином, считал себя нейтральным и все свои силы отдавал работе в штабе. Пожилой, переживший восемь режимов, он сохранил ясный

ум и звонкий голос без намека на чувства. Славился он и своей дипломатичностью, что не в последнюю очередь способствовало его непотопляемости.

Горрук злобно воззрился на начальника штаба, пытаясь отыскать в его словах намека на сарказм или неуважение, любой повод, чтобы излить свое раздражение, но ничего не обнаружил. Император нехотя опустил на место, а Толсали дал возможность высказаться одному из членов южной делегации. Делегат поднялся и повернулся лицом к Горруку.

— Император Горрук, — сухой, морщинистый крионец, чье знатное происхождение чувствовалось в каждом жесте, слыл заклятым врагом Севера. — Нас тревожит тот факт, что чужаки все это время пребывали в нашей системе, но только ваше правительство знало об этом.

Перед лицом настойчивых и дотошных южан Горрук был вынужден подтвердить присутствие чужаков на Генеллане, нисколько не сомневаясь, что за всем этим стоят его тайные недоброжелатели — Эт Авиан и Эт Каласс. В конце концов он не выдержал и, вскочив с кресла, обратился к своему главному обвинителю.

— Вы говорите так из невежества! Я не могу отвечать за то, что произошло при моем предшественнике. О существовании чужаков на Генеллане мне стало известно совсем недавно, и уверяю вас, знай я об этом заранее, сделал бы все, что в моих силах, дабы истребить их... как можно скорее.

— Я говорю не об этом, генерал, — игно-

рируя запальчивый тон северянина, ответил его визави. — Но почему бы нам не попытаться установить с ними контакт?

— Насколько я знаю, — рывкнул Горрук, — такая попытка была предпринята, но чужаки отреагировали на нее агрессивно. От их рук погиб один из способнейших наших ученых, — уверенно продолжал он. — Они настроены враждебно.

Делегаты переглянулись, некоторые скептически, но большинство покачало головами, соглашаясь с опасениями Императора. Недоверие к чужакам жило в крови многих поколений.

— Факт налицо, — не умолкал Горрук, — что еще один флот, состоящий из межзвездных кораблей, проник вглубь нашей системы. Разве это не доказательство их настойчивой агрессивности? Вспомните ваши клятвы. Мы обещали изгнать нарушителей, — большинство делегатов встретили его слова одобрительным шумом. Клятвы — священный ритуал истории, — Горрук почувствовал, что нашел основу для поддержки. — Наша миссия ясна. Мы должны уничтожить вероятного противника! Вы еще оцените мою бдительность и решительность!

Зал забулрил, выражая солидарность с мнением Горрука. Его противник сел, исчерпав все свои аргументы.

— Ваша бдительность и решительность не ставятся под сомнение, Император, — вмешался Толсали, поворачиваясь к собранию. — Священные клятвы нерушимы, и мы не можем позволить нового нападения на нашу планету. Чужаки прилетели сюда с враждебными намерениями. Мы дадим бой!

Вторая волна перехватчиков устремилась на потрепанные защитные порядки землян. Два дивизиона корветов получили новые предписания и шли, чтобы восполнить бреши в обороне, возникшие после выхода из строя «Тасмании». Кармайкл, пилотировавший «Пereгрин-1», думал сейчас только об одном: сколько топлива потребует эта безумная гонка.

— Выходим на указанные координаты, командир, — доложил второй пилот. — Проверка систем завершена. К бою готовы. Все отделения в порядке. Топливо на уровне двадцать два, три!

— Понял, доложите командиру группы, — Кармайкл бросил взгляд на тактический дисплей — первые ракеты противника подошли уже достаточно близко. Теперь вся проблема — топливо. К счастью, все цели взяты на прицел — перехватчики не маневрировали, — и это поможет сэкономить на управлении огнем. С двумя ракетами «Пereгрин-1» уже справился, тем не менее, озабоченность Кармайкла имела под собой все основания. Он нажал кнопку объявления маневрового предупреждения и включил зажигание в режиме «ретро».

— «Эйр» принял. Координаты уточняются, — сообщил второй офицер. — «Тасмания» по-прежнему дрейфует в секторе два, скорость смещения возросла. Связь с ней отсутствует.

— Они могут обороняться? — спросил Кармайкл.

— Только частично, — ответил второй офицер. — Две основных батареи вышли из строя,

возможность для маневра практически нулевая. Повреждения обшивки, кроме того, трудно вести оборону в этом секторе.

— Плохие новости... — начал было второй пилот.

— «Оспрей» на связи, — прервал его второй офицер, слегка повысив голос. — Цели... только теперь маневровые.

— Пикник закончился, ребята, — спокойно сказал Кармайл.

Мерривезер, не отрываясь, смотрела на тактический дисплей. В животе у нее возникло неприятное ощущение пустоты. «Тасмания» медленно, но верно выходила из модуляционной решетки, смещаясь в сектор два.

— Мы можем ее упустить, капитан, — взволнованно произнес дежурный офицер.

— Держим «Тасманию». Установите модуляционную связь. Доложите адмиралу Рунакресу. Всем незадействованным членам команды занять место согласно аварийному расписанию.

— Есть, — ответил дежурный и повернулся к своей консоли.

— Что это там делает Мерривезер? — Рунакрес недоуменно уставился на экран. — Уводит «Эйр» с основного курса!

— Капитан Мерривезер пытается удержать «Тасманию», — отозвался Узлс. — С кораблем поддерживается частичная связь.

— Но в одиночку ей этого не сделать — пусть «Баффин» и «Новая» поддержат маневр «Эйр», — сердито распорядился адмирал.

Придется Мерривезер кое-что объяснить. Ее действия вели к тому, что весь оборонительный порядок смещался на одну сторону. Воспользовавшись этим, противник мог концентрировать свои силы для удара по наиболее уязвимому месту. Рунакрес еще раз проверил положение флота на оперативной схеме и с мрачным удовлетворением отметил, что корабли начали перестраиваться по отношению к новой оси, определенной «Тасманией». Чтобы занять новые позиции, потребуется около двух часов. Слишком поздно менять что-то в расстановке кораблей, но в принципе маневр правильный. Это, пожалуй, единственное, что они могли предпринять.

— Мы в зоне радаров противника, — сообщил второй пилот.

— Да, вижу, — отозвался первый пилот, он же командир дивизиона.

Крионец посмотрел на оперативный дисплей, уточняя расположение своего подразделения. Два других перехватчика заняли свои позиции. Его задача состояла в том, чтобы вслед за двумя управляемыми ракетами прорваться через первую линию обороны противника, используя брешу, проделанные снарядами.

Все шло в соответствии с планом. На оперативном дисплее разворачивалась картина боя. Оборона противника оказалась достаточно мощной; две ведущие ракеты уже были уничтожены. Он расправил плечи, покрутил головой — шея занемела. Впереди только чер-

ное пространство, вражеские корабли где-то там, не видимые из-за огромного, разделяющего их расстояния.

Прямо по курсу яркая вспышка! Еще одно попадание, смертоносные лучи чужаков нашли свою жертву. Итак, его перехватчик вошел в зону боя. Теперь самое главное — успеть проскочить защитный экран.

— Корабль противника уходит из сектора три, — спокойно сообщил второй пилот.

Командир взглянул на дисплей: светящаяся точка — вражеский корабль — приближалась. Еще одна смещалась к краю экрана, «над головой», и устремилась наперерез, но их скорость явно не соответствовала поставленной задаче — перехват не удавался. Крионцы прорвали оборонительный щит! Командир повернулся к радару, который уже обнаружил далекие звездолеты чужаков.

Кармайкл выругался.

— Мы их не достаем! — ему оставалось лишь беспомощно наблюдать за тем, как звено противника ускользает от них. Слишком быстро — позиция корвета не позволяла перехватить прорывающегося врага. На экране появилась еще одна группа ракет, и Кармайкл пришпорил «Перегрина». Резкое ускорение — расход топлива. Нельзя допустить, чтобы через его сектор прорвалось еще одно звено.

— Сообщите на командный пункт о нашем промахе, дайте всю информацию. Пусть готовятся. Похоже, эта группа может наделать бед.

— Есть, командор, — ответил второй офицер.

— Командор, с топливом проблемы, — вмешался второй пилот.

— Знаю, знаю! — раздраженно бросил Кармайкл. — Сейчас разберемся с этими, а потом придется возвращаться. Переходим на преследование. Передаю управление.

Кармайкл откинулся от панели, опустил затекшие руки. Его место занял второй пилот. На этот раз им повезло больше — две ракеты, одна из них пилотируемая, прекратили свое существование, испарившись под смертельным лучом энергии. Но сколько это еще будет продолжаться? На сколько их хватит? Корабли заслона растянулись по широкому фронту, большинство из них действовало в режиме преследования, некоторые уже получили повреждения, другие, подобно «Перегрину-1», испытывали нехватку топлива, а значит, теряли в скорости маневра. Долго ли смогут они держать оборонительный щит в своих слабеющих руках? А корабли-носители сами по себе не могут справиться с такой атакующей силой. Кармайкл не знал ответа.

«Тасмания» беспомощно дрейфовала, выбросив за борт спасательные шлюпки. На корабле остались только те, кто обеспечивал его боеготовность. Шлюпки, крохотные мотыльки в океане тьмы, с перепуганными людьми плыли по заранее заданным векторам, поблескивая сигнальными огнями.

Крионские корабли перестроились для атаки, избрав своей главной целью «Тасманию». Командир видел, что флагман отклонился от основной боевой оси, чтобы помочь им — опасный маневр, но думать об этом некогда. Два вражеских перехватчика уже подходили к линии огня, четыре других забрались в тыл, а за ними — еще столько же. Серьезные намерения.

— Главные батареи перезаряжены. Орудия наведены, капитан, — крикнул палубный офицер. — Все цели схвачены.

— Хорошо, — ответил капитан. — Открывайте огонь на предельном радиусе.

Первые две ракеты взорвались, едва успев войти в зону досягаемости орудий «Тасмании», наведение оказалось точным. Следующее звено шло тем же курсом. Противник понимал, что лазерам «Тасмании» требуется некоторое время для зарядки, а потому самое надежное идти тем же путем, проскальзывая в ячейки оборонительной сети.

Чтобы прикрыть уязвимый сектор «Тасмании», пришлось перебросить энергию двух других батарей. Начальник отделения энергообеспечения подтвердил готовность — все сработало слаженно и четко. Поток энергии хлынул по цепи к ожидающим его лазерам, и те послали его дальше в цель. В десятую долю секунды — почти мгновенно — смертоносный шар преодолел дистанцию, отделявшую корабль-носитель от врага.

Именно в эту долю секунды три перехватчика метнулись в сторону от ведущей ракеты, которая в мгновение ока оказалась расщеплен-

ной на молекулы. Оставшиеся перехватчики сумели развернуться и с опозданием снова пошли на цель. «Тасмания» нанесла еще один удар — число ближайших противников сократилось на одну единицу.

— У «Тасмании» перегрузка основного контура, капитан Мерривезер, — доложил дежурный офицер «Эйр». — Сейчас они ее подпалят!

Сам флагман тоже бился из последних сил, ведя огонь с превышением расчетной нагрузки. Семь вражеских ракет уже были уничтожены, но далеко не все. Мерривезер переключилась на внутреннюю линию связи. Между мостиками двух кораблей шел оживленный радиообмен. С «Тасмании» доложили о еще двух попаданиях в эксплуатационный отсек.

— Мы можем им помочь? — спросила Мерривезер.

— Боюсь, это очень сложно, капитан. Противник находится между нами и «Тасманией». Можем задеть своих, а ведь там еще и спасательные шлюпки.

— Если можно что-то сделать, делайте!

— Есть, капитан.

Через несколько секунд Мерривезер услышала:

— Сэр, мы их почистили, но «Тасманию» придется заново перекрашивать. Сняли двоих прямо у нее с хвоста.

Мерривезер переключилась на свой корабль. Три перехватчика с трех сторон приближались к нему. Один исчез с экрана — цель поражена. Через несколько секунд погас еще один огонек. Зато третий был уже совсем ря-

дом, пройдя самый активный квадрант. Мерривезер охватило беспокойство, уж не слишком ли долго ее люди занимались «Тасманией». Прозвучал сигнал тревоги — столкновения не избежать. Где-то в глубине корабля раздался глухой удар. Перехватчик вонзил свой нож.

Крионец проводил глазами громадину чужаков, отчаянно пытаясь сманеврировать и избежать верной смерти. Луч его лазера прошел тонкую металлическую обшивку звездолета, и пилот улыбнулся. Ракеты тоже достигли цели. Каждая секунда выживания в такой близости от вражеского корабля означала победу: сигнал его радара с бесценной информацией уходил на Крион в Командный Центр. Другие перехватчики усилят его и донесут до дома, значит, смерть не будет напрасной. В том, что он погибнет, пилот не сомневался.

Луч энергии, жар которого крионец не успел почувствовать, смешал его атомы с атомами корабля, сделав их достоянием всей Вселенной.

— Аварийный отсек, мне нужен рапорт о повреждениях, и побыстрее! — потребовала Мерривезер. Вторая атакующая волна была уничтожена.

— Все системы функционируют, — доложил палубный офицер. — Ракетное попадание, уровень 10, сфера 123, над платформами. Пресс-

защита не пострадала, но обшивка платформы-один пробита. В двух местах поврежден жилой отсек — прожжен лазером. Предварительные данные по потерям — четверо убитых, десять раненых, восемь пропали без вести, возможно, оказались за бортом.

Мерривезер упрекнула себя — нужно было спустить шлюпки.

— Флот? Что по флоту? — спросила она у дежурного офицера.

— Наши потери — три корвета, — ответил тот. — Включая «Орел-1»

— Как «Тасмания»? — Мерривезер покачала головой. На «Орле-1» она совсем недавно служила сама.

— Состояние плохое, но они спрашивают, не нужна ли нам какая-нибудь помощь.

Мерривезер грустно улыбнулась.

— «Перегрин-1» просит буксир, капитан, — сообщил палубный офицер. — У них кончилось топливо, а «Тасмания» не может принять их на борт.

— Подтащите. А они сами не могут?

— Нет, капитан. Пустые баки. У нас сейчас есть буксиры, которые занимаются шлюпками, они недалеко и вполне могут перехватить корвет.

— Так и сделаем, — согласилась Мерривезер.

+ + +

Офицеры Командования Планетарной обороны по одному вошли в зал и заняли свои места за круглым столом пониже подиума. То,

что совещание началось с задержкой, раздражало Горрука. У него не было времени сидеть сложа руки, ожидая, пока придут все остальные; в конце концов, на нем лежит ответственность за все северное полушарие. Знать готовила заговор, опираясь на милицейские силы; до него уже дошли тревожные слухи о каких-то перемещениях соединений. И вот в такое время приходится томиться от безделья! Император повел взглядом по залу.

И замер. Главный ученый Самамкоок дружески приветствовал только что прибывшую делегацию южан, представленную знатью. Мало того, оживленная беседа шла по ту сторону прохода, на вражеской стороне. Горрук наливался гневом. Генерал Толсали обратился к собранию, но Император уже не слышал его. С чего бы это Самамкооку общаться со знатью? Тем более, с южанами? Горрук внимательнее присмотрелся к компании, в которой оказался старый идиот, — лица показались ему знакомыми, но где он мог их видеть? Имена же и давно выпали из памяти. Почувствовав, что на них смотрят, вся группа повернулась к Горруку, и даже Самамкоок не отвел глаз.

— Генерал Горрук! — громкий оклик Толсали заставил Императора обернуться, но прежде его стальной взгляд пронзил ученого. По крайней мере, Император надеялся на это.

— Извините, генерал. Вы ко мне обращаетесь?

— Да, к вам, — подтвердил Толсали, и в его тоне даже намек не осталось от обычных дипломатических ноток. — Мы получили письменное обращение с требованием остановить

перехватчики. Оно одобрено всеми лидерами южного полушария. Ко мне обратились с просьбой проконсультироваться по этому вопросу с представителями Севера.

— Остановить перехватчики? Абсурд! На нас сразу же нападут!

В зале зародился недовольный ропот.

— Какие результаты дала вторая волна? Я хочу услышать!

— Перехват идет хорошо, Император, — ровным голосом ответил Толсали. — По нашим оценкам, два звездолета выведены из строя, причем один получил серьезные повреждения. Защитный экран разорван, и составляющие его корабли понесли потери. Две следующие волны могут нанести серьезный урон противнику. Возможно, даже уничтожить его.

— И при этом вы хотите остановить наступление? — ошеломленно спросил Горрук.

— Это не только мое решение, генерал, — ответил начальник штаба. — Получена новая информация, дающая основания полагать, что чужаки пришли с миром. Я хочу выяснить, согласны ли мы приостановить атаки до окончательного выяснения обстоятельств.

Горрук бросил взгляд в сторону Самамкоока. Старик на четвереньках пробирался к подиуму.

— Кто предоставил вам такую информацию? — крикнул Император.

— Ваш собственный научный советник, генерал, известный астроном Главный Ученый Самамкоок, — на этот раз в голосе Толсали прозвучала ирония.

Горрук поднялся на ноги.

— Безумие! Ученый Самамкоок! Вернитесь на место! Правительства северного полушария не могут разделять ваши взгляды! Требую продолжения оперативных действий по перехвату до полного уничтожения врага!

Самамкоок с трудом взобрался на трибуну. Горрук потемнел от гнева и ярости, шея взбурилась от напряжения. Толсали отступил назад, предоставляя свое место ученому. Два генерала из окружения Императора поспешили к выходу. Солдаты после некоторого колебания пропустили их.

— Вы забываете, где находитесь! — кричал Горрук, разбрызгивая слюну. — Это моя территория! Вы здесь по моей милости!

— Это не ваша территория, — сказал Самамкоок, его сухой старческий голос прогремел, усиленный приборами. Сморщенное лицо, дряблая фигура — Императору хотелось раздавить его, сломать, уничтожить. — Вы похитили ее у другого вора. Мы восстановим законное правление и приведем к власти знатные фамилии.

Аудитория ахнула. Горрук не верил своим ушам.

— По какому праву... От чьего имени вы делаете такие заявления, Ученый? — злобно оскалившись, прорычал он. В холле послышался какой-то странный шум, несомненно, это его солдаты. Ничего, скоро он положит конец беспорядкам и по-своему разберется со знатью.

— Я выступаю от имени регента дома Оланта! — заявил ученый. — И в этом качестве я приказываю немедленно отозвать все наши атакующие силы! Я говорю от имени всех се-

верных крионцев. Чужаки не враги нам. Наши враги здесь, среди нас! Да будет проклят Горрук!

Ошеломленный столь неслыханной дерзостью, Император вскинул голову. Да этот старик выжил из ума!

— Ты, старый дурак! — приходя в себя, зарычал Горрук. У входа появились его солдаты и офицеры. Охрана отступила. Император повернулся к Толсали. — Это шутка. Прикажите выбросить этого старого олуха из зала заседаний. Война будет продолжена! Чужаки должны быть уничтожены! Если вы не в состоянии исполнить свой долг, я сделаю это за вас, генерал Толсали.

— Думаю, что это не так просто, генерал, — прозвучал знакомый голос. Горрук обернулся. Эт Каласс! Крионец шел по проходу в сопровождении Эт Барблуса и других представителей знати.

— Генерал, — громко объявил Эт Каласс, подходя ближе. — Вы смещены со своего поста. От имени...

— Смещен? — фыркнул Горрук. — Да вы уже мертвецы!

Обернувшись к своим генералам, он проревел:

— Схватить их!

Но тут всеобщее внимание привлек другой звук — далекой артиллерийской канонады. Император приподнялся на цыпочках и принюхался.

— Генерал Горрук! — еще громче крикнул Эт Каласс. Его голос заметно дрожал. — Со-

противление бесполезно! Армия вам не поможет. Хоть раз в жизни откажитесь от борьбы! Не берите на себя ответственность за новые смерти!

Генералы, крича и ругаясь, бросились к выходу.

— Ты умрешь от моих рук! — угрожающе прошипел Император, наступая на своих противников. Эт Каласс не отступал, но в нарастающую симфонию запахов мощно вплетался и его страх.

Здание содрогнулось. Взрыв! Бронированные стекла высоких окон завибрировали, по бункеру прошла воздушная волна. Горрук взглянул на потолок. Еще один взрыв, но мощнее и ближе. Посыпались стекла, крионцы попадали на пол. Поднявшись раньше других, Император бросил злобный взгляд на южан и устремился на четвереньках к выходу. Месть может подождать.

Теперь шум донесся уже от главного входа, и взгляды всех собравшихся обратились туда. Прозвучало еще несколько взрывов послабее, запели лазерные бластеры. Паника усилилась, у входов возникли пробки, а в воздухе запахло паленым. Снаружи в здание ввалилось с десятков имперских солдат. Залитые кровью, с почерневшими от копоти лицами, они попытались было блокировать боковые входы, но тут массивные главные двери распахнулись, и в зал хлынули милиционеры. Они растеклись по помещению, заняли ключевые позиции, встали у запасного выхода. Подразделение верных Горруку солдат встало на их

пути, но было тут же уничтожено. Остальные побросали оружие и распростерлись на полу, раскинув руки.

Горрук остался верен себе. Ему не удалось пробиться сквозь толпу во время суматохи, и теперь он поднялся во весь свой громадный рост и смело встретил врага; лицо его горело гневом и презрением. Через кольцо окружавших Императора милиционеров прошествовал Эт Авиан со свитой. Он остановился перед Горруком. Не менее двадцати бластеров смотрело на правителя Северной Гегемонии.

— Генерал Горрук, вы сдаетесь? — напряженным голосом спросил Эт Авиан. Снаружи продолжали греметь взрывы. Земля дрожала.

Сотни красных шипов, символов вражеских кораблей, мчались по сероватому экрану дисплея к синим и белым фигуркам, обозначающим флот землян. Пилоты крионских перехватчиков нисколько не заботились о своей безопасности, их действия и мысли слились в одном стремлении: уничтожить чужаков. Защитный экран перестал существовать: восемь корветов выведены из строя полностью, оставшиеся, с минимумом топлива, разбросаны по черной пустыне космоса. «Эйр» продолжал функционировать, но «Тасмания» превратилась в груды мусора, успев лишь выбросить спасательные шлюпки с экипажем. Их маяки мерцали на оперативной схеме. До следующей волны перехватчиков оставалось всего ничего — не более часа.

— Капитан Уэллс, флоту занять позиции в модуляционной решетке, — приказал Рунакрес, отводя взгляд от тактического дисплея. — Приготовиться к гиперсветовому переходу. По моей команде!

— Но, адмирал, «Тасмания», шлюпки!.. — простонал Уэллс.

— Адмирал, корветы, — напомнил командир группы.

— Выполняйте приказ, Франклин, — твердо сказал Рунакрес.

— Есть, адмирал, — ответил Уэллс. Дежурный офицер передал распоряжение. Рунакрес оттолкнулся от кресла и проплыл в угол рубки. Неудача операции тяжело легла на его плечи. Сколько погибших! И ради чего?

Он поднял голову — с флагманского мостика на него смотрела Кэсси Квинн. Ах, да, «Перегрин-1» отведен на «Эйр». Адмирал жестом подозвал ее. Квинн подплыла к нему.

— Мы уходим, командор. Мне очень жаль.

— Вы сделали все возможное, адмирал, — ответила она. — Жалеть не о чем... — женщина заморгала и отвернулась, пряча слезы.

— Адмирал! Адмирал! — закричал дежурный офицер. — Есть радиокontakt с противником! Они говорят по-нашему! И очень плохо.

— Что? — Рунакрес в изумлении привстал.

— Радиокontakt! Источник находится на Р-К-3. Опоздание сигнала пять секунд, — прокричал дежурный. — Хотят говорить с... с вами, сэр! Перевожу на вашу частоту.

— Уведомите командиров всех кораблей. Соедините их со мной, — распорядился Рунакрес.

рес, напряженно размышляя. Сообщение привело его в недоумение. С какой стати им вступать в переговоры? Их атакующие силы почти разбили его флот. Здесь какая-то ловушка.

— Кэсси, оставайтесь здесь. Мне может понадобиться ваша помощь.

— Я готова, сэр, — ответила она, вытирая глаза.

— Всем быть на своих местах и готовиться к прыжку. Ты понял меня, Франклин? — Рунакрес вернулся на свое место. — Выпустить буксиры, пусть соберут все спасательные шлюпки. Сколько у нас времени до их подхода?

— Пять минут до корветов, адмирал, — доложил Вуден. — Но у нас совсем мало топлива и...

— Все корабли-носители, кроме «Тасмании», готовы к гиперсветовому переходу по вашей команде, — перебил его Уэллс.

— Хорошо, — хрипло произнес Рунакрес. — Давайте послушаем, что они нам скажут, — он посмотрел на Квинн. Женщина кивнула. Адмирал переключился на командную частоту. Из динамика прозвучал раскатистый глухой голос.

— Срочно поговорить с вашим лидером, — в тишине затрещали помехи.

Рунакрес обвел взглядом собравшихся на мостике и глубоко вздохнул.

— Я адмирал флота Рунакрес из космических сил Теллурианского Легиона. Назовите себя и сообщите, от чьего имени вы говорите, — снова наступила тишина — сигналу требовалось время, чтобы преодолеть разделяющее их расстояние.

— Адмирал... Ру... накрес, — голос

прозвучал несколько неуверенно. — Я Ученая Катеос и говорю от имени Эт Авиана, принца Олланта и всего крионского народа, — молчание, словно говорившего испугала возложенная на него ответственность.

— Мы пришли с миром, — сказал Рунакрес, возобновляя разговор. — Почему вы неспровоцированно атаковали нас? Прием, — потянулись секунды.

— Ответить на ваш вопрос нелегко. Нужно время, чтобы все объяснить. Отложим это до более удобного случая, — ответила Катеос уже спокойнее и увереннее. — Мы остановили наступление. Но и вы не атакуйте нас. Пожалуйста, ответьте.

— Мы не нападали на вас. Только защищались. Прием.

— Прием? А, да. Это означает, что моя очередь говорить. Иногда очень трудно различить нападение и оборону. Адми... ррал. Прошшу вас продемонстрировать ваши мирные намерения и остановить продвижение. Не все крионцы убеждены в вашем миролюбии. Сотрудничество подтвердит это. Прием.

Все, кто оказался в это время на мостике, изумленно уставились друг на друга.

— Мы готовы сотрудничать, но вы должны повернуть свои корабли. Немедленно, иначе мы будем вынуждены открыть огонь. Прием.

— Команда уже отдана. Вы увидите, что перехватчики сейчас повернут назад, — ответила Катеос. — Прием.

Рунакрес перевел взгляд на Уэллса. Он был убежден — все это трюк, трюк, рассчитанный

на то, чтобы задержать флот до подхода перехватчиков.

— Есть некоторое отклонение, адмирал, — поспешно ответил дежурный офицер.

Рунакрес бросил взгляд на оперативную схему.

— Отклонение от курса увеличивается, адмирал. Скорость падает. Они уходят в сторону! — докладывал дежурный офицер.

Рунакрес, как загипнотизированный, смотрел на экран. Он, конечно, видел все эти изменения, даже на большой оперативной схеме.

— Откуда мы знаем, что это не ловушка? И откуда вы знаете наш язык? — спросил он. — Прием, — на этот раз пауза затянулась дольше обычного.

— Мы не заслуживаем вашего доверия, ад... мирал, — наконец сказала Катеос. — Надеюсь, в будущем нам удастся продемонстрировать дружелюбие, и вы поверрите нам. То, что вы осторожны, хорошо. Сейчас на нашей планете происходят перемены. Мы хотим установить дипломатические отношения с вами, как только правительство окрепнет. На это уйдет много дней. Мне приказано сообщить вам, что силы наши еще далеко не исчерпаны. У нас есть еще перехватчики. Вот что мне приказано передать вам. А что касается языка... — голос звучал более бодро, — у меня отличные учителя, Нэш Хаасон и Шал Бр... Буккари. Лейтенант Шал командует группой земляни. Прием.

Рунакрес помнил эти имена. Он бросил обеспокоенный взгляд на Кэсси Квинн. То, что

Буккари командует, означает, что Джек Квинн, по всей вероятности, мертв. Женщина стояла, опустив глаза. По ее лицу текли слезы. Внезапно она подняла голову, вытерла глаза и улыбнулась Рунакресу.

— Мы знаем эти имена, — сказал адмирал. — Для нас важно забрать своих людей. Что вы можете нам рассказать о них? Они в безопасности? Прием.

— Сейчас я о них ничего не знаю. Но у нас есть причины беспокоиться об их положении. Военные пытаются захватить людей. Там есть офицер, сторонник прежних правителей, напавших на вас. Похоже, вашей группе угрожает опасность. Прием.

— Что можно сделать, чтобы помочь им? Прием.

— О, почти ничего, — ответила Катеос. — Мы посылаем нашим военным приказы, но те отказываются их выполнять.

Рунакрес повернулся к оперативной схеме. Угроза явно миновала. Противник уходил.

— Катеос, пожалуйста, сообщите вашему правительству, что мы благодарны за прекращение боевых действий. Мы тоже хотим установить мирные отношения с вами. Но также я хочу просить ваших лидеров о том, чтобы нам разрешили послать корабль на третью планету. Мы должны помочь нашим людям. Вы сами сказали, что им угрожает опасность. Прием.

Потянулись секунды ожидания.

— Я передам вашу просьбу моему правительству, — отозвалась, наконец, Катеос. — Но сама я не могу дать вам такое разрешение. Подождите. Прием.

— Мы будем ждать следующего сеанса связи. Пожалуйста, поторопитесь. И спасибо вам, — Рунакрес повернулся к своей команде.

— Командир группы, возвратите все корветы на борт! Нам нужно быть ко всему готовыми. Теперь у нас есть время. Три корвета — состояние два. Они пойдут к планете, если мы получим согласие. Командор Квинн, вы назначаетесь ответственной за эту экспедицию.

ГЛАВА 43. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Макартур прислонился к стволу дерева, укрываясь от пронзительного ветра. Спуск в долину оказался не легче, чем подъем. Над головой проносились неприветливые серые тучи, то и дело роняя тяжелые стальные капли дождя. Опускались сумерки. Люди лежали на земле, завернувшись в пончо, безуспешно пытаясь уснуть. Численность их возросла за счет Татума, Мендосы и Шмидта, компенсировавших отсутствие раненого Гордона, который остался в горном лагере. К боевой группе хотел присоединиться и Фенстермахер, но Буккари приказала ему вместе с Уилсоном и Тукманяном взять на себя заботу о женщинах и детях. Она также не отпустила и Эт Силмарна. Ученый оставался их последней надеждой на установление дружественных отношений; он единственный мог объяснить, почему земляне напали на крионцев.

— А почему бы нам не спрятаться? — ныл Пети. — Они же нас никогда не найдут.

Макартур хотел было ответить, но его опередил Шэннон.

— Заткнись, Пети! — рявкнул он и сморщился от боли.

— Спокойнее, Сарж, — вздохнула Буккари, подходя к ним. — Пети, если не хочешь идти, оставайся. Я не хочу, чтобы с нами были те, кому страшно.

Тот опустил голову, неловко переминаясь с ноги на ногу, и ничего не сказал.

— Итак, решено, — продолжала она. — Боеприпасов у нас почти что ничего. Пришло время вооружиться. Попробуем осуществить то, что уже давно предлагали Татум и сержант Шэннон. Эт Силмарн говорит, что это единственные на планете солдаты. Подкрепления не будет несколько месяцев. Вы видели, как они работают. Мы можем с ними справиться, а если захватим модули, то у нас будет и оружие, и радио. Понимаете? Сможем защищаться, сумеем связаться с флотом — другого шанса я не вижу.

Пети кивнул.

— Да, лейтенант, извините. Теперь я все понял.

Буккари потрепала его по плечу и улыбнулась.

— Все нормально.

От группы отделился Макартур. Поднявшись на поросший лесом склон, закрывавший их от крионцев, капрал подошел к Татуму, несшему здесь караульную службу. Приникнув к земле, мужчины долго наблюдали за лагерем противника. Все четыре модуля стояли на небольшом расстоянии друг от друга. Больше ничего видно не было.

— Ну что, Сэнди? — спросил Макартур. — Как дела?

— Дела? Да расчудесные у меня дела, Мак, — фыркнул Татум. С козырька упало несколько капель. — Надоело сидеть с детишками. Я уже начал думать, что лейтенант во мне сомневается... не доверяет, — он оперся на локоть и сплюнул.

— Ты ошибаешься, Сэнди, она тебе доверяет. Хотела, чтобы ты был здесь. Сама мне так сказала.

Татум недоверчиво смотрел на него.

— Без шуток? Так и сказала? Точно?

— Так же точно, как то, что мы с тобой лежим в грязи, — ответил Макартур.

— Да, лейтенант у нас что надо, верно?

Макартур кивнул.

Из-за деревьев послышался негромкий свист. Макартур прощелкал два раза в ответ, и из мокрой чащи выпрыгнул Тонто. Он был не один: за ним следовали еще шесть охотников, включая вождя и Синего Носа. Макартур толкнул Татума в бок и усмехнулся.

— Ну, вот и наше подкрепление.

+ + +

— Полковник, получен приказ Командования Планетарной обороны: грузиться на модули и возвращаться на Крион. Особенно указано на необходимость прервать контакт с чужаками, — адъютант замер, ожидая решения командира.

Лонго сидел в кресле модуля, наслаждаясь относительным теплом и комфортом. Сообщение об аресте Императора Горрука обеспокои-

ло его, но отказаться от своей главной цели он уже не мог, она доминировала над всем остальным: секрет двигателей, дающих чужакам возможность путешествовать между звездами. Если удастся получить такую информацию, он сам сможет определять свое будущее. Но как это сделать?

— Мы не обязаны выполнять приказы Командования Планетарной обороны! — зло ответил он. — Доложите обстановку!

— Установлен двойной периметр безопасности. Сенсоры отмечают только местные формы жизни.

— Хорошо, — ответил Лонго. — Хватит игр.

Ветер ослаб. Рваные клочья облаков плыли по небу, иногда из-за них выглядывала луна, с любопытством оглядывала соседнюю планету и снова исчезала; ночь погружалась в еще больший мрак, а сверху падал дождь. Люди и обитатели скал, одинаково промокшие и замерзшие, сбились в одну кучу.

— У них камеры ночного видения и инфракрасные детекторы. Повсюду, — рассказывал Макартур. — Мы видели десять крионцев, но они держатся далеко от сенсорного периметра. Днем, возможно, мы бы и могли их подстрелить, но ночью...

— Да, страшновато, — заметил Татум.

— А мы можем как-нибудь отключить эти чертовы сенсоры? — спросила Буккари.

— Есть у меня одна идея, — начал Макартур, — только...

С холма слышался тихий свист.

— Это Тонто, — капрал поднял руку.

— Слышите? — прошептал Татум.

Где-то вдалеке злобно рывкнул двигатель, а еще через мгновение его пронзительный визг окончательно прогнал тишину.

— Полковник, мы их обнаружили, — доложил дежурный офицер. — Неподалеку отсюда, в радиусе действия минометов. *Минометный* расчет уже готов.

Такого скорого успеха Лонго не ожидал. Повернув на костюме рычажок терморегулятора, он смело вышел из корабля в сумрак и холод чужой планеты. Перешагивая через черные лужи, полковник направился к последнему модулю, где находился центр слежения. Возле каждого модуля стояли часовые. Чуть поодаль две группы солдат сгрудились возле своего снаряжения, поблескивающего тусклым металлическим отсветом. Остальные находились в кораблях, в любой момент готовые вступить в бой. Система действовала надежно, и Лонго прекрасно понимал, что от их бдительности и готовности зависит все. Убедившись, что никто не спит, он прошел к четвертому модулю и, взобравшись по трапу, протиснулся в переполненную лабораторию. Техники замерли при виде командира.

— Ну! — отрывисто бросил Лонго. — Где они?

Ему указали на экран. Полковник увидел скопление неясных светло-серых пятен — чу-

жаки — в окружении темных холодных вертикальных полос — растительность. Иногда серые пятна двигались, и тогда можно было распознать руку или ногу.

— У минометчиков есть телеметрия? — спросил полковник.

— Да, — ответил старший техник.

— Ну, так чего вы ждете? — закричал Лонго.

— В-в-вашего приказа.

— Огонь! — прорычал полковник. — Огонь, идиоты!

Дежурный пролаял что-то в микрофон, и тут же послышались глухие хлопки. В небо устремились первые мины.

Мотор гудел высоко над их головами, не видимый в ночном небе. Буккари, сколько не напрягала взгляд, ничего не могла разобрать в тумане.

— Уходим! Быстро! — крикнул Шэннон и бросился вверх по склону. Лейтенант устремилась за ним.

— Рассеяться и укрыться на холме! — крикнул на бегу сержант. Лейтенант увидела, что Макартур еще пытается что-то объяснить обитателям скал. Впрочем, те быстро поняли, что нужно уходить.

— В чем дело, Сарж? — спросила Буккари. — Разве мы не можем его сбить?

— Черт, а вы его видите? — Шэннон напряженно всматривался в ночь. — Похоже, этих штукювин там две. Пошли!

Тьму прорезали две вспышки.

— О, черт! — воскликнул Шэннон. — Ложись!

Прежде чем упасть самому, он рванул Буккари за руки, и женщина, поскользнувшись, упала на мокрую землю. Сверху на нее навалился сержант. Лейтенант больно ударилась плечом о камень, воздух вырвался из легких, и она судорожно хватала его раскрытым ртом. Внезапно в уши ударил резкий, пронзительный, все нарастающий вой. Земля содрогнулась от взрывов, и Буккари почувствовала, как дернулся Шэннон. Сержант тихонько застонал и затих.

— Черт возьми, Сарж, ты тяжелый, — прошептала Буккари, пытаясь вздохнуть поглубже. Ответа не было — он не шевелился. Вверху снова зарокотал мотор, снова завывли мины. Ее встряхнуло — тело Шэннона снова дернулось, она почувствовала его кровь. Отчаянно рванувшись, Буккари откатилась в сторону и вскочила на ноги.

— Сарж! Нет, нет, Сарж! Не умирай! — опустившись рядом с ним на колени, она заплакала. Шэннон был мертв, его спину в нескольких местах пронзили раскаленные осколки.

В ушах еще стоял звон. Буккари огляделась. Раздражающий звук зонда-разведчика снова вторгся в ее сознание. Теперь он, казалось, приближался. Она подняла голову — да, вот! Черный непроницаемый силуэт, заслонивший темное небо. В ней закипала ненависть к этому бездушному аппарату, забравшему жизнь Шэннона. Она схватила лежащую возле тела сержанта винтовку, прижала приклад в плечу, прицелилась и выпустила очередь.

— Береги патроны! — крикнул ей внезапно возникший неизвестно откуда Макартур. — Подожди до света, — он подбежал, перепрыгнув через Шэннона. — Уходим отсюда! — и опустился на колени, проверяя пульс на шее сержанта. — Уходите же, лейтенант! — еще раз настойчиво повторил капрал, снимая с убитого патронташ и бинокль.

Буккари побежала. В облаках мелькнули еще два зонда, обстрел возобновился. Лейтенант и капрал нырнули под упавшее дерево, по которому тут же ударили осколки. Срезанные, как пилой, ветки, брызнувшая во все стороны грязь забросали людей. Взрывы ушли вверх по холму, преследуя отступающих землян. Буккари и Макартур вскочили и бросились вглубь рощи — обстрел продолжался. Пробежав, наверное, сотню метров, они изменили курс и помчались к своим товарищам. Этот сумасшедший бег продолжался целую вечность. Буккари задыхалась и два раза падала. Обстрел, наконец, прекратился, но над головой все еще жужжал зонд-разведчик.

— Выскочили, — задыхаясь, произнес Макартур.

Буккари не в силах была даже стоять. Она опустилась на землю, но тут из-за кустов слышался шум. Капрал свистнул.

— Это ты, Мак? — крикнул из тьмы Честен.

— Да, Джокко. И лейтенант здесь. Кто там с тобой?

— Мендоса и Шмидт, — ответил Честен. — Шмидт ранен. Сейчас подожди.

Кусты раздвинулись. Честен и Мендоса

вели Шмидта, хотя последний, возможно, и не так уж нуждался в помощи. Из ушей у него текла кровь, у Мендосы рана пересекала щеку. Вдобавок ко всему Шмидт потерял винтовку.

— Кого еще вы видели, Джокко? — спросила Буккари. — А раненые?

— Пети, — ответил Мендоса. — Поймал мину. Мало что осталось.

Среди деревьев двигались чьи-то тени, и Макартур принялся выкрикивать имена. Они ответили; некоторые издалека. Все, кроме Пети и Шэннона. Место сбора назначили на опушке. Собирались медленно. Шум моторов зондов-разведчиков стих, вероятно, мешала низкая облачность.

— Это я виновата, — вздыхала Буккари. — Шэннон погиб... и Пети.

— Хватит, лейтенант, — оборвал ее Макартур. — Это их работа. Шэннон знал, что делает. Ваш план был хорош. Мы же не знали, что у них есть воздушная разведка.

— Черт бы их побрал! — она сплюнула.

— Все остается по-прежнему, — продолжал капрал. — У нас тоже есть воздушные силы.

Из темноты вынырнули Тонто и Синий Нос. За ними шел вождь. Приблизившись, он сообщил тревожную новость: люди-медведи вышли на их поиски.

— Так ты говоришь об обитателях скал? — спросила Буккари.

Макартур поднял пистолет, вставил новую обойму.

— Это будет воздушный бой, — сказал он. — Надо только правильно выбрать время и место.

За ночь ветер разогнал тучи. Утро, тихое и ясное, застало солдат Лонго на склоне долины, на четвереньках они передвигались гораздо быстрее, чем люди на двух ногах. За ними с некоторым интервалом следовало подразделение минометчиков. Проследить за отступившими землянами ночью оказалось невозможно из-за низкой облачности, и Лонго до самого рассвета просидел на кресле в технической лаборатории. Как только прояснилось, он приказал немедленно запустить зонд. Чужаки были обнаружены довольно быстро, но находились далеко, следовательно, угрозы не представляли. Погоня началась.

— Двигутся вдоль хребта, полковник, — доложил дежурный офицер. Лонго кивнул, не сбавляя шага. Он думал. Сенсоры зонда обнаружили семнадцать инфракрасных фигур: девять из них были больше и теплее других восьми. Техники пришли к выводу, что большие фигуры — это чужаки, люди, правда, теперь их осталось всего семь; на марше солдаты обнаружили одно покрытое насекомыми тело, а чуть позже наткнулись на останки другого. Что же означают восемь инфракрасных сигналов поменьше?

— Нам удалось сделать видеозапись, полковник, — доложил техник. — Восемь инфракрасных знаков идентифицированы: маленькие двуногие животные.

— Животные? — переспросил Лонго. — Я и не знал, что на этой планете есть двуногие животные.

— Крылатые существа, живут в горах, — пояснил техник. — Пять исчезли, осталось три.

— Крылатые существа? — Лонго задумался. Что могло означать их присутствие? Скорее всего, ничего. Можно сбросить их со счетов. — Вы опознали погибших чужаков?

— Нет, но это мужчины. Женщина осталась жива, — ответил техник.

Зонды не выпускали пришельцев из поля зрения — солдаты и их тщедушный командир-женщина... Куда они идут? И где остальные, в том числе Голдберг? Где-то скрываются. Рано или поздно зонды-разведчики отыщут их своими камерами и тепловыми детекторами, но лишь после того, как солдаты будут уничтожены. Тогда их будет легче захватить живьем.

Солнце достигло зенита, и Буккари обеспокоенно поглядывала в безоблачное небо. Далеко позади висел в безграничной синеве зонд, его гудение доносилось до них, как жужжание надоедливой мухи. Расстояние не позволяло стрелять. Это был уже второй, явившийся на смену первому после перезарядки батарей и с запасом топлива. Крионцы не упускали их. Люди укрылись в скалах, кто-то спал, кто-то жевал остатки скудного пайка: сушеное мясо и рыбу. Сейчас они находились на самом краю долины, совсем, кажется, рядом высились близнецы-вулканы.

Несмотря на страх и усталость, Буккари не могла удержаться от того, чтобы не полюбоваться чудесным видом: к западу от долины

сияло голубизной озеро, дальше, на горизонте, с севера на юг тянулись заснеженные горы, гранитные великаны, величественные и суровые, за рекой равнину покрывали огромные стада овцебыков, возвращающихся с зимних пастбищ на юго-восток.

— Будь я проклят! Совсем нет ветра! — огорченно воскликнул Макартур. — Они обнаружат нас прежде, чем мы успеем сбить этот «глаз».

— Может, уйти в лес? — предложил Татум.

— Надо избавиться от зондов, Сэнди, — ответила Буккари. — До тех пор, пока они могут следить за нами с воздуха, у нас нет ни одного шанса, — она огляделась: последняя реденькая рощица зеленела далеко внизу.

— Насколько они от нас отстали? — спросил О'Тул.

Тонто лежал на траве между двумя валунами, его хилая грудь тяжело поднималась и опускалась. Он только что вернулся из разведки и, конечно, очень устал.

— Тонто говорит, что они недалеко, — сказала Буккари. Макартур поднялся с земли и направился к скале, на которой сидели вождь и Синий Нос.

— Большая честь, — прощепетал Браан, польщенный оказанным ему доверием и ответственностью. Он потуже затянул перевязь, проверил, насколько прочно она держится и

не мешает ли движению рук. Груз, конечно, доставлял определенные неудобства, но вождю доводилось переносить и потяжелее.

— Если кто из охотников и достоин этой чести, то это ты, Браан, наш вождь, — отозвался Крааг. Старый воин грелся в лучах славы своего товарища. Оружие было прекрасно, пользоваться таким — настоящее удовольствие. Не только прекрасное, но и мощное. В общем, тот, кто имел такое оружие, получал и гордость, и силу. Смертельную силу.

— Наш длинноногий друг идет сюда, — сообщил Крааг. — Очень взволнован.

Оба охотника повернулись, чтобы поклониться длинноногому собрату по оружию. Как раз в этот миг свежий ветерок коснулся их лиц, и обитатели скал развернули крылья. Длинноногий подошел к Браану, вытащил из кобуры пистолет и еще раз проверил наличие патронов. Потом вернул оружие вождю и, отступив на шаг, низко поклонился. Браан вернул поклон и повернулся к Краагу. Охотники запели песнь смерти. Хлопнули крылья, воины прыгнули со склона и устремились вниз. Теперь дело было за ними.

Браан подал сигнал тревоги, и охотники отклонились на восток в поисках воздушных течений. День оказался не самым удачным для полетов, но все же им повезло. Невидимые потоки подхватили обитателей скал и понесли выше, туда, где жужжал зонд-разведчик, хотя цель оставалась еще очень далеко. Маневр требовал высоты, но оружие тянуло вниз. Браан почувствовал, как слабеют его крылья.

— Черт! Вот они! — крикнул Татум. Крионцы бежали вниз, пересекая ложбину у дальнего края хребта. Даже издали они казались огромными. — А бегать умеют!

— Мы опаздываем, — сказала Буккари. — Уходим к лесу!

— Подъем! — закричал Макартур.

— Отступаем! — приказала лейтенант. — Не задерживаться. Если разделимся, сбор у лагеря. И будьте внимательнее. Они не должны нас выследить.

— Быстрее! Быстрее! — подгонял Макартур.

— Рассыпаться и уходить скрытно! — напомнила Буккари. Они побежали к скалам, впереди мчались Честен и Мендоса. Внезапно Честен остановился, поскользнувшись на камне.

— О, черт! — заорал Мендоса. — Смотрите!

Шесть крионских солдат, поднявшихся, очевидно, по другой стороне хребта, двигались к лесу, явно опережая землян. Отрезали!

Один из крионцев, опередив своих товарищей, направил на беглецов лазерный бластер. Голубовато-зеленая вспышка выстрела, и Мендоса закричал, закрывая лицо руками.

— А-а-а! Я ничего не вижу!

— Всем назад! — приказала Буккари. Они отступили, прячась за валунами, все, кроме Макартура. Капрал бросился вперед и, укрывшись за скалой, снял с плеча винтовку. Прозвучал выстрел — бежавший впереди солдат свалился на землю. Крионцы остановились и нырнули за камни.

— Они окружены, полковник, — адъютант тяжело дышал. — Мы их обнаружили. Вот та скала.

— У них более выгодная позиция, — сказал Лонго, внимательно осматривая местность. — Лазеры не годятся, мал радиус действия. Когда подойдут минометчики?

— Примерно через час, полковник.

— Доставьте сюда компьютер-переводчик, — распорядился Лонго. — Предложим им сдаться.

— Как Мендоса? — спросила Буккари, пересчитывая оставшиеся патроны.

— Видит правым глазом, но левый... — Татум покачал головой. Он сидел вместе с Буккари и Макартуром за большим валуном, надежно защищавшим их от периодического обстрела, которому время от времени подвергали землян крионцы.

— Что это они делают? — спросил Татум. Огонь прекратился. Макартур осторожно поднял голову над поросшим лишайником камнем. Два крионца шагали к их укрытию, не скрываясь. Не доходя нескольких метров, они остановились. На одном из подошедших была красная униформа — офицер.

— Это Лонго. Хочет поговорить с нами, — сказала Буккари. — У него прибор-переводчик.

— Думаешь, это какая-то хитрость? — спросил Макартур.

— Есть только один способ выяснить, —

она поднялась, положила на землю карабин и пошла навстречу крионцам.

— Я с тобой, Шал! — крикнул Макартур и побежал вдогонку. — Извините, лейтенант.

Браан и Крааг парили над воздушными разведчиками. Длинноногие предупредили их, что приближаться нельзя. Они еще говорили что-то о невидимой опасности. И вот теперь охотники осторожно опускались, стараясь держаться прямо над целью. Машина издавала громкое, неприятное жужжание, но обитатели скал не испытывали страха — в конце концов, у нее не было ни клова, ни когтей.

— У вас нет выхода, — рокочущий грозный голос полковника мало соответствовал тем равнодушно-механическим звукам, которые вылетали из аппарата. — Продолжать сопротивление бесполезно. Сдавайтесь и останетесь в живых.

— У нас нет оснований доверять вам, полковник Лонго, — ответила Буккари.

Макартур оглядел позиции крионцев. Над головой по-прежнему гудел зонд.

— Вам не остается выбора, — донеслось из ящика.

— Почему мы должны сдаваться? — лейтенант взглянула на офицера. — Разве мы не можем остаться здесь?

— Вам уже объяснили, — сказал Лонго, нетерпеливо поправляя ремень. — Если вы не сложите оружие и не пойдете с нами, мы продолжим преследование и рано или поздно разделаемся с вами... силой.

— Нужно поискать другой вариант, — ответила Буккари.

Некоторое время Лонго молчал, обдумывая ответ.

— Уверен, вы не хотите, чтобы вашему товарищу, Хадсону, стало хуже, — произнес он наконец.

— Хадсону! — вырвалось у Буккари. — Нет! Он жив?

— Он погиб, Шал! — крикнул Макартур. — Не верь ему, это просто ловушка!

— Уверяю вас, Хадсон жив, хотя положение его внушает опасения.

— Шал! Лейтенант! Он мертв, — убеждал Макартур. — И даже если жив, это не имеет значения. Нам надо думать о других.

— Я понимаю, — ответила Буккари. — Позвольте мне вернуться и обсудить все с моими людьми.

— Конечно, но вы должны иметь в виду, что в случае отказа сдаться мы будем преследовать вас, как... как диких зверей, — злоеющая улыбка растянула губы Лонго, когда он кивком головы указал на зонд.

И как раз в этот миг над головой прогремел выстрел. Впрочем, «прогремел» он только потому, что этого никто не ждал. Мотор чихнул и заглох. Макартур закинул голову — зонд стремительно падал, лопасти винтов бесшумно

и беспомощно рубили воздух. Параллельно с машиной летел вождь, пытаясь выйти из штопора. Ему это удалось, и охотник, тяжело работая крыльями, повис на небольшой высоте. Зонд промчался мимо и гулко ударился о землю, почти тут же топливный бак воспламенился и последовал взрыв. Над землей взметнулись желтые и красные языки пламени, потом все затянуло густым черным дымом. Охотник же скользнул над скалой и скрылся с другой стороны хребта.

— Извините, полковник, — с преувеличенной любезностью сказала Буккари, повернулась и пошла прочь. Макартур последовал за ней, то и дело поглядывая назад через плечо. Он опасался нападения сзади.

Буккари приказала уходить выше в горы, и вскоре они оказались всего в нескольких метрах от вершины. Крионцы иногда постреливали, прикрывая свои перемещения на более удобные позиции. Результаты были незначительны: всего несколько ожогов. Зато земляне отличились. Татум и О'Тул уложили по двое солдат каждый, сдерживая продвижение противника вперед.

Пользуясь недюжинной силой Честена, удалось создать даже некое подобие фортификационных укреплений. Гигант выложил целую стену из обломков скал и камней, за которой люди чувствовали себя в относительной безопасности. Кроме того, из «крепости» прекрасно обстреливались все подступы, и штурм ее,

несомненно, дорого обошелся бы атакующим. Самой большой проблемой оставалась скудость боеприпасов. И, конечно, время.

— Почему они не атакуют? — тяжело отдуваясь, Макартур соскочил со стены, любясь творением. — О'кей, Беппо, это твоя работа, — действительно, Честен вместе со Шмидтом только что вкатили наверх огромный булыжник, закрывший левый фланг.

— Не знаю, — Честен пожал плечами. — А не укрепить ли нам еще и центр. Вон тот камушек...

Шмидт устало отмахнулся.

— Отдохни, Геракл, — он вытер перепачканную кровью рыжеватую бородку и подсел к амбразуре с захваченным у крионцев оружием. Все остальные тоже заняли свои места.

— Устанавливают миномет, — сказала Буккари. Она стояла неподвижно на уступе скалы, осматривая позиции неприятеля через бинокль — прекрасная мишень. Рядом с ней устроились обитатели скал, напоминающие статуи на фоне серо-голубого неба. Вражеская пуля ударила о скалу и от ricoшетила к ногам О'Тула.

— Ох, ох, — пробормотал О'Тул. — Миномет разнесет нас на кусочки.

— Лейтенант! — крикнул Макартур. — При всем уважении к вам, но... уберите вашу задницу в надежное место.

Буккари опустила бинокль и соскочила вниз.

— Еще один зонд, — сообщила она. — Вот чего они ждут.

Издалека слышался знакомый визгливый звук мотора.

Вождь свистнул и взглянул на Макартура. Капрал кивнул и указал на небо. Через секунду все три обитателя скал поднялись в воздух. Как и в прошлый раз, они скользили на восток, набирая скорость и надеясь поймать восходящие потоки. Вскоре охотники скрылись из глаз.

— Всем лечь! — закричал Макартур. — Укрыться!

Сам он скользнул в расселину, не забыв захватить винтовку. Буккари расположилась рядом.

— Ну и командир из меня получился, — вздохнула она.

— Перестань нести чепуху! — ответил капрал и стиснул зубы.

По долине прокатилось «бум-бум». Ошибиться невозможно — спускаемый модуль преодолел звуковой барьер. Макартур посмотрел вверх.

— Это наши! — закричала Буккари.

Из-за скал слышались радостные крики, но счастье продолжалось недолго: засвистела мина, вздрогнула земля, и на головы землян посыпался песок и осколки камней. За первым залпом последовал второй, затем третий. Точности огня можно было только позавидовать, мины ложились вокруг окопавшихся землян. Гранитные скалы защищали их от прямых попаданий, но не спасали от осколков, с визгом разлетающихся во все стороны. Буккари вскрикнула. Макартур тут же оказался рядом.

— Куда тебя ранило, Шал? — панически

спросил он. Она сидела, откинув голову, и хватала ртом воздух.

— Я... я о'кей, Мак, — прохрипела Буккари. — Поскользнулась... и... — она подняла руку, пошевелила пальцами.

Он осторожно отодвинул ее от скалы и увидел на камне кровавое пятно. Испугавшись, Макартур принялся стягивать с женщины тяжелый влажный свитер, но в это время рядом взорвалась мина. Прижав Буккари к себе, капрал укрыл ее от посыпавшегося сверху песка.

Миномет ненадолго смолк. Воспользовавшись паузой, земляне приникли к амбразурам, подготовившись встретить огнем возможную атаку крионцев. Макартур внимательно осмотрел рану на плече Буккари.

— Повезло, — он с облегчением вздохнул. — Кровотечение прекратилось, а осколок я вижу. Придется немного потерпеть. Зажми зубами, — капрал протянул ей ножны. — Сейчас я его вытащу.

Это не заняло много времени. Еще теплый кусочек металла упал на землю, звякнув о камень. Макартур положил на рану обрывок своей рубашки и укрыл плечи Буккари шкурой.

— Это все, что я могу сделать, — он накинул сверху свое пончо.

— Спасибо, док, — выдохнула она и закрыла глаза. Боль понемногу уходила. — Как... я еще смогу сыграть на аккордеоне? — лейтенант села прямо, осторожно прислонившись к скале. Снова противный опостылевший вой, разрыв, снова засвистели осколки. Она прижалась к нему, чуть не плача от страха и боли. Макартур обнял ее.

Когда обстрел прекратился, он отстранился, не глядя ей в лицо. В его глазах стояли слезы.

— В чем дело, Мак? — тихо спросила она. — Мы выберемся отсюда, я знаю. Флот придет. Ты же слышал модуль.

Он печально улыбнулся.

— Ты смешная, Шал. Вот это меня и беспокоит.

— Что? Почему?

Макартур опустился на колени.

— Шал, — он сжал ее руку. — Мы принадлежим к разным мирам. Флот вернулся. Ты сможешь... должна будешь вернуться в свой. Ты — офицер. Я — нет.

— Чушь, Мак! — ее зеленые глаза сверкнули. — Это наш мир! Твой и мой! Это новый мир, мы напишем здесь свои собственные законы, создадим свою философию.

Макартур заглянул в покрасневшие глаза, напряженно всматривающиеся в него, провел рукой по закопченному лицу, погладил шрам, убрал спутанную прядь волос.

— Всею свое время. Не будем об этом сейчас. Плечо... тебе придется нелегко, если опять полезем в горы. Только теперь уже вниз.

— Обо мне не беспокойся... капрал.

Макартур улыбнулся, но улыбка исчезла с его лица, когда он понял, что обстрел не просто прервался, а прекратился совсем. Капрал вскочил на ноги и выглянул из-за стены.

— Сэнди! Терри! Что там у вас происходит? — крикнул он.

— Все тихо! — откликнулся Татум. — Прячутся в скалах.

— Смотрите! — Буккари тоже поднялась. — Зонд!

✦ ✦ ✦

— Полковник! — воскликнул запыхавшийся адъютант. — Зонд! На него напали птицы.

— Это не птицы, — фыркнул Лонго, направляя в небо бинокль. — У птиц не бывает оружия. Дайте команду отвести зонд назад и снизиться. А солдаты пусть сожгут этих... птиц!

То, что происходило в небе, весьма беспокоило его: нельзя позволить, чтобы эти крылатые существа сбили последний зонд.

— Давайте побыстрее! — закричал он. — Побыстрее.

— Это максимальная скорость спуска, полковник, — пояснил техник. Оба офицера умолкли, с тревогой наблюдая за снижающейся машиной и надеясь на чудо.

✦ ✦ ✦

По иронии судьбы, направь крионцы свой зонд выше, это затруднило бы задачу обитателей скал. Теперь же, когда он снижался, Браану было легче преследовать его с высоты. Тщательно контролируя движения, вождь приближался к цели. Для набора скорости он сложил крылья и, миновав гудящую машину, поднырнул под нее. Описав изящную параболу, охотник встретил врага лицом к лицу. Держа пистолет двумя руками, он направил свое грозное оружие на приближающегося противника.

Сила притяжения тянула воина вниз, и вождь знал, что в его распоряжении только одно мгновение.

В тот миг, когда крылатый воин и воздушный разведчик оказались на одном уровне, вождь выстрелил, а еще через секунду машина врезалась в него.

— Зонд ударил его! — закричал Макартур, опуская бинокль. Аппарат замер в воздухе, мотор застучал и затих, хотя лопасти продолжали вращаться. Тело охотника бесформенным комком отлетело в сторону. Макартур снова навел бинокль на кувыркающуюся фигуру воина, но в поле зрения оказался зонд. Машина потеряла управление, попытки выровнять ее успеха не имели, и разведчик стал заваливаться назад. Макартур покачал головой, опасаясь, что тяжелые лопасти ударят охотника, но в эту секунду вождь вынырнул из-под падающего аппарата.

— Ну, давай же! Улетай! — прошептал капитан. — Уходи!

Левое крыло обитателя скал сложилось и повисло, и охотник перевернулся в воздухе. Траектория падения изменилась, но положение оставалось опасным.

— Ты же можешь! — во всю мочь закричал Макартур. — Улетай же, черт тебя дер! Улетай!

Вождь снова расправил крылья. Свободное падение превратилось в скольжение, охотник неуклюже пролетел над землей, качнувшись над позициями крионцев. Зонд врезался в склон холма и взорвался, вызвав восторг землян. Макартур радостно вскрикнул.

Однако радоваться было рано. Рассыпавшиеся по широкому фронту солдаты пришли в себя после крушения зонда и обратили внимание на того, кто расправился с ним. Крионцы заняли позиции, подняли бластеры. Вождь уходил на восток, стараясь держаться над землей. Едва он миновал позиции солдат, как те открыли огонь. Охотник нырнул вниз, потом резко поднялся. Вождь преодолел уже половину расстояния до спасительных скал, но совершаемые им маневры вели к потере скорости. Воин подлетал к хребту, когда его настиг луч бластера. Сложившись в комок, вождь то ли упал, то ли стремительно опустился на камни, почти добравшись до укрытия.

Высоко в небе слышались тревожные крики его товарищей.

— Он еще двигается! — закричал Макартур, вглядываясь вдаль. Положив бинокль и винтовку, он метнулся вниз по склону. — Прикройте меня!

Вождь упал, не долетев до скалы, но гребень хребта он миновал, а потому крионцы не видели его со своих позиций. Если бы Макартура удалось добежать до камней у подножия хребта, он сумел бы добраться и до раненого охотника, склон защитил бы его. Это-то капрал и намеревался сделать.

Луч лазера ожег щеку, и Макартур понял, что у него загорелась борода. Он нырнул за валун, сбивая ладонями пламя и чувствуя, как с лица оплывает кожа. Запах горелого мяса ударил в нос, вызывая приступ рвоты. Позади слышался какой-то шум, и Макартур оглянулся. Перескакивая с камня на камень и стре-

ляя на ходу, к нему мчались Буккари и Честен. Лазеры замолчали, но зато заговорила полевая пушка. Снаряды разметали камни рядом с ним.

Он перекатился через открытое пространство между скал и, почувствовав под собой более мягкую почву, понял, что добрался до травы. Вскочив на ноги, Макартур рванулся дальше, стараясь не высовываться из-за хребта. На этот раз лазерный луч скользнул по шее, но он уже миновал опасную зону. Метрах в ста от него по траве ковылял вождь. Он сильно хромал, крылья беспомощно волочились по земле. Справа от капрала склон резко — почти отвесно — уходил вниз, и Макартур, рискуя сломать шею, ринулся навстречу охотнику.

Вождь все еще сжимал руками пистолет. Макартур выхватил оружие, сунул его за пояс и поднял обитателя скал, как ребенка. Глаза несчастного были закрыты. Он что-то пропищал — жалобно, как показалось капралу, — и затих. Макартур повернулся, чтобы начать отход к скалам, и увидел на гребне крионских солдат, поливающих огнем камни, за которыми укрылись Буккари и Честен. Прижимая охотника к груди, он опустился на колени за гранитной плитой. Два крионца открыли по нему огонь. А патронов-то почти нет. Эта мысль чуть не заставила его заплакать.

От основных сил противника отделилась группа солдат и направилась в его сторону. Не спуская с рук вождя, Макартур привстал и дважды выстрелил в переднего крионца. Тот упал на спину, ударившись головой о камень, отчего его шлем треснул. Другие поспешно залегли. Он навел оружие на еще одного солдата

и нажал курок. Прогремел выстрел, но затем — щелк, щелк, щелк! Патроны кончились. Капрал в отчаянии огляделся. Выбора не оставалось. Втянув голову в плечи, он рывком поднялся, не чувствуя веса ноши. До укрытия не больше тридцати-сорока метров.

Он успел сделать четыре шага, когда сзади ударила пуля. И еще одна! Боль охватила спину, но почти тут же отступила, растеклась теплой парализующей волной — тело окаменело. Все! Он еще владел ногами, но они уже плохо ему повиновались. Его ударило еще раз, руки разжались, перед глазами завертелось небо... И он погрузился в благословенный океан бесчувствия.

Глубоко в плече засела боль. Каждый раз, когда Буккари нажимала на курок и приклад отдавал назад, он крушил ее разорванные мышцы. Она вытерла со лба пот и пошарила рукой по поясу. Осталась последняя обойма. Честен, укрывшийся чуть пониже, выскочил из-за камня и выстрелил из винтовки. Настоящий огненный шквал обрушился на них в ответ. Лазерные лучи пели над головой, пули дробили валуны, осыпая их градом песка и осколков гранита. Честен, скорчившись за плитой, взглянул на Буккари. Почерневшая борода, обожженное лицо... и слезы в глазах. Великан плакал. И она тоже плакала. Плакала от горя, отчаяния и страха. Волосы ее обгорели, на лице вскакивали волдыри. Там, на камнях, чуть пониже их укрытия, лежал на спине

Макартур. Он не шевелился. Вождь лежал рядом с ним, его крылья укрывали неподвижное тело землянина.

— Он мертв, Джокко! — яростно закричала Буккари. — Мы уже не поможем ему. Нет!

Честен не отвечал, плечи его вздрагивали. Обстрел продолжался. Сколько же будет длиться этот ад, подумала она. Над головой просвистела пуля и, расплотившись о гранит, упала безобидным кусочком металла к ее ногам. Честен, упав на бок, выстрелил еще раз. Вероятно, магазин опустел, потому что великан зло ударил кулаком по земле. Откатившись назад, он перезарядил винтовку. Буккари знала — это последняя обойма. Снова застучали пули. Да, похоже, им не выбраться отсюда.

— Я тоже не хочу его оставлять, Джокко! — в отчаянии крикнула она. — Но он не хотел бы, чтобы мы умирали. Нет, он хотел, чтобы мы жили.

Сверху зазвучали выстрелы. Она отвела взгляд от крионцев и увидела Татума, пробирающегося между камней. Наверное, решил отступить, подумала Буккари. Что же, с одной рукой тяжело воевать. Но если ему удастся уйти, то и ей, возможно, тоже. Она снова повернулась к противнику и, взяв себя в руки, выстрелила. И тут же услышала свое имя. Татум звал ее! Буккари повернулась к нему. Прижав ладонь ко рту, он что-то кричал, но из-за грохота боя ничего не было слышно. Наконец, в промежутке между выстрелами до нее донеслось:

— Держитесь... охотники...

Охотники? Тонто и Синий Нос? Но что они могут? Она взглянула на Честена. Тот опустил

винтовку и смотрел куда-то вверх. Буккари проследила за его взглядом. Обитатели скал! Охотники! Сотни... Нет, тысячи! Как черное облако дыма, плывущее с запада. Но как далеко! Ветер донес свист. Крионские солдаты перестали стрелять, с недоумением следя за надвигающейся ордой.

— Продолжать огонь! — закричала Буккари и, выйдя из укрытия, прицелилась в ближайшего крионца. Отдача заставила ее застонать, но солдат упал. Ее товарищи поддержали своего командира, и обескураженные враги снова залегли, не зная, какая из опасностей представляет наибольшую угрозу. Снова защелкали пули, а вот бластеры уже потеряли свою смертоносную мощь, и их лучи только обжигали.

— Полковник Лонго! — закричал адъютант, взволнованно поглядывая на огромное черное облако. — Энергомощность падает. Не подумайте ли об отступлении?

Лонго с недоумением смотрел в небо. Что могут сделать эти крылатые существа? Но уже после первых стрел он понял, что ситуация выходит из-под контроля. Целый шквал коротких, игрушечных с виду тростинок с металлическими наконечниками захлестнул склон хребта, словно порыв дождя. Но только этот дождь нес боль. Лонго опустил глаза — стрела с черным оперением торчала из бедра. Ногу свело от боли.

— Бластеры! — командовал он. — Стреляйте в этих тварей из бластеров! Сожгите их!

Крионцы повернули оружие против нового врага. Никто из солдат еще не был убит, но многие получили весьма серьезные ранения, а некоторые даже выбыли из строя. Страх смерти придал крионцам сил, лазерные лучи, бессиленные против землян, все же доставали атакующих с неба обитателей скал, слизывая их сразу по дюжине, прожигая крылья. Однако за первой волной последовала вторая, принесшая новый поток стрел на позиции великанов. Четверо крионцев погибли, еще двое, уже стоя на коленях и чувствуя дыхание смерти, все же продолжали отстреливаться.

И третья волна. Лонго насчитал в своем теле шесть стрел, одна из них, попавшая в шею, лишила его возможности отдавать приказания. Он тоже умирал. С неба падали тела охотников, маленькие обгоревшие комочки со сломанными крыльями, до последнего сжимающие луки. Падали и крионцы. И стрелы, стрелы, стрелы.

Огромные тела мертвых крионцев, утыканные десятками стрел, лежали на позициях вперемежку с десятками погибших обитателей скал — маленьких, почерневших, окровавленных. Оставшиеся в живых — печальные победители — опускались на землю и строились в колонны.

Буккари подбежала к безжизненному телу Макартура. Честен уже склонился над другом, рядом с ними были Тонто и Синий Нос. Великан осторожно снял с капрала окровавленную куртку и поднял руку.

— Нет, лейтенант. Не смотрите, — он всхлипнул, по обожженному лицу покатились слезы. — Мак не вытянет.

— Он жив? — спросила Буккари.

Честен кивнул и, поднявшись, обнял ее за плечи.

Она вырвалась и опустилась рядом с умирающим. Слева от капрала лежал погибший вождь. Оба воина, соединенные смертью, были накрыты одним пончо. Черные глаза Браана невидяще смотрели в голубое небо, и, когда Буккари присела, Синий Нос наклонился к другу и закрыл их. При этом то он, то Тонто на-свистывали пронзительную скорбную мелодию.

Макартур еще дышал, грудь его с хрипом вздымалась и тут же опадала. Шал склонилась над капралом. Он моргнул, взгляд стал осмысленным, голова чуть наклонилась. Рука шевельнулась, но поднять ее у него не хватило сил.

— Держи... — выдохнул он. — Шал... держи... мою... руку, — из глаз покатились слезы, лицо дрогнуло. Буккари прижала его ладонь — шершавую, мозолистую и сильную — к своей щеке.

— Позволь... дотронуться... до тебя... — прошептал он. Она потерлась щекой о его слабеющие пальцы.

— Мак... — рыдания не давали ей говорить. — Мак... я...

— Честно... Шал... ты... очень красивая... — его рука сжала ее запястье, и серые глаза погасли.

ГЛАВА 44. ГРАЖДАНЕ

Кассиопея Квинн стояла на новой планете: чувство утраты отступило, сменившись другим — решимостью. Впереди ее ждала работа, не самая простая, на новой планете с безграничным потенциалом. Разве не об этом она мечтала, и не к этому ее готовили? Вот только о гравитации позабыла — сердце с трудом качало кровь, ноги налились свинцом, в голове шумело, а еще — было холодно. Терпение, напомнила она себе: прошло всего лишь две недели с тех пор, как они высадились здесь.

— Как дела, командор? — спросил Годунов. Они только что закончили проверку оборудования станции, размещенной у озера. — Вы что-то побледнели.

— Все нормально, Нес, — ответила Квинн. — Немного устала.

— Надо бы вам сделать передышку и расслабиться, — сказал он. — Вы измучили себя работой. Полюбуйтесь лучше пейзажем.

Он указал на заснеженные горы и нависающие ледники. Встревоженные их появлением бронзово-коричневые утки пронеслись над водной гладью и поднялись в воздух, громко сообщая о своем недовольстве; из воды выскочила

крупная рыба и с плеском вернулась в родную стихию.

— Ты прав, но я слишком возбуждена, чтобы расслабиться, — ответила женщина.

Они прошли чуть дальше по берегу, пока не обнаружили поросший лесом мыс, защищенный от холодного ветра скалами. Вот он, поселок. Чуть повыше песчаного берега на согретой солнцем траве сидели Катеос и Доворнобб, оба без шлемов. Доворнобб помахал рукой.

— Хорошие новости! — закричал он. — Хассон пришел в сознание. Мы только что получили сообщение от вашего флота. Доктора говорят, что он будет жить.

Квинн с облегчением вздохнула. То, что Нэш Хадсон выжил, было вызовом логике и здравому смыслу. Многочисленные ожоги и переломы не оставляли ему шансов на жизнь, но мичмана все же спешно эвакуировали с планеты на первом же модуле и доставили в медицинский центр на борту «Тьерра дель Фуэго». Перегрузки перелета оказались слишком тяжелым испытанием для раненого, и в дороге он умер, но был оживлен, дважды. Доктора и оборудование, имевшееся в распоряжении флота, позволяли творить чудеса, но для этого требовался не труп, а живой пациент. В общем, истерзанное тело и осиротевшая душа Хадсона все же были доставлены в госпиталь, где их и воссоединили. Разумеется, на полный курс лечения уйдет гораздо больше времени.

— Чудесно, — с трудом сдерживая накатившие слезы, сказала Квинн. — Это так много для нас значит!

— Для нас тоже, командор, — ответила Катеос, поднимаясь. — Хассон — наш хороший друг. Мы пойдем с вами, — Доворнобб завернул остатки пикника в скатерть и положил в карман.

Они молча прошли мимо куч пепла и почерневших камней, оставшихся на месте недавних строений. Рама ворот частокола, как ни странно, пережила все потрясения и по-прежнему стояла, как памятник защитникам поселка. Уже началось новое строительство. Мастера, пришедшие на помощь землянам, настороженно посматривали на проходящих крионцев.

— А вот и граждане Доусон и Голдберг со своими детьми, — сообщила Катеос. — Пойдем, супруг, поздороваемся с ними. Я хочу поддержать малыша.

— Опять! — Доворнобб улыбнулся, видя столь явный энтузиазм супруги. Крионцы затрусили прочь.

— Извините, командор, — сказал Годунов, — но мне пора идти, нужно успеть к следующему модулю, а еще надо через реку переправиться. Фенстермахер отправляется на пароме через полчаса.

— Хорошо, Нес, — ответила она. — Я вернусь на «Эйр» через три дня.

Она осталась одна. Вокруг кипело строительство, очищались стены, уже была почти готова новая крыша. Близилась новая зима, и спасшиеся с «Харриера-1» спешили восстановить поселок как можно быстрее.

Ей с трудом удавалось не посматривать на полуобнаженных мужчин, обтесывавших камни и пиливших бревна. Не будучи ханжой, она

все еще никак не могла привыкнуть к виду волосатых загорелых тел. Проходивший мимо капрал Татум широко улыбнулся ей, придерживая одной рукой громадный, еще не ошкуренный ствол, грозивший, как ей показалось, сломать ему плечо. Длинные рыжие волосы, собранные в пучок, спускались ниже плеч, усы и густая борода почти полностью скрывали лицо, спина и грудь были покрыты волосками медно-ржавого цвета. Красное лицо с шелушащейся кожей усеяно веснушками. Квинн еще раз напомнила себе, что инопланетяне — это крионцы и обитатели скал.

В самом центре руин, рядом с большим костром, высились три крионские палатки. Возле огня, наблюдая за суетой землян, стоял Эт Силмарн, без шлема. Чувствуя необходимость погреться, она подошла к ученому.

— Губернатор Эт Силмарн, — запинаясь, произнесла Квинн по-крионски, — я хочу погреться.

— Доббрый день, командорр Квинн, — ответил крионец. — Вы с каждым днем говорите все лучше. Скоро нам уже не будет нужен переводчик, придуманный Катеос. Пожжалуйста, посстойте со мной. Холлодно. Как только они рработают без одеждды?

— Их согревает работа, — ответила Квинн, в душе разделяя удивление своего собеседника.

— Все иддет хоррошшо, — сказал Эт Силмарн. — Возможно, Шал и пррава, что хоччет перресстроить посселокк. Я не должен

был треббовать — треббовать, да? — Квинн кивнула, — чтоббы люди пересселились на зиму на Океаническую Станцию.

— Вы уже не сердитесь на Шал? — спросила Квинн.

— Нет, — ответил крионец. — Только... э... чувство обидды. Шал сказала, Лонго тоже хотел, чтоббы люди уеххали на юг. Этто не такк. Я не Лонго.

— Она не хотела вас обидеть.

— Этто я знаю. У Шал боль на сердце.

Квинн сочувственно кивнула, и только теперь вспомнила о своих обязанностях.

— Завтра должен прибыть адмирал Рунакрес, — сказала она, переходя на родной язык и опуская руку в сумку. — После встречи с экипажем он хотел бы поговорить с вами. Программа для обсуждения примерно...

— Командор, — остановил ее Эт Силмарн. — Когда Эт Авиан... э... Король Оллант назначал меня губернаторром, он ясно дал понять, что во всех дискуссиях должна участвовать грражданка Шал. Нам нужно найти ее, да?

Целыми часами Буккари гуляла в одиночестве. Частенько во время таких прогулок она взбиралась на горные склоны, сидела в траве, любуясь многообразием и обилием цветов. С ней всегда был кто-то из охотников, иногда они парили высоко в небе, иногда скакали далеко позади, с оружием в руках, всегда готовые прийти на помощь, и она испытывала бла-

годарность к обитателям скал за эту молчаливую поддержку.

В небе прозвучало знакомое «бум-бум», и Буккари подняла голову — над рекой заходил на посадку очередной модуль. У нее непроизвольно напряглись предплечья, пальцы сжали воображаемый штурвал. Спускаемый аппарат приблизился, уже можно было различить цвет сигнальных огней. На какое-то время его заслонил дым костра, а когда шаттл снова появился над долиной, лейтенант даже различила бортовой номер. Желудок потянуло вниз, как это бывает при торможении; сейчас касание, и... порядок! Она опустила глаза — под ногами земля.

Буккари перевела дыхание и свернула на тропинку. Теперь на очереди официальные мероприятия, лейтенант улыбнулась, вспомнив, что Рунакрес, адмирал флота, должен будет попросить у нее разрешения на право сойти на эту планету. Ее новый статус уже стал предметом шуток среди поселенцев, но ведь адмирал предложил еще и должность командира корвета. К этому Буккари отнеслась более серьезно. Она прибавила шаг.

Капеллан отслужил поминальную службу, и адмирал Рунакрес поднял голову и отложил молитвенник. В теплом, почти неподвижном воздухе назойливо гудели пчелы, а налетавший иногда с озера мягкий прохладный ветерок только освежал уставших участников церемонии. Они стояли под одиноким раскидистым

деревом на лужайке напротив почерневших стен форта. Рунакрес кивнул, и вперед выступил почетный караул. Над могилами павших прогремел залп. Вот и все. Не было горниста, но плачущих детишек хватало. Напуганные выстрелами, они, как по команде, заголосили, внеся свою лепту в печальную церемонию.

Негромко разговаривая, Буккари и Эт Силмарн отошли в сторону от выложенных из камней надгробий с именами Ученого Лолле, боцмана первого класса Джонса, старшего сержанта Шэннона и рядового Пети. Оставшиеся в живых члены экипажа, за исключением Нэша Хадсона, находившегося в госпитале на «Тьерра дель Фуэго», были здесь: Ганнер Уилсон, Терри О'Тул, Нэнси Доусон, Джокко Честен, Сэнди Татум, Билли Гордон, Уинфред Фенстермахер, Пеппер Голдберг, Тукс Тукманиян, Тоби Мендоса и Беппо Шмидт. Все красовались в новой форме, но торжественность траурного момента нарушали бороды и «хвосты». Лесли Ли, единственный гражданский член экипажа, сидела в тени на расстеленном одеяле, взяв на себя заботу о брошенных взрослыми малышах. Когда церемония закончилась, она позволила детишкам походить по траве, следя за их перемещениями и одновременно качая дочку. К ней подошли Доусон и Голдберг. Доусон, еще не привыкшая к отсутствию Шэннона, плакала, опираясь на плечо подруги.

Об остальных тоже не забыли, но они покоились дальше: командор Квинн, мичман Родс и рядовой Рено были похоронены на плато; капрал Макартур и обитатель скал, вождь охотников, а с ними шестьдесят три воина и трид-

цать восемь крионских солдат, лежали на вершине хребта, недалеко от вулканов-близнецов. Павшие в одной битве, но не забытые.

— Очень трогательно, — сказала Мерривезер. — На их долю выпало много испытаний.

— Да, верно, — согласился Рунакрес, спускаясь к озеру. — Несомненно, немало еще впереди.

— Когда вы встречаетесь с Эт Авианом? — спросил Уэллс.

— Согласно договоренности, через два месяца. Вообще-то я встречаюсь с Советом Планетарной обороны, — ответил Рунакрес. — Сейчас Буккари как раз обсуждает этот вопрос с Эт Силмарном. Может быть, слишком рано.

Адмиралу больше ничего не оставалось, как терпеливо ждать. Он опустился на камень и посмотрел туда, где совещались Буккари и Эт Силмарн. Его примеру последовали Мерривезер и Уэллс, занятые оживленным разговором. День был прекрасный.

— Сколько землян сможет получить разрешение жить на этой планете? — спросила Мерривезер.

— Пока это не определено, — ответил Рунакрес. Он уже подал рапорт, в котором просил доставить на Генеллан как можно больше землян и установить график дальнейшей иммиграции. На флоте не было недостатка в добровольцах, и он знал, каким будет отклик, когда они возвратятся на Землю. Бунты, вот что их ждет. Взятничество и коррупция достигнут новых высот, ведь среди желающих уехать с Земли немало богатых и влиятельных людей. Адмирал не сомневался, что именно они

и получают разрешение на переселение. Но, в конце концов, это уже не его забота. Его задача открывать планеты, а не управлять ими. Вот почему Рунакрес сочувствовал Буккари.

— Есть слухи, что ваш график не нравится Эт Силмарну, — сказал Уэллс.

— Откровенно говоря, я подозреваю, что возражает не он, а Буккари, — рассмеялся Рунакрес. — И горжусь ею. Надеюсь, что нам удастся вернуть ее в упряжку.

— Она, действительно, согласилась продолжить службу на флоте? — спросил Уэллс.

— Вернется, — твердо произнес адмирал. — Хорошие пилоты должны летать, а не выращивать какие-то корешки.

— Адмирал, а вы об этом не думали? — поинтересовалась Мерривезер. — Ну, выращивать корешки?

— Думал ли я об этом? Да, — ответил Рунакрес. — А впрочем, нет. Пока нет. Уж слишком я стар, чтобы играть в бойскаутов. Пусть этот райский уголок подождет меня еще несколько лет. Кроме того, по-моему, самая большая проблема у человечества еще впереди.

— Что вы имеете в виду, сэр? — спросил Уэллс.

— Вы ведь еще не забыли Шаулу, а? Где-то скрывается эта древняя агрессивная цивилизация. На нас она напала двадцать пять лет назад. Кто знает, может быть, она же побывала здесь, я говорю о Крионе, более пятисот лет назад.

— Вы думаете, это одна и та же цивилизация? — удивилась Мерривезер.

— Этого никто не знает, — Рунакрес по-

смотрел в небо. — Так или иначе, где-то там затаилась угроза. И у меня такое предчувствие, что мы столкнемся с ней уже в ближайшее время.

Он замолчал, прислушиваясь к счастливому лопотанию детей, завидуя их безмятежности. Вспомнил их имена — они знаменитости. Старшая, Хани, бегала по песку у озера, маленький Адам пытался угнаться за ней и то и дело падал на пузо, а самая младшая — Хоуп — только что проснулась на руках у матери.

ЭПИЛОГ

Буккари глубоко вздохнула. На берегу пахло сырым песком и водорослями — запахи океанских приливов. Они были приятны ей, как музыка, поднимая в душе давно забытые чувства. Теплая вода щекотала босые ноги, а прислушавшись, можно было услышать наплывающие на берег жалобные стонущие звуки, доносящиеся сквозь завесу тумана. Сладкие звуки — уж не Тритон ли дует в морскую раковину? — нежные и чистые, повисли в воздухе, но тут же отступили, рассеялись. Станные, таинственные звуки — у Генеллана еще много тайн.

Она смотрела вдаль, в густую мутную пелену, скрадывающую необъятные просторы океана, но знала, что горизонт там, он есть, существует. Небо уже розовело, обещая еще один сказочный день, у ног ленивой волной шуршал прибой, и размеренный шорох скользящей по песку воды действовал умиротворяюще. Ветерок посвежел, хотя она не столько чувствовала, сколько видела его — туман поднялся выше, а зеркальная гладь океана подернулась рябью.

Ветер промчался и по берегу, разметав ее

медные волосы, пышные и блестящие. Они упали на лицо, и она отбросила их легким движением руки. Пальцы коснулись шрама, задержались на нем и, как это всегда бывало, вызвали прилив воспоминаний. Она опустила руки, и они заняли привычное положение, но тут же, словно о чем-то вспомнив, поднялись, ощупывая округлившийся живот, собиравший силы для новой жизни, в которой сплетались и память о прошлом, и надежда на будущее — настоящее чудо.

Эта биологическая активность оставалась недоступной пониманию Буккари. Она обладала обширными знаниями, да и ум у нее был пытливый и легкий, так что обычно никакие процессы и системы не представляли для нее труда. Разум служил союзником, а логика надежным инструментом. И тем не менее, в данном случае что-то не получалось: все было не так, ее тело действовало само собой, создавая нечто почти из ничего — чудо, просто чудо, чудо жизни, новое начало.

Позади нее заскрипел песок. Она повернулась и увидела Катеос. Буккари вышла из воды, зная, что крионцы побаиваются океана. Теперь она много знала о них. Земная женщина ответственно подняла руку, и крионка, выпрямившись, сделала то же самое. Потом Катеос сняла шлем.

— Тумман поднимается, — сказала она. — Скорро ты ихх увидишь.

— Китов? Этот звук... Это они, киты? — спросила Буккари. И снова трубный звук — пронзительный стон — долетел издалека. За ним раздалась и другие звуки — отчетливые,

клацающие и громкие, таких она еще не слышала.

— Да, они возвращаются. Это их кличч, — ответила Катеос, отступая от набежавшей волны. — Ужже близко. Смотри, тумман уходит.

Подруги стояли на берегу, а свежий ветер уже разметал туманный занавес, и только кое-где его клочки еще висели над водой. Горизонт ясной линией лежал там, где океан и небо разделяла только одна эта узкая полоска. Фонтан! Так вот они где, эти громадные жители глубин! Киты всплывали, тяжело отдуваясь, их круглые черные спины были усеяны мелкими рачками и водорослями, из ноздрей вырывался пар.

— Они приходят сюда, чтобы выносить свое потомство, как и ты. Твой реббенок тоже родится здесь, — восторженно сказала Катеос.

— Да, он родится у моря, — ответила Буккари. — А потом я вернусь в долину Макартура. Ведь киты тоже уходят в океан. Возвращаются домой.

Они замолчали, наблюдая вечное непрекращающееся движение стихии.

— Ты вернешься в космос, Шал? — с завистью в голосе спросила крионка, опускаясь на четвереньки, чтобы заглянуть в глаза подруги.

Буккари ласково улыбнулась.

— Космос — тоже океан... Может быть, Катеос. Все может быть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ III	
УСТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ	3
ГЛАВА 25. ОБЩЕНИЕ	5
ГЛАВА 26. КОШМАР	32
ГЛАВА 27. ВОЙНА	68
ГЛАВА 28. ЗИМА	75
ГЛАВА 29. ВЕСНА	97
ГЛАВА 30. КОНТАКТ	122
ГЛАВА 31. ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ	141
ГЛАВА 32. ХАДСОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ	150
ГЛАВА 33. ГЕНЕЛЛАНСКИЙ ЛЕС	164
ГЛАВА 34. ОТКРЫТИЕ	182
ГЛАВА 35. ПАРОМ	199
ГЛАВА 36. ШРАМЫ	215
ГЛАВА 37. ОСЕНЬ	236
ЧАСТЬ IV	
РАЗВЯЗКА	249
ГЛАВА 38. ВТОРАЯ ЗИМА	251
ГЛАВА 39. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЛОТА	264
ГЛАВА 40. СНОВА ВЕСНА	278
ГЛАВА 41. КОНФРОНТАЦИЯ	299
ГЛАВА 42. КОНФЛИКТ	321
ГЛАВА 43. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА	351
ГЛАВА 44. ГРАЖДАНЕ	382
ЭПИЛОГ	392

Литературно-художественное издание

Джир Скотт Г.

ПЛЕННИКИ ГЕНЕЛЛАНА

Роман в двух томах

Том 2

Технический редактор *Соловьева М. Г.*
Корректор *Храменко О. Э.*

Подписано в печать 04.06.96. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура «Балтика». Объем 12,5 п. л. Тираж 15 000 экз. Зак. 814.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, к. 2.
Лицензия ЛВ 613.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

